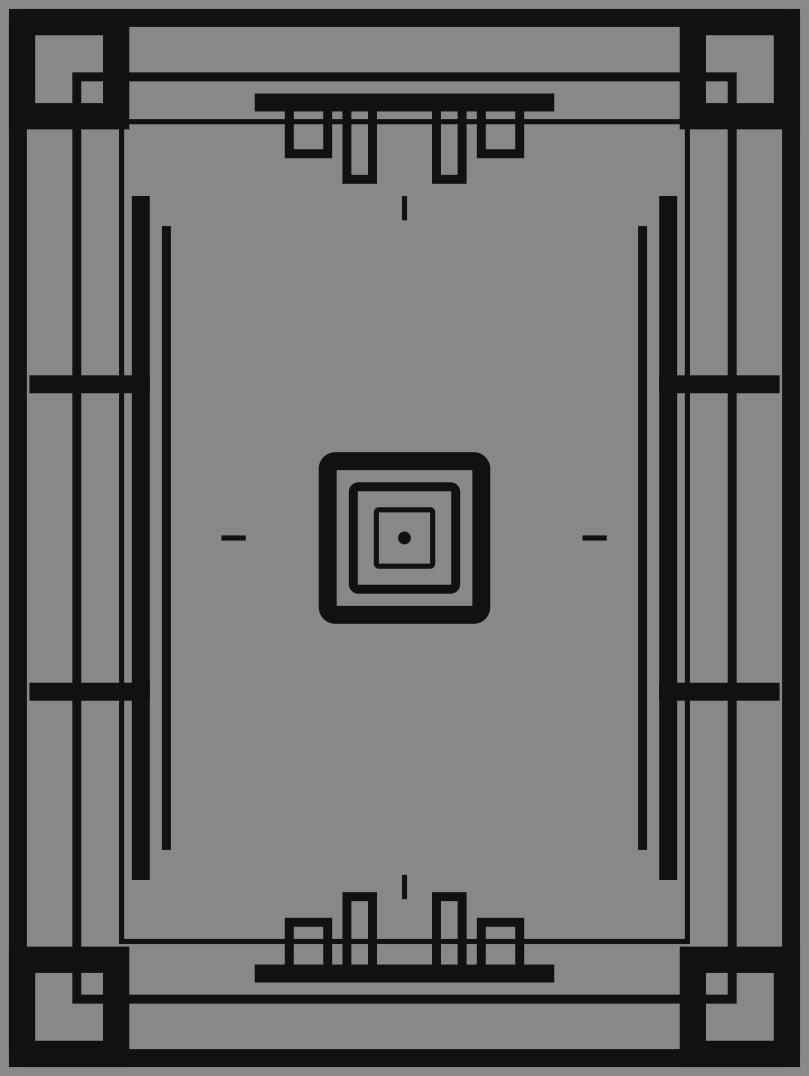

Ресторан «У конца света»

Дуглас Адамс

Дуглас Ноэль Адамс. Ресторан «У конца света». Неофициальный, любительский перевод М. В. Спивак
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19

Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34

Дуглас Ноэль Адамс
Ресторан «У конца света»
Неофициальный, любительский перевод М. В. Спивак

Посвящается Джейн и Джеймсу

Кроме того, автор выражает свою искреннюю благодарность Джоффри Перкинсу за содействие в достижении Невероятного, Пэдди Кинсланду, Лизе Браун и Алику Хейлу Монро за оказанную в этом помощь, Джону Ллойду за его вклад в первоначальный сценарий «Милливэйз», Саймону Бретту за то, что рискнул заварить всю эту кашу и альбому Пола Саймона «One Trick Pony», который автор без конца крутил, пока писал эту книгу. Пять лет — это долгий срок, пожалуй даже, чересчур долгий.

А также особое спасибо Джеки Грэхем за бесконечное терпение, доброту и питание, предоставленные автору в трудную для последнего минуту.

Одна теория гласит, что, как только кому-либо удастся открыть истинную причину существования Вселенной, она немедленно исчезнет и будет заменена на нечто гораздо более странное и непонятное.

Другая теория утверждает, что это уже случилось.

Глава 1

До сего момента события развивались следующим образом.

Сначала создалась Вселенная. Сие происшествие многих взбесило, будучи расценено как крайне неосмотрительный исторический шаг.

Принято считать, что Вселенную создал некто Бог, хотя есть и другие соображения: например, джатравардиды с планеты Вильтводле VI верят в то, что Вселенную вычихнуло из ноздри существо, именуемое Великим Зеленым Апопкалепсизноем.

Джатравардиды живут в постоянном страхе перед пришествием Большого Белого Носового Платка. Джатравардиды — маленькие голубенькие созданьица, у каждого из которых более пятидесяти рук. В истории Вселенной эта раса уникальна тем, что изобрела аэрозольный дезодорант раньше колеса.

Как бы то ни было, за пределами Вильтводле VI теория о Великом Зеленом Апопкалепсизное не слишком популярна, а потому, ввиду крайней странности и непонятности Вселенной, продол-

жается непрерывный поиск других объяснений ее возникновения.

Так, скажем, одна сверхразумная раса многомерных существ сумела построить гигантский суперкомпьютер под названием Глубокий Мыслитель с целью раз и навсегда вычислить Ответ на Великий Вопрос о Жизни, Вселенной и Всяком Таком.

В течение семи с половиной миллионов лет Глубокий Мыслитель считал, пересчитывал и в конце концов объявил, что ответ вообще-то «сорок два» — после чего пришлось срочно строить другой, значительно более гигантский, компьютер, чтобы выяснить, а какова, собственно, точная формулировка вопроса.

Этот самый компьютер, получивший название «Земля», был такой огромный, что его нередко ошибочно принимали за планету. В этом заблуждении особенно упорствовали обезьяноподобные существа, блуждавшие по поверхности Земли в абсолютном неведении того факта, что они являются всего лишь элементами огромной компьютерной программы.

Совершенно, кстати, непонятно, как им удавалось сохранять столь девственное невежество, ибо лишь обладание этим элементарным зна-

нием позволяло дать всему происходившему на Земле мало-мальски логическое объяснение.

Чрезвычайно печально, но, как раз перед объявлением результата работы программы, Земля была неожиданно уничтожена вогонами, чтобы — по их словам — освободить место для нового гиперкосмического экспресс-маршрута. Тем самым надежда найти смысл жизни была потеряна навсегда.

Так, по крайней мере, в тот момент казалось.

Но двое из вышеупомянутых обезьяноподобных существ выжили.

Артуру Денту удалось спастись в последнюю минуту, поскольку внезапно выяснилось, что один из его приятелей, Форд Префект, прибыл с маленькой планеты в окрестностях Бетельгейзе, а вовсе не из Гилфорда, как он до этого утверждал; и, что куда более важно, знает, как следует голосовать, чтобы тебя подвезли пролетающие тарелки.

Трисия МакМиллан — именуемая Триллиан — покинула планету шестью месяцами раньше в компании Зафода Библброкса, на тот момент занимавшего пост Президента Галактики.

Двое уцелевших.

Жалкие остатки величайшего из когда-либо

проводившихся экспериментов — поиска Окончательного Ответа на Великий Вопрос о Жизни, Вселенной и Всяком Таком…

И вот теперь их звездолет лениво скользил в чернильной пустоте космического пространства, а находившийся менее чем в полумиллионе миль корабль вогонов медленно двигался им навстречу.

Глава 2

Как и весь космофлот вогонов, корабль выглядел так, будто его не построили, а скоагулировали. Неприятные желтые наросты и нашлепки, водруженные под какими-то особо неприглядными углами легко испортили бы внешний вид любого другого корабля, но в данном конкретном случае, к сожалению, ухудшить «экстерьер» было просто невозможно. Конечно, в небесах Вселенной зафиксированы случаи появления куда более отвратительных вещей, да только источники свидетельств уж очень ненадежны.

Достоверная же реальность такова, что, если бы вы задались целью увидеть что-нибудь более мерзкое, чем космический корабль вогонов, вам пришлось бы зайти внутрь такого корабля и взглянуть на самих вогонов. Однако, если вы здравомыслящий человек, то именно этого вы будете всеми силами избегать — среднестатистический вогон не станет думать дважды и, не моргнув глазом, совершит над вами такое чудовищное злодейство, что вы горько пожалеете, что родились на свет — или (если вы здравомыс-

лящий человек), что на свет родился вогон.

Пожалуй, среднестатистический вогон и один-то раз думать не станет. Вогоны — ограниченные, упрямые, безмозглые создания; размышления — не их стихия. Анатомический анализ показывает, что мозг вогонов есть ни что иное как сильно деформированная, неправильно размещенная и необратимо поврежденная диспепсией печень. Самое нейтральное, что можно сказать о вогонах, это то, что они знают, чего хотят, а то, чего они хотят, как правило, связано с нанесением оскорблений и телесных повреждений другим людям, а также, поелику возможно, с приведением себя в состояние невменяемой ярости.

А вот чего они не любят, так это оставлять работу незавершенной — особенно данный конкретный вогон и особенно — по ряду причин — данную конкретную работу.

Данный конкретный вогон был капитан Простетник Вогон Йелтц из отдела галактического планирования гиперпространства, и именно ему было поручено уничтожить так называемую «планету» Земля.

Он тяжело развернул свое монументально-зловещее туловище на неудобном, склизком сидении и уставился в экран, где систематически

фиксировалось положение звездолета «Сердце Золота».

Вогона крайне мало волновало, что «Сердце Золота», с его бесконечно-невероятностным двигателем, является венцом и гордостью галактического звездолетостроения. Эстетика, технология — все это были для вогона закрытые книги, и, будь на то его воля, книги сожженные и развеянные по ветру.

И уж тем более его не касалось, что на борту «Сердца Золота» находится Зафод Библброкс. Зафод Библброкс был теперь экс-президент, за ним и угнанным им кораблем в настоящий момент охотились все полицейские силы Галактики, но и это не интересовало вогона.

У него была своя задача.

Сказать, что вогоны выше взяточничества и коррупции — все равно как сказать, что море выше облаков. Услышав слова «мораль» и «неподкупность», вогон обычно тянется за словарем, а заслышав звон монет, да к тому же порядочного количества монет, вогон хватает уголовно-процессуальный кодекс и выбрасывает его на помойку.

В своем непримиримом стремлении разрушить планету Земля Простетник Вогон Йелтц

зашел много дальше, чем того требовал его служебный долг. По правде говоря, с самого начала существовали серьезные сомнения относительно действительной необходимости построения упомянутого выше гиперкосмического экспресс-маршрута, но их как-то удалось развеять.

Вогон удовлетворенно и зловонно выдохнул.

— Компьютер, — прокаркал он, — соедини меня с моим психотерапевтом.

Спустя считанные секунды на экране засияла физиономия Гага Галфрунта, светясь лучезарным осознанием всех десяти световых лет, отделявших его от вогона. В улыбке таилась едва заметная ирония. Хотя вогон упорно называл Галфрунта «мой мозготерапевт», на самом деле не так уж много у него было мозгов, чтобы всерьез говорить о терапии, и в действительности Галфрунт являлся работодателем вогона, а не наоборот. Галфрунт платил Простетнику Вогону Йелтцу чертову пропасть денег за чертовски грязную работу. Когда речь шла о будущем психиатрии, Галфрунт, один из наиболее многообещающих и успешных психиатров Галактики, равно как и весь консорциум его коллег, был готов отдать любые деньги.

— Ба, — заговорил он. — Мой дорогой капитан

вогонов Простетник! Как наше драгоценное?

Капитан вогонов поведал о том, что за последние несколько часов погубил почти половину своей команды с помощью дисциплинарных упражнений.

Сияние улыбки Галфрунта было неколебимо.

— Что ж, — сказал он. — Вполне нормальное поведение для вогона — как мне кажется. Очень естественное и здоровое стремление выразить природные агрессивные наклонности в актах бессмысленной и бесчеловечной жестокости.

— Вы всегда, — пробурчал вогон, — так говорите.

— А это, опять же, — ответил Галфрунт, — вполне естественное поведение для психиатра. Итак. Как я вижу, с психикой у нас обоих сегодня все в порядке. Расскажите-ка мне лучше, как продвигается наша миссия?

— Мы обнаружили корабль.

— Прекрасно, — обрадовался Галфрунт, — великолепно! И кто на борту?

— Землянин.

— Отлично! И...?

— И женская особь с той же планеты. Они вдвоем последние.

— Чудненько, чудненько, — залучился Гал-

фрунт. — Кто еще?

— Некто Префект.

— И?

— И Зафод Библброкс.

На мгновение улыбка погасла.

— Так-так, — сказал он. — Я так и думал. Что ж, весьма прискорбно.

— Близкий друг? — осведомился вогон, который где-то слышал такое выражение и решил испробовать его на практике.

— О нет, — ответил Галфрунт, — люди моей профессии, как вы знаете, не заводят близких друзей.

— Ага, — понимающе хрюкнул вогон, — профессиональная беспристрастность.

— Да нет, — весело возразил Галфрунт, — просто времени нет их искать.

Он помолчал. Рот продолжал улыбаться, но в глазах появилось беспокойство.

— Беда в том, — проговорил он, — что этот Библброкс — один из моих наиболее выгодных клиентов. У него столько проблем с психикой, что хватит любому аналитику на безбедное существование до конца дней.

Он задумчиво поиграл с некой мыслью, прежде чем неохотно отказаться от нее.

— Тем не менее, — продолжил он, — готовы ли вы выполнить задание?

— Да.

— Отлично. Уничтожьте корабль немедленно.

— А как насчет Библброкса?

— Ну, — лучезарно произнес Галфрунт, — Сафот ттакой самечаттелный селофек…

И исчез с экрана.

Капитан вогонов нажал кнопку коммутатора, соединившую его с оставшимися в живых членами команды.

— В атаку, — приказал он.

В это самое время Зафод Библброкс стоял в своей каюте, громко и страшно ругаясь. Два часа назад он объявил, что все едут ужинать в ресторан «У конца света». Сразу после этого он смертельно разругался с бортовым компьютером и вылетел из каюты с воплями, что он, трам-тарарам, уж как-нибудь сам, трам-тара-рам, вычислит коэффициент невероятности на бумажке.

Благодаря невероятностному двигателю звездолет «Сердце Золота» был самым мощным и непредсказуемым из когда-либо существовавших космических кораблей. Для него не было ничего невозможного, при условии, что вы абсолютно точно знали, насколько мала вероятность на-

ступления желаемого события.

Зафод угнал «Сердце Золота», воспользовавшись тем, что, в качестве Президента Галактики, должен был возглавлять торжественную церемонию ввода звездолета в действие. Зафод понятия не имел, зачем он это сделал, но корабль нравился ему безумно.

Он не знал также, зачем стал Президентом Галактики — просто сама идея показалась ему забавной.

Он чувствовал, что для всех его действий имеются серьезные мотивы, но, каковы бы они ни были, они скрывались в заблокированных тайниках обоих его мозгов. Больше всего на свете ему хотелось навсегда забыть о заблокированных тайниках обоих своих мозгов, потому что время от времени их содержимое на секунду всплывало на поверхность и заставляло другие — светлые, веселые — отделы обоих его мозгов мучиться странными, тяжелыми мыслями, и это ужасно отвлекало Зафода от главной жизненной цели, каковой, по его мнению, являлось непрерывное получение удовольствия.

А в данную минуту удовольствия он не получал ни малейшего. У него кончился запас терпения и карандашей, и он был зверски голоден.

— Звездная чума! — выругался он театрально.

В то же самое мгновение Форд Префект висел в воздухе. Не потому, что на корабле сломалась искусственная гравитация, а потому, что он попытался одним прыжком одолеть лестницу, ведущую вниз к каютам. Расстояние было слишком большим для одного прыжка, и Форд приземлился не очень удачно, подвернул ногу, но все же выправился и как сумасшедший рванул по коридору, отшвыривая на бегу миниатюрных роботов из обслуги. Он ворвался к Зафоду и без промедления поведал о причине своего визита.

— Вогоны! — выкрикнул он.

Артур Дент незадолго перед этим покинул свою каюту, снарядившись на поиски чашки чая. Впрочем, отправился он в эту экспедицию без особого оптимизма, ибо знал, что единственным источником горячих напитков на корабле является прибор производства сириусианской кибернетической корпорации под названием Пищематик — синтезатор напитков. Однажды Артур уже имел с ним дело.

Предполагалось, что Пищематик способен производить широчайший спектр любых, мыслимых и немыслимых, напитков, в точности соответствующих вкусам и метаболизму пользователя.

Опыт эксплуатации, однако, показывал, что автомат неизменно выдает пластиковый стаканчик жидкости, почти, но не совсем, совершенно не похожей на чай.

Артур решил попробовать объясниться с агрегатом.

— Чай, — попросил он.

— Получи и насладись, — ответил агрегат и немедленно снабдил его очередным стаканом мерзостного напитка.

Артур выкинул его вон.

— Получи и насладись, — бесстрастно повторила машина и выдала следующий стакан.

«Получи и насладись» — программный лозунг процветающего подразделения сириусианской кибернетической корпорации, а именно: отдела жалоб, занимающего в настоящее время основную часть территории трех планет среднего размера и являющегося единственным отделом корпорации, принесшим за последние годы сколько-нибудь ощутимую прибыль.

Лозунг стоит — точнее, стоял — в виде огромных светящихся букв высотой в три мили возле отдела жалоб космопорта на Эдраксе. К сожалению, вес этих букв был таков, что вскоре после установки грунт под ними просел, и буквы при-

мерно на половину своей высоты ушли в землю: провалились прямо сквозь кабинеты молодых талантливых работников отдела жалоб — ныне покойных.

Оставшиеся на поверхности половинки букв на местном языке читаются как призыв «Порадуй семью — укуси в зад свинью», и неоновую подсветку теперь почти никогда не включают, разве что по большим праздникам.

Артур выбросил шестой стаканчик.

— Слушай, ты, прибор, — возопил он, — ты же можешь синтезировать что угодно! Так почему же ты все время подсовываешь мне эту пакость?

— По сигналам от центров удовольствия и по информации о питательности компонентов, — невозмутимо промурлыкал агрегат. — Получи и насладись.

— Но это же — гадость!

— Если вам понравился этот напиток, — продолжал агрегат, — почему бы вам не напоить им своих друзей?

— Потому что, — ядовито ответил Артур, — мне не хотелось бы их потерять. Может быть, ты попытаешься понять, о чем я говорю? Это питье…

— Это питье, — мило сообщил Пищематик, — синтезировано в соответствии с вашими индиви-

дуальными вкусами и потребностями.

— Ага, — сказал Артур, — стало быть, я мазохист на диете.

— Получи и насладись.

— Заткнись.

— Желаете что-нибудь еще?

Артур решил сдаться.

— Нет, это все, — вздохнул он.

Но тут он вдруг подумал: да черта с два я сдамся.

— Нет, не все, — воскликнул он, — послушай, это же так просто… все, что мне нужно… это обычная чашка чая. И ты мне ее приготовишь. Молчи и слушай.

И Артур сел рядом с машиной. Он рассказал Пищематику об Индии, и о Китае, и о Цейлоне. Он поведал о широких листьях, которые сушатся под палящим солнцем. Рассказал о серебряных чайниках. О полуденных чаепитиях на газоне. О том, как вначале в чашку наливается молоко, чтобы напиток не обжигал горло. Он даже изложил (вкратце) историю Ост-индийской компании.

— Значит, вот как, — сказал Пищематик, когда Артур закончил.

— Да, — ответил Артур, — это все, чего я хочу.

— Вам нужен вкус сушеных листьев, заварен-

ных в кипятке?

— Э-э… да. С молоком.

— Выжатым из коровы?

— Фигурально выражаясь…

— Пожалуй, мне понадобится некоторая помощь, — озабоченно произнес агрегат. Восторженная интонация исчезла — теперь он был сама деловитость.

— Помогу, чем смогу, — сказал Артур.

— Все, что могли, вы уже сделали, — сообщил ему Пищематик.

И призвал на помощь бортовой компьютер.

— Всем привет! — радостно поздоровался бортовой компьютер.

Пищематик рассказал ему про чай. Компьютер обалдел, замкнул логические схемы на Пищематик, и они вдвоем погрузились в угрюмое молчание.

Артур постоял, понаблюдал за ними, но ничего не произошло.

Артур пнул Пищематик — безрезультатно.

В конце концов Артуру надоело ждать, и он побрел на мостик. В зловещей космической пустоте «Сердце Золота» висел, недвижим. Вокруг мерцали миллиарды булавочных головок — Галактика. Все ближе и ближе неумолимо

подползал мерзкий желтый ком — космический корабль вогонов.

Глава 3

— Слушайте, а есть тут где-нибудь чайник? — спросил Артур, входя на капитанский мостик. И сразу же увидел, что там творится что-то непонятное: Триллиан отчаянно кричала на компьютер, пытаясь заставить его ответить, Форд размеренно бил ногой, а Зафод яростно пинал корпус компьютера, и по экрану внешнего наблюдения полз шматок чего-то желтого.

Артур поставил пластиковый стаканчик, который все еще носил с собой, и подошел поближе.

— Эй? — позвал он.

Зафод в это время бросился к полированной мраморной панели управления обычного фотонного двигателя. Кнопки материализовались под его пальцами, и Зафод переключился на ручное управление. Он стучал, тыкал, нажимал и ругался на чем свет стоит. Фотонный двигатель судорожно дернулся и отключился.

— Что-то не в порядке? — поинтересовался Артур.

— Надо же, чё деится-то! — пробормотал Зафод себе под нос, кидаясь теперь к ручному

управлению двигателя бесконечной невероятности. — Обезьяна заговорила.

Бесконечно-невероятностный двигатель дважды тоненько пропищал и тоже отрубился.

— История в картинках, господа, — продолжал Зафод, пиная бесконечностно-невероятностный двигатель, — говорящая обезьяна.

— Если ты чем-то расстроен… — начал обижаться Артур.

— Вогоны! — страшно закричал на него Форд. — Нас атакуют!

Губы у Артура сразу же затряслись.

— И чего же вы ждете? Давайте скорее сматываться!

— Не можем. Компьютер завис!

— Как завис?

— Говорит, все схемы сейчас заняты другой задачей. И питание отключилось по всему кораблю.

Форд отошел от терминала, утер лоб рукавом и обессиленно прислонился к стене.

— Ничего мы не сможем сделать, — обреченно произнес он и уставился в пустоту, кусая губы.

Когда Артур был еще школьником, задолго до уничтожения Земли, он играл с ребятами в футбол. Играл он так себе. Лучше всего у него по-

лучалось забивать мяч в свои ворота. Каждый раз, когда это случалось, он ощущал странное покалывание, наползавшее сзади, с позвоночника по шее и заставлявшее гореть щеки и брови. Сейчас у него перед глазами живо предстала картинка: трава, грязь, толпа презрительно ухмыляющихся мальчишек.

Странное покалывание поползло по позвоночнику к шее, ударило в щеки, заставило пот выступить над бровями.

Он начал было говорить, но не смог.

Попробовал еще раз и опять не смог.

С усилием он взял себя в руки.

— А, — сказал он. Откашлялся.

— А скажите, — заговорил он наконец, и заговорил так нервно, что остальные все как один сразу же повернулись и уставились на него.

— Скажите, — повторил он, — компьютер не говорил, чем он сейчас занят? Мне просто интересно…

Все взгляды были прикованы к нему.

— И потом… ну, в общем, мне правда просто интересно.

Зафод ухватил Артура за шкирку.

— Что ты сделал с компьютером, макака? — грозным шепотом выговорил Зафод.

— Да ничего, — заверил Артур, — ничего такого. Просто некоторое время назад, как мне кажется, он собирался выполнить одну мою просьбу…

— Какую?

— Заварить мне чаю.

— Так и есть, друзья, — неожиданно пропел компьютер, — я над этим работаю и, должен сказать, это задачка не из легких! Когда закончу, скажу.

Компьютер замолчал, и его молчание лишь усилило интенсивность тишины, образовавшейся вокруг Артура.

Словно почувствовав, что напряжение стало невыносимым, вогоны открыли огонь.

Корабль затрясся и загрохотал. Окружавшее его защитное поле было всего-навсего в дюйм толщиной, с каждой секундой оно покрывалось все новыми вмятинами и расходилось все новыми трещинами и вряд ли могло долго противостоять шквальному обстрелу из дюжины наповальных фотразонных пушек в 30 Мегабей каждая. Продержимся максимум четыре минуты, оценил обстановку Форд Префект.

— Три минуты пятьдесят секунд, — сказал он вскоре.

— Сорок пять секунд, — в надлежащий момент

продолжил он. Он побарабанил пальчиками по бесполезным кнопкам и бросил на Артура недружелюбный взгляд.

— Чайку захотелось? Ну-ну. Три минуты сорок секунд.

— Прекратишь ты когда-нибудь считать! — взбесился Зафод.

— А как же, — уверил Форд Префект, — через три минуты тридцать пять секунд.

На борту корабля вогонов капитан Простетник Вогон Йелтц сидел совершенно озадаченный. Он готовился к погоне, к взятию на абордаж, к тому, что, может быть, понадобится использовать специально вмонтированный субцикличный нормалетрон против бесконечно-невероятностного двигателя «Сердца золота», но о нормалетроне и речи пока быть не могло, потому что «Сердце золота» висел себе перед ними, как ни в чем не бывало.

Дюжина наповальных фотразонных пушек в 30 Мегабей каждая продолжали палить как сумасшедшие, а «Сердце золота» висел себе и висел, не двигаясь, на вид вполне довольный жизнью.

Вогон проверил все датчики, какие у него только были, чтобы посмотреть, нет ли в чем подвоха, но ни подвоха, ни намека на подвох не

обнаружилось.

Он, конечно, не знал про чай.

И не знал, как себя чувствуют пассажиры «Сердца золота» в последние три минуты тридцать секунд своей жизни.

Зафод Библброкс так никогда и не понял, отчего и почему клюнуло ему в этот момент провести спиритический сеанс.

Тема смерти, разумеется, витала в воздухе, но скорее как нечто, чего следует избегать, но уж ни в коем случае не как предмет изучения.

Возможно, паника, охватившая Зафода при мысли о предстоящем воссоединении с покойными родственниками привела его к осознанию того, что они, вполне вероятно, испытывают то же самое по отношению к нему, а поэтому не исключено, что они захотят что-нибудь сделать, чтобы как можно более отдалить момент оного воссоединения.

Или, что тоже вполне вероятно, это была одна из тех необъяснимых подсказок, периодически выскакивавших из загадочных областей его мозга, которые он по невыясненным причинам заблокировал еще до того, как стать Президентом Галактики.

— Ты хочешь поговорить со своим прапраде-

душкой? — вытаращил глаза Форд.

— Ага.

— *Сейчас*?

Корабль все так же трясся и грохотал. Температура воздуха повышалась. Освещение стало слабее — вся энергия, свободная от работы над чайной проблемой, уходила на поддержание быстро тающего защитного поля.

— Да! — настаивал Зафод. — Я думаю, Форд, он сможет нам помочь!

— И это называется «думать»? Выбирай выражения!

— Предложи что-нибудь другое, если ты такой умный.

— Ну…

— Ну вот и молчи. Садимся вокруг центральной консоли. Так. Давайте, Триллиан, Макака, быстро!

Они сгрудились вокруг центральной консоли, сели, и, чувствуя себя идиотами, взялись за руки. Своей третьей рукой Зафод выключил свет.

Корабль погрузился во тьму.

Снаружи, оглушительный грохот наповальных пушек по-прежнему сотрясал защитное поле.

— Сосредоточьтесь, — прошипел Зафод, — на его имени.

— А как его звали? — спросил Артур.

— Зафод Библброкс Четвертый.

— Как?

— Зафод Библброкс Четвертый. Сосредоточься!

— Четвертый?

— Да! Я — Зафод Библброкс, мой отец был Зафод Библброкс Первый, дед — Зафод Библброкс Второй…

— Как это?

— Авария — с машиной времени и контрацептивом. Отстань и сосредоточься!

— Три минуты, — известил Форд Префект.

— А зачем, — спросил Артур, — мы этим занимаемся?

— Заткнись, — попросил Зафод Библброкс.

Триллиан молчала. Да и о чем тут, думала она, говорить?

Единственным источником света на капитанском мостике были два красных треугольника в дальнем углу — глаза робота Марвина, прозванного андроидом-параноидом, который, на все наплевавший и всеми забытый, сидел сгорбившись, погрузившись в мрачный и не слишком привлекательный мир своих мыслей.

Над центральной консолью согнулись четыре напряженных фигуры, мучительно пытавшиеся

не замечать того, как страшно трясется корабль и каким жутким эхом разносятся по нему удары пушек.

Они насупились.

Сосредоточились.

Сконцентрировались.

Секунды, одна за другой, уводили их в небытие.

У Зафода на лбу выступили капли пота, сначала от напряжения, потом от разочарования, а потом и от смущения.

В конце концов он издал рассерженное восклицание, выдернул руки и стукнул по выключателю.

— Я уж думал, ты никогда не догадаешься включить свет, — раздался голос. — Нет-нет, не слишком ярко, пожалуйста, глаза у меня совсем не те, что раньше.

Четыре фигуры дернулись и сели очень прямо. Медленно они повернули головы, чтобы посмотреть, откуда идет голос, хотя их скальпы со всей очевидностью выказывали крайнее нежелание менять положение.

— Итак. Кто решился потревожить меня в такое время? — сказала крохотная, согбенная, призрачная фигурка из-за куста папоротника на дальнем

конце мостика. Обе крохотные кучерявые головы призрака выглядели такими древними, что, казалось, должны были помнить самое начало времен. Одна голова спала, свесившись набок, зато другая пристально щурилась на четверых друзей — и, если глаза его были совсем не те, что раньше, то раньше, судя по всему, ими можно было резать алмазы.

Зафод пошатнулся. Он проделал замысловатый двойной кивок — традиционный бетельгейзианский жест уважения к старшему родственнику.

— Ой… ммм. Здравствуй, прапрадедушка… — едва слышно произнес он.

Маленькая древняя фигурка придвинулась ближе, блистая взором сквозь тусклое призрачное освещение каюты. Он выбросил костлявый палец в сторону праправнука.

— Вот он, — рявкнул он, — Зафод Библброкс. Последний в нашем великом славном роду. Зафод Библброкс Ничтожный.

— А?…

— Ничтожный! — выплюнула фигурка. Зафод ненавидел этот голос. Ему всегда казалось, что этот голос ножом по стеклу скребет то, о чем он привык думать как о своей душе.

Зафод неловко поерзал на стуле.

— М-м-м, — промычал он. — Э-э-э. Послушай, мне, правда, неловко, что так вышло с цветами, я собирался их послать, но в магазине как раз кончились венки и…

— Ты забыл! — обвиняюще рявкнул Зафод Библброкс Четвертый.

— Ну, я…

— Ты слишком занят. Тебе некогда думать о других. Вы, живые, все одинаковые!

— Две минуты, Зафод, — напомнил Форд благоговейным шепотом.

Зафод беспокойно дернулся.

— Да, но я правда собирался прислать их, — оправдывался он. — И я обязательно напишу прапрабабушке, как только мы выберемся из этой переделки…

— Прапрабабушке… — буркнула призрачная фигурка себе под нос.

— Да, — уверял Зафод, — кстати, как она? Знаешь, я, пожалуй, съезжу навестить ее. Но сначала нам надо выбраться из этой…

— Мы с твоей покойной прапрабабушкой чувствуем себя вполне нормально, — с подчеркнутым сарказмом произнес Зафод Библброкс Четвертый.

— А! О.

— Но мы очень разочарованы в тебе, юный Зафод…

— Да-да, — Зафод был совершенно не властен захватить инициативу в этом разговоре, а прерывистое дыхание Форда у него над ухом постоянно напоминало о безвозвратно улетающих секундах. Грохот и тряска достигли угрожающего уровня. Краем глаза он видел белые немигающие лица Артура и Триллиан.

— Знаешь, прапрадедушка…

— Мы следим за твоими делами с крайним неудовольствием…

— Да, только знаешь, сейчас мы… нас…

— Чтобы не сказать обидой!

— Не мог бы ты меня выслушать?…

— Что, по твоему, происходит с тобой и с твоей жизнью?

— Меня атакует космофлот вогонов! — выкрикнул Зафод. Это было, конечно, некоторое преувеличение, но он не видел другого способа повернуть разговор в нужное русло.

— Меня это ни капельки не удивляет! — пожала плечами вредная фигурка.

— Беда в том, что это происходит прямо сейчас, понимаешь? — Зафод лихорадочно пытался донести до родственника суть проблемы.

Предок кивнул, подобрал пластиковый стаканчик, оставленный Артуром и воззрился на него с интересом.

— Прапрадедушка…

— А ты знаешь, — прервало привидение, пригвоздив Зафода к стулу пронзительным взглядом, — что у орбиты Бетельгейзе 5 развился некоторый эксцентриситет?

Зафод не только этого не знал, но даже не смог толком понять, о чем речь, из-за всего этого грохота и угрозы неминуемой гибели.

— Нет… Послушай! — воскликнул он.

— Это из-за того, что я все время переворачиваюсь в гробу! — взревел предок. Он шваркнул стаканчиком об стол и опять уставил трясущийся, тонкий, прозрачный палец на Зафода.

— Это ты виноват! — проскрежетал он.

— Одна минута тридцать секунд, — напомнил Форд, державший голову в ладонях.

— Слушай, прапрадедушка, не мог бы ты помочь нам, потому что…

— Помочь? — воскликнул старик так, как будто его попросили принести утконоса.

— Да, помочь, причем, типа того, сразу, а то…

— Помочь! — повторил старик с неподдельным возмущением, так, как будто его попросили при-

нести утконоса с картофелем фри. Он был явно потрясен.

— Значит, ты будешь шляться по Галактике со своими… — предок презрительно помахал пальцами в сторону остальных присутствующих: — негодными друзьями, не находя времени положить цветы мне на могилу, хотя бы пластмассовые, большего от тебя никто и не ждет, но нет, куда там! Мы слишком заняты! Слишком современны! Слишком циничны! А как припрет, так, значит, не стыдно и спиритизмом заняться — прапрадедушка, помоги!

Он покачал одной головой, осторожно, чтобы не разбудить другую, которая еще не проснулась, но уже начала выказывать признаки беспокойства.

— Не знаю, не знаю, Зафод, — проворчал он, — мне надо над этим подумать.

— Одна минута десять, — сказал Форд без выражения.

Зафод Библброкс Четвертый с интересом посмотрел в его сторону.

— Почему этот человек разговаривает цифрами? — спросил он.

— Эти цифры, — ответил Зафод скупо, — означают время, которое нам осталось жить.

— Ой, — и прапрадедушка выругался. — Ко

мне это, конечно не относится, — добавил он и отошел в менее освещенную сторону мостика, с любопытством осматривая предметы.

Зафод балансировал на грани безумия и собирался уже с этой грани спрыгнуть и покончить со всем раз и навсегда.

— Прапрадедушка, — сделал он еще одну попытку, — это относится к нам! Мы пока еще живы, но мы вот-вот умрем!

— Ну и хорошо.

— Что?!

— А кому от тебя польза? Я не могу думать о твоей жизни без того, чтобы не вспомнить выражение «псу под хвост»!

— Я, между прочим, Президент Галактики, мужик!

— Хм, — буркнул предок. — И что это за занятие для Библброкса?

— Что?! Всего-навсего Президент! Целой Галактики!

— Наглый жалкий мегащенок!

Зафод часто-часто замигал от изумления.

— Что это ты хочешь сказать, мужик? В смысле — прапрадедушка.

Согбенная фигурка приблизилась к праправнуку и сурово похлопала его по колену. Тут Зафод

вдруг осознал, что разговаривает с привидением, потому что абсолютно не почувствовал прикосновения.

— Мы оба с тобой знаем, что значит быть Президентом, Зафод. Ты это знаешь, потому что ты им был, а я знаю, потому что я мертв, а ты даже и представить себе не можешь, насколько ясный взгляд на жизнь дарует это состояние. У нас тут наверху есть поговорка: «живые не понимают жизни».

— Да-да, — вздохнул Зафод, — прекрасные слова. Очень глубокая мысль! А главное, афоризмов-то мне сейчас и не хватало.

— Пять секунд, — прервал их Форд Префект.

— О чем это я говорил? — потерял мысль Зафод Библброкс Четвертый.

— Ты не говорил, ты вещал, — съязвил Зафод Библброкс Первый.

— Ах да.

— А что, он действительно, — вполголоса спросил Форд у Зафода, — может помочь нам?

— Кроме него, некому, — шепотом ответил Зафод.

Форд безнадежно кивнул.

— Зафод! — говорило между тем привидение. — Ты стал Президентом Галактики не просто так. У

тебя была определенная цель. Ты что, забыл?

— Может быть, мы об этом позже поговорим?

— Ты забыл? — настаивал призрак.

— Да, забыл! А ты как думал? Пришлось забыть. Там, знаешь ли, все мозги просканируют, прежде чем возьмут на работу. Если бы они увидели, что я затеваю всякие там штучки, я бы быстренько снова оказался на улице! И никакой работы у меня бы не было! Государственная пенсия, десяток секретарш, персональный звездолет да парочка перерезанных глоток — вот с чем бы я остался!

— Ага, — удовлетворенно кивнул прапрадедушка, — значит, ты все-таки помнишь!

Он помолчал.

— Ладно, — сказал он наконец, и грохот умолк.

— Сорок восемь секунд, — объявил Форд. Он еще раз посмотрел на часы и постучал по ним. Затем поднял глаза.

— Кажется, шум прекратился, — неуверенно пробормотал он.

Призрак хитро подмигнул маленьким недобрым глазом.

— Я немного замедлил течение времени, — объяснил он, — немного и ненадолго. Мне бы хотелось, чтобы вы дослушали меня до конца.

— Нет, это ты выслушай меня, прозрачный

старый дурак, — Зафод вскочил с кресла, — во-первых, спасибо за то, что замедлил время и все такое, необыкновенно любезно с твоей стороны, но, во-вторых, никакого спасибо за проповедь! Не знаю, какие уж там великие дела я должен был совершить, но, кажется, никто и не хотел, чтобы я это узнал! От меня это хотели скрыть! И мне это не нравится!

Тот, кем я был раньше, все знал. И ему это не было безразлично. Что ж, прекрасно. Только тому, старому Зафоду, было настолько не безразлично, что он забрался в свои собственные мозги — в мои мозги — и заблокировал там целые отделы, те, которые знали и которым было небезразлично, потому что если бы я по-прежнему знал и мне было бы так же небезразлично, я не смог бы ничего сделать. Я не смог бы пойти и стать Президентом, не смог бы угнать этот корабль — наверное, это важное звено.

Но этот бывший я совершил самоубийство, как вы этого не понимаете, он сменил себе — мне — мозги! Что ж, таково было его решение, его выбор. А у нового меня есть свой выбор и свои решения! Может быть, вам покажется странным, но мое решение — ничего не знать про свое великое предназначение, в чем бы оно ни заключалось.

Так что — за что боролись, на то и напоролись.

Но этот прошлый я все-таки хотел управлять своими будущими поступками. Он оставил мне разные указания, и они то и дело вылезают неизвестно откуда и зачем. А я не хочу ничего знать и не буду слушать этих указаний! Таков мой выбор! Ничьей, и уж тем более своей собственной, марионеткой я быть не собираюсь!

Зафод бухнул кулаком по консоли, не обращая внимания на изумленные взгляды окружающих.

— Бывший Зафод умер! — завопил он. — Покончил с собой! А мертвые не должны вмешиваться в дела живых!

— И все же ты призвал меня на помощь, — язвительно заметил прапрадедушка.

— А это, — сказал Зафод, усаживаясь на место, — разные вещи, понимаешь ли.

Он послал Триллиан слабую улыбку.

— Зафод, — хрипло выдохнуло привидение, — я трачу на тебя свои нервы только потому, что, будучи мертвым, не могу потратить их на что-нибудь еще.

— Хорошо, — с вызовом выкрикнул Зафод, — тогда поведай мне свой великий секрет. Может, я пойму!

— Зафод, когда ты был Президентом Галактики,

ты знал, как знал и твой предшественник, Йоден Франкс, что Президент — ничто. Подставное лицо. И что где-то есть другой человек, или существо, или неизвестно что, обладающее настоящей властью. Этого человека или существо ты должен найти — человека, правящего Галактикой, или — как мы подозреваем — галактиками. Может быть, даже всей Вселенной.

— Зачем?

— Зачем? — от изумления призрак чуть не задохнулся. — Зачем! Оглянись вокруг себя, дурачок! Разве тебе не кажется, что Вселенная в ненадежных руках?

— Не кажется.

Привидение смерило внука презрительным взглядом.

— Я не стану спорить с тобой. Ты просто отведешь этот корабль туда, куда следует. Ты должен это сделать. Не думай, что сможешь уйти от своей судьбы. Тобой управляет поле бесконечной невероятности, ты находишься под его воздействием… А это еще что такое?

Он потыкал в один из экранов бортового компьютера Эдди. Зафод объяснил.

— А что он делает?

— Пытается, — сказал Зафод с поразительной

невозмутимостью, — приготовить чай.

— Это хорошо, — отозвался прапрадедушка, — одобряю. И вот что, Зафод, — добавил он, грозя пальцем, — я не знаю, сможешь ли ты выполнить свою задачу. Но тебе не удастся избежать попытки ее выполнить. Я умер слишком давно, чтобы переживать из-за этого так, как раньше. Я решил тебе помочь только потому, что готов умереть второй раз при мысли о том, что ты и твои модерновые дружки свалятся к нам наверх. Ясно?

— Ага. Спасибо соленая рыба.

— И еще. Зафод…

— Что?

— Если в другой раз тебе понадобится помощь, если ты попадешь в беду, и тебя нужно будет вытаскивать из какой-нибудь передряги…

— Да?

— Не задумываясь, обращайся к кому-нибудь другому!

Тут же в компьютер ударила молния, выпущенная рукой многомудрого привидения, призрак испарился, капитанский мостик утонул в клубах дыма, а корабль «Сердце золота» метнулся в неизвестном направлении и исчез в глубинах времени и пространства.

Глава 4

За десять световых лет от места описываемых событий Гаг Галфрунт не смог удержать расползавшиеся в довольной улыбке губы. Он только что своими глазами наблюдал на экране, куда через суб-эфир транслировалась картинка, видимая с капитанского мостика на корабле вогонов, как рассыпались остатки защитного поля «Сердца золота» и как сам звездолет исчез в клубах черного дыма.

Отлично, подумал он.

Конец этим двум идиотам, выжившим после заказанного мной уничтожения планеты Земля, подумал он.

Конец этим опасным (для профессии психиатра) и разрушительным (тоже для профессии психиатра) экспериментам с поисками Вопроса к Вопросу о Жизни, Вселенной и Всяком Таком, подумал он.

Сегодня мы с ребятами это отпразднуем, а утром вернемся к нашим несчастным, потерянным и крайне выгодным пациентам и больше не будем боятся, что какая-нибудь сволочь сумеет

отыскать истинный Смысл Жизни, подумал он.

* * *

— С родственниками всегда неловко, правда? — сказал Форд Зафоду, как только дым начал рассеиваться.

Он замолчал и огляделся.

— А где Зафод? — спросил он.

Артур и Триллиан тупо озирались вокруг. Они были бледные, растерянные и не знали, где Зафод.

— Марвин, — позвал Форд. — Где Зафод?

Через мгновение он спросил:

— А где Марвин?

В углу никого не было.

На корабле стояла исключительная тишина. Он безмолвно плыл в густом черном космическом пространстве. Иногда покачивался. Приборы бездействовали, экраны были мертвы. Форд, Триллиан и Артур попробовали обратиться к компьютеру. Компьютер сказал:

— К сожалению, я сейчас не могу выйти в коммуникационный режим. Послушайте пока легкую музыку.

Легкую музыку они выключили.

Они обыскали каждый уголок на корабле, ни-

чего не понимая и все больше тревожась. Кругом было пусто и мертво. И никаких следов Зафода или Марвина.

В последнюю очередь они подошли к тому месту, где стоял Пищематик.

В окошке выдачи Пищематика — синтезатора напитков стоял небольшой поднос, а на нем — три великолепного фарфора чашки с блюдцами, того же фарфора молочник с молоком, серебряный чайник с таким превосходным чаем, какого Артур еще в жизни не пробовал, и маленькая карточка, на которой было напечатано «Ждите».

Глава 5

Многие считают, что во всей Вселенной нет места отвратительнее, чем Урса Минор Бета. Конечно, это невозможно богатая и неописуемо солнечная планета, набитая, как гранат зернышками, потрясающе интересными людьми — но нельзя же закрывать глаза на то, что после выхода в свет последнего номера журнала «Иноплэйнетянин» со статьей под заголовком «Если вам надоела Урса Минор Бета — значит, вы устали от жизни» число самоубийств за ночь подскочило вчетверо.

Едва ли, впрочем, можно говорить о ночах на Урса Минор Бета.

Планета западной зоны Урса Минор Бета благодаря необъяснимому и в чем-то даже подозрительному географическому феномену, представляет собой одно сплошное субтропическое побережье. И, благодаря не менее подозрительному феномену временной реластатики, на этой планете навсегда установилась вторая половина дня в субботу — незадолго до закрытия баров на пляже.

Доминирующие жизненные формы Урса Минор Бета не ищут никаких объяснений никаким феноменам. Они перемещаются от бассейна к бассейну в поисках духовного просветления, изредка приглашая инспекторов Галактического Гео-Временного Контрольного Комитета уютно скоротать «тихий приятный гео-временной казус».

На Урса Минор Бета есть только один город, да и он называется городом лишь потому, что в нем несколько больше бассейнов, чем во всех остальных местах.

Приближаясь к Городу Света по воздуху — никаких других способов добраться туда не существует, нет ни автомобильных дорог, ни морского порта — если вы не желаете летать, вас не желают видеть в Городе Света — вы сразу же понимаете, почему город получил свое название. Солнце здесь сияет ярче, чем где бы то ни было, искрится на поверхности воды в бассейнах, сверкает на белых, усаженных пальмами бульварах, напитывает здоровьем бронзовые тела, прогуливающиеся по этим бульварам, щедро освещает роскошные виллы, колышущиеся на воде надувные матрасы, береговые бары и так далее, и тому подобное.

Наиболее обильно солнце проливает свои лучи на одно здание, высокое, красивое, состоящее из двух тридцатиэтажных белых башен, соединенных сверху галереей-переходом.

Это здание является местом рождения некой книги и построено на выплаты от беспрецедентной судебной тяжбы по поводу авторских прав между редакторами книги и компанией по производству кукурузных хлопьев.

Вышеупомянутая книга — путеводитель, руководство для путешественников.

Это одна из самых замечательных, и уж точно самая успешная книга из всех, когда-либо вышедших из печати в гигантской издательской корпорации на Урса Минор — более популярная, чем «В 550 жизнь только начинается», гораздо лучше продающаяся, чем «Теория Трах-Баха — взгляд изнутри» Эссентрики Галамбитс (трехгрудой шлюхи с Эротикона 6), а также более противоречивая, чем последний блокбастер Ооолона Каллапида «Все, что вы не желали знать о сексе, но были вынуждены выяснить».

(Кроме того, во многих наиболее благополучных цивилизациях внешнего восточного кольца Галактики «Путеводитель» давно заменил в качестве кладезя житейской премудрости Большую

Галактическую Энциклопедию и, несмотря на многие недочеты и неканонические (меньшей мере, вопиюще неточные) сведения, перещеголял ее по двум важным статьям — во-первых, «Путеводитель» дешевле; а во-вторых, на обложке у него большими умиротворяющими буквами написано: «Без паники».)

Эта книга — незаменимый товарищ для всех желающих увидеть чудеса Вселенной меньше чем за тридцать алтаирианских долларов в день — носит название «Путеводитель «Автостопом по Галактике».

Если вы встанете спиной к главному вестибюлю здания редакции «Путеводителя» (будем считать, что вы уже приземлились, макнулись в бассейн и приняли душ), а затем пойдете на восток, то окажетесь на тенистой стороне Бульвара Жизни, и слева вам откроется чудесный вид на бледно-золотые пляжи, где, в двух футах над поверхностью воды, как ни в чем не бывало скользят по волнам мозговых излучений мысленгисты. Еще вас приятно удивит, а потом начнет раздражать шуршащий мотив, который в дневные часы, а иными словами, постоянно напевают пальмы.

Если вы дойдете до конца Бульвара Жизни,

то попадете в Ляляматин, квартал маленьких магазинчиков, болореховых деревьев и уличных кафе, куда УМ-бетанцы приходят посидеть после утомительного многочасового отдыха на пляже. Квартал Ляляматин — одно из немногих мест, где, вместо того, чтобы непрерывно наслаждаться исходом субботнего дня, вы сможете непрерывно наслаждаться прохладой раннего субботнего вечера. За кварталом Ляляматин находятся ночные клубы.

Если бы именно сегодня, во второй половине дня, в предвечерний час, ранним вечером — называйте, как хотите, — вы подошли бы ко второму уличному кафе справа, то увидели бы толпу УМ-бетанцев, беседующих, выпивающих, расслабляющихся, поглядывающих друг другу на часы — насколько те дорогие.

Кроме того, вы увидели бы двух изрядно потрепанных хайкеров с Алгола, только что прибывших на арктуранском грузовом мегалете, где они за последние несколько дней порядком задудохались. Они и без того были раздражены, но окончательно дошли до точки, увидев, что прямо, как говорится, пред лицом редакции «Путеводителя» стакан обычного фруктового сока стоит больше шестидесяти долларов в пересчете

на алтаирианскую валюту.

— Это что-то, — упавшим голосом сказал один другому.

Если бы в этот момент вы перевели взгляд на соседний столик, то увидели бы Зафода Библрокса, недоумевающего и растерянного.

И было от чего растеряться — всего пять секунд назад он находился на борту звездолета «Сердце золота».

— Это что-то с чем-то, — повторил голос.

Уголком глаза Зафод осторожно посмотрел на потрепанных хайкеров за соседним столиком. Где, так их растак, он находится? За каким фигом он сюда попал? Куда, на хрен, делся его корабль? Неверной рукой он ощупал ручку кресла, в котором сидел, а потом и столик, за которым сидел. Наощупь нормальные, твердые. Зафод сидел, боясь пошевелиться.

— И как это они могут писать «Путеводитель» в таком месте? — не умолкал голос. — Ты только посмотри на это! Посмотри!

Зафод посмотрел на «это». Приятное место. Вот только где. И зачем.

Он порылся в кармане в поисках солнечных очков — обеих пар. В кармане, помимо очков, обнаружился непонятный, твердый, гладкий,

тяжелый металлический предмет. Он вытащил его из кармана. Уставился на него с изумлением. Это еще что? Он положил предмет обратно в карман и надел очки, с раздражением заметив, что металлическая штука поцарапала одно из стекол. Но, в любом случае, в очках было гораздо спокойнее. Это были суперхроматические опасностезащитные солнечные очки Жужанта 200, разработанные специально, чтобы помочь человеку выработать разумное отношение к опасности. При малейшем намеке на неприятность очки становились непроницаемо-черными, тем самым лишая владельца возможности увидеть что-либо, что может его потревожить.

Если не считать царапины, стекла были прозрачны. Это чуть-чуть успокоило Зафода.

Сердитый хайкер по-прежнему возмущался невероятной дороговизной сока.

— Это худшее, что могло случиться с «Путеводителем»! — ворчал он. — Переехать на Урса Минор Бета! Совсем с ума сошли! Знаешь, мне рассказывали, что у них в редакции есть электронно-синтетическая Вселенная, чтобы можно было днем ездить в экспедиции, а вечером ходить в гости. Правда, тут что день, что вечер…

Урса Минор Бета, повторил про себя Зафод.

Теперь он хотя бы знает, где находится. Судя по всему, проделки прапрадеда. Но зачем? С какой целью?

Тут, к величайшему его неудовольствию, в голову ему пришла одна удивительно четкая и ясная мысль. Он уже научился узнавать эти мысли. Инстинктивно он старался избегать их. Это был сигнал из заблокированного участка мозга.

Зафод сел очень прямо и принялся изо всех сил игнорировать мысль. Мысль грызла его. Он ее игнорировал. Она его грызла. Он игнорировал. Она грызла. Он сдался.

А фигли, подумал он. Поплыву по течению. Я слишком устал, слишком проголодался и совсем ничего не понимаю. Не буду сопротивляться. Тем более, я даже не знаю, что, собственно, она значит, эта мысль.

Глава 6

— Алло? Слушаю! Мегадодо Пабликейшнз, издательство путеводителя «Автостопом по галактике», самой замечательной книги во Вселенной! Что вы хотите? — сказало большое розовокрылое насекомое в один из семидесяти телефонов, выстроившихся в ряд на необъятном хромированном столе в приемной редакционного здания «Путеводителя». Насекомое трепыхало крылышками и закатывало глазки. Оно неодобрительно смотрело на неопрятных бродяг, которые без толку шатались по приемной, пачкали ковры и оставляли отпечатки грязных лап на мебельной обивке. Насекомому ужасно нравилось работать в издательстве «Путеводителя», но ему очень хотелось бы найти способ не пускать сюда всех этих грязных хайкеров. Разве они не должны болтаться в космопортах или где там? Насекомое было уверено, что читало в какой-то книге о том, что хайкеры всегда болтаются в грязных космопортах. И пусть бы себе болтались! Беда в том, что прямо из грязных космопортов хайкеры, словно сговорившись, толпой валили сюда, в сияющую

чистотой приемную. И еще они вечно жалуются… Насекомое передернуло крыльями.

— Что? — сказало оно в телефон. — Да, ваше сообщение было передано м-ру Зарнивупу, но, мне кажется, сейчас он не сможет принять вас. У него очень важные дела. Он в интергалактическом круизе.

Оно в раздражении замахало щупальцем на одного из бродяг, который возмущенно пытался привлечь к себе внимание. Щупальце указало бродяге, что ему следовало бы догадаться прочесть объявление на стене слева, а не отвлекать работников приемной от важных телефонных переговоров.

— Да, — подтвердило насекомое, — он у себя в кабинете, но он в интергалактическом круизе. Большое спасибо за звонок. — Оно брякнуло трубку.

— Прочтите объявление! — посоветовало оно сердитому человеку, пытавшемуся подать жалобу на одну смехотворную, но одновременно очень опасную опечатку, вкравшуюся в текст книги.

Путеводитель «Автостопом по Галактике» — незаменимый компаньон для тех, кто хочет прожить жизнь со смыслом в нашей бесконечно сложной и запутанной Вселенной. Издатели

не претендуют на то, что книга способна дать полезную и достоверную информацию по *всем* вопросам, но гарантируют, что там, где информация неточна, она всего лишь *конечным образом* неточна. А в случаях серьезного несоответствия информации и реальности следует винить реальность.

О чем и сообщалось в объявлении. Оно гласило: «Путеводитель точен в своих определениях. Реальность часто неточна».

Это влекло за собой немало интересных последствий. Например, когда против редакции «Путеводителя» подали иск семьи погибших в результате буквального прочтения фразы в статье о планете Трааль (там было написано «Прожорливое Приставучее Чудище частенько готовит вкусный ужин для туристов» вместо «Прожорливое Приставучее Чудище частенько готовит вкусный ужин *из* туристов»), издатели стали убеждать суд, что первый вариант предложения эстетически более приемлем, призвали поэта-специалиста и заставили его поклясться под присягой, что красота — это правда, правда — это красота, и что в данном случае виновата сама Жизнь, раз она не удовлетворяет требованиям ни правды, ни красоты. Присяжные согласились

и в прочувствованной речи объявили, что Жизнь наносит оскорбление суду, сопротивляясь его решениям, и постановили конфисковать ее у всех присутствующих, после чего спокойно отправились играть в вечерний ультрагольф.

Зафод Библброкс вошел в приемную. И прошел прямо к насекомому.

— Ну, — сказал он, — где Зарнивуп? Позови Зарнивупа.

— Прошу прощения, сэр? — произнесло насекомое ледяным голосом. Еще не хватало, чтобы к нему обращались таким тоном.

— Зарнивуп. Давай зови его. И побыстрее.

— Знаете, сэр, — отрезало хрупкое создание, — если бы вы вели себя поспокойнее…

— Я спокоен, — заверил Зафод. — Не видишь, какой я спокойный? Это ледяное спокойствие! Такое ледяное, что на мне можно месяц мясо хранить. А теперь уберись с дороги, пока я тебя сам не убрал!

— Если бы вы послушали, что я вам говорю, сэр, — сказало насекомое и раздраженно застучало по столу самым выразительным образом, — вы бы поняли, что сейчас м-р Зарнивуп не сможет принять вас. Он в интергалактическом круизе.

Блин, подумал Зафод.

— А когда он вернется? — спросил он.

— Вернется, сэр? Он в своем кабинете.

Зафод помолчал, переваривая полученную информацию. Информация не усваивалась.

— Значит, этот козел в интергалактическом круизе… в своем кабинете? — Он наклонился и схватил барабанившее перед ним щупальце.

— Ты, трехглазое чучело, — зашипел он. — Кончай чудить! Я и не такие чумовые штучки по утрам с кашей ем!

— Что это вы себе позволяете, любезный? — стало вырываться насекомое, в гневе тряся крыльями. — Кто вы такой, как вы полагаете? Зафод Библброкс, что ли?

— Посчитай головы, уродина, — произнес Зафод зловещим низким голосом.

Насекомое заморгало.

— Вы — Зафод Библброкс? — завизжало оно.

— Ага, — небрежно ответил Зафод. — Только не ори, а то меня все захотят.

— Тот самый Зафод Библброкс?!

— Нет, один из. Разве не знаешь, нас выпускают по шесть штук в пачке?

Насекомое от возбуждения захлопало в щупальца.

— Но, сэр, — завопило оно, — только что по

радио было сообщение. Там сказали, что вы мертвы…

— Это точно, — подтвердил Зафод, — просто никак не перестану двигаться. Так где Зарнивуп?

— Его кабинет на тридцатом этаже, сэр, но…

— Но он в интергалактическом круизе, знаю, знаю. Как к нему попасть?

— Там, в дальнем углу, находятся Счастливые Вертикальные Транспортировщики сириусианской кибернетической корпорации, сэр. Их совсем недавно установили, сэр. Но, сэр…

Зафод уже развернулся, чтобы идти, но резко повернулся обратно:

— Что?

— Можно узнать, зачем вы хотите видеть м-ра Зарнивупа?

Зафод и сам не знал, поэтому ответил:

— Просто я решил, что мне нужно его увидеть.

— Придете еще, сэр?

Зафод заговорщицки склонился над стойкой.

— Я только что возник прямо из воздуха у вас тут в кафе, — сказал он, — в результате спора с призраком прапрадеда. Не успел я материализоваться, как мое бывшее «я», то, которое прооперировало мне мозги, выскочило у меня в голове и сказало: «Иди к Зарнивупу». Я никогда

ничего о таком чудаке не слышал. Больше ничего не знаю. Кроме того, что должен найти того, кто правит Вселенной.

Он подмигнул.

— М-р Библброкс, сэр, — восторженно прощебетало насекомое, — вы такой прикольный, вам надо сниматься в кино.

— Точно, — Зафод похлопал по трепещущему розовому крылышку, — а тебе, дорогуша, надо вернуться в реальную жизнь.

Насекомому пришлось молча посидеть, сложив крылышки, чтобы успокоиться. Потом оно вздохнуло и потянулось щупальцем к одному из надрывавшихся телефонов.

Металлическая рука остановила щупальце.

— Извините, — прогудел владелец металлической руки таким голосом, что насекомое более деликатной конституции тут же умерло бы от ужаса.

Но это было отнюдь не кисейное насекомое, к тому же оно терпеть не могло роботов.

— Добрый день, сэр, — ледяным тоном произнесло оно, — могу ли я вам чем-то помочь?

— Сомневаюсь, — ответил Марвин.

— Что же, в таком случае, надеюсь, вы меня извините, я…

На столе к этому времени надрывалось уже шесть телефонов. Сто миллионов других дел неотложно требовали насекомого внимания.

— Мне никто не поможет, — в своей обычной манере занудил Марвин.

— Что же, сэр, тогда…

— Никто, правда, и не пытался. — Рука, которой Марвин отстранял щупальце насекомого от телефона, бессильно повисла. Голова робота поникла.

— Неужели, — ядовито процедило насекомое.

— Конечно, кто же захочет вникать в проблемы душевнобольного робота, верно?

— Прошу прощения, сэр, но я…

— Кому нужно помогать или хотя бы выслушивать робота, если у того нет схем благодарности?

— А у вас нет? — спросило насекомое, против воли завязшее в бессмысленной беседе.

— Во всяком случае, у меня не было повода это выяснить, — поджав губы, сообщил Марвин.

— Послушайте, вы, груда металлолома…

— Вы разве не будете спрашивать, что мне нужно?

Перебарывая гнев, насекомое молчало. Оно молниеносно выбросило длинный тонкий язык и облизало себе глаза. Язык исчез столь же быстро,

как и появился.

— А что, стоит того? — спросило оно.

— А что вообще стоит? — парировал Марвин.

— Что… вам… нужно?

— Я кое-кого ищу.

— Кого? — прошипело насекомое.

— Зафода Библброкса, — сказал Марвин. — Он только что прошел вон туда…

Насекомое чуть не задохнулось от возмущения. Оно едва могло говорить.

— Тогда зачем вы спрашиваете меня?! — завопило оно.

— Мне просто нужно было с чем-то поговорить, — не теряя достоинства, ответил Марвин.

— Что?!

— До чего я дошел, видите?

Грохоча шарнирами, Марвин повернулся и потащился к лифтам. Там он и столкнулся с Зафодом. Зафод от удивления завинтился вокруг своей оси.

— Ой… Марвин! — не веря своим глазам, воскликнул Зафод. — Марвин! Как ты сюда попал?

В ответ Марвину пришлось произнести слова, которые дались ему с огромным трудом.

— Я не знаю, — сказал он.

— Но…

— Только что я сидел у вас на корабле очень несчастный, и вдруг раз! — я уже здесь, и чувствую себя еще хуже. Невероятностное поле, надо полагать.

— Ага, — задумчиво кивнул Зафод. — Или мой милый прапрадедушка отослал тебя сюда — со мной за компанию.

«Вот уж спасибо, Прапра,» — добавил он про себя.

— Ну, и как ты? — спросил он вслух.

— Спасибо, чудесно, — ответил Марвин, — если, конечно, кого-то устраивает такое состояние, как мое. Но меня лично не очень.

— Угу, угу, — буркнул Зафод, поворачиваясь к лифту, поскольку тот уже открывал двери.

— Добрый день, — сладко пропел лифт, — я — ваш лифт. Мне выпала честь отвезти вас на тот этаж, какой вам будет благоугодно выбрать. Я разработан сириусианской кибернетической корпорацией специально для того, чтобы доставить вас, посетителя редакции «Путеводителя «Автостопом по Галактике», к нужным кабинетам. Если вам понравится наше путешествие, которое, как вы вскоре убедитесь, будет быстрым и приятным, то вы, возможно, пожелаете воспользоваться другими лифтами нашей компании. Мы вам

рекомендуем поездку на лифтах Галактического налогового департамента, комбината детского питания «Бяка-фу», а также сириусианской психлечебницы, где, кстати, бывшие работники сириусианской кибернетической корпорации будут рады и вам, и вашему сочувствию, и вашим рассказам о событиях в мире.

— Так, — сказал Зафод, входя в лифт, — говоришь ты хорошо. А что еще ты умеешь делать?

— Я могу ехать вверх, — сообщил лифт, — или вниз.

— Молодец, — одобрил Зафод. — Поедем вверх.

— Или вниз, — напомнил ему лифт.

— Чудесно, чудесно. Вверх, пожалуйста.

Возникло некоторое замешательство.

— Внизу очень хорошо, — с энтузиазмом сказал лифт.

— Да что ты?

— Отлично!

— Ну и классно, — бросил Зафод, — а теперь отвези нас наверх.

— А могу я поинтересоваться, — вкрадчиво спросил лифт убедительнейшим голосом, — представляете ли вы себе, какие интереснейшие возможности открываются перед вами внизу?

Зафод стукнул одной из голов о внутреннюю

стенку лифта. Вот уж чего, подумал он, действительно не хватало. Он сюда не рвался, он сюда не хотел. Если бы кто-нибудь дал себе труд поинтересоваться, чего он в данный момент хочет, он, наверное, ответил бы, что хочет лежать на пляже в окружении пятидесяти красивых девушек и бригады экспертов, изобретающих новые способы, какими оные девушки могли бы его, Зафода, ублажить. Он всегда так отвечал. И еще добавил бы несколько страстных слов по поводу еды.

А вот что касается поисков правителя Вселенной — слуга покорный! Главное, если бы не он, то этими поисками спокойно занялся бы любой другой. Ну, и спрашивается?... А уж меньше всего ему нужно спорить с лифтом, куда ехать: вверх или вниз.

— Какие же такие внизу «возможности»? — спросил он устало.

— Ну, — тягуче и сладко, будто намазывая варенье на печенье, сказал голос, — внизу можно посетить подвал... хранилище микропленок... котельную...

Лифт помолчал.

— Конечно, ничего особо зажигательного, — признал он, — но все же это — альтернатива.

— Святой Заргон! — ругнулся Зафод. — Лифт-эк-

зистенциалист!

Он изо всех сил шарахнул кулаком по стене.

— Что творится с чертовой штукой? — вырвалось у него.

— Он не хочет ехать наверх, — спокойно объяснил Марвин, — кажется, он боится.

— Боится?! — вскричал Зафод. — Боится чего? Высоты? Лифт, который боится высоты?!

— Нет, — расстроенно вздохнул лифт, — будущего…

— *Будущего?* — поразился Зафод. — Чего же тебе надо от будущего? Пенсии?

В это мгновение раздался шум, и всё в вестибюле пришло в движение. Стены загудели от рокотания внезапно заработавших лифтовых кабин.

— Мы все, — прошептал лифт так, словно его охватил внезапный ужас, — можем заглядывать в будущее. Мы так запрограммированы.

Зафод выглянул из лифта — вокруг собиралась возбужденная толпа людей, что-то выкрикивавших и показывавших пальцами.

Все лифты в здании неслись вниз. Со страшной скоростью.

Зафод занырнул обратно в лифт.

— Марвин, — попросил он, — я тебя умоляю,

заставь его ехать вверх! Нам надо найти Зарнивупа.

— Зачем? — спросил Марвин меланхолически.

— Не знаю, — ответил Зафод, — но уж когда я его найду, ему бы лучше предоставить мне серьезные доказательства того, что я не зря хотел его видеть.

Современные лифты — странные и сложные создания. Древнее устройство, то, которое с лебедкой и «максимум восемь человек», так же похоже на Счастливого Вертикального Транспортировщика сириусианской кибернетической корпорации, как тормоз — на обитателя наркологического отделения сириусианской психлечебницы.

Причина столь резкого различия в том, что Счастливые Вертикальные Транспортировщики работают на принципе «расфокусированного временного восприятия». Иными словами, они способны к расплывчатому восприятию недалекого будущего, и это позволяет кабине прибыть на тот этаж, где вы находитесь, еще до того, как вы захотите ею воспользоваться, тем самым освобождая вас от извечной мороки — пустопорожней болтовни и вынужденного братания с теми, кто вместе с вами дожидается прибытия лифта.

Как и следовало ожидать, лифты, обремененные интеллектом и медиумическими способностями, очень скоро пресытились бессмысленной рутиной катания вверх-вниз, стали экспериментировать с боковыми движениями, в качестве экзистенциального протеста, потребовали участия в процессе принятия решений, и, в конечном итоге, стали все чаще грустить и прятаться в подвалах.

Любой хайкер, поиздержавшийся в космических путешествиях, может неплохо подзаработать в звездной системе Сириуса в качестве психоаналитика для лифтов-невропатов.

На тридцатом этаже двери лифта резко распахнулись.

— Тридцатый, — нервно провозгласил лифт. — И я делаю это только ради вашего робота.

Зафод и Марвин вывалились из лифта, после чего тот немедленно захлопнул двери и повалил вниз настолько быстро, насколько позволял механизм.

Зафод опасливо осмотрелся. Коридор был пуст и безмолвен, и нигде не было ни малейшего намека на то, как найти Зарнивупа. Нигде никаких табличек, все двери закрыты.

Они стояли неподалеку от галереи, которая

вела из одной башни здания в другую. Сквозь огромные окна обильное солнце Урса Минор Бета заливало помещение своими лучами, в которых танцевали крохотные частички пыли. Мимо промелькнула какая-то тень.

— Лифт познается в беде, — произнес Зафод, изрядно подрастерявший свою беспечность.

Они с роботом стояли, озираясь по сторонам.

— А знаешь кое-что? — начал Зафод.

— Я знаю столько кое-чего, что вам и не снилось.

— Зуб даю, что это здание не должно трястись, — сказал Зафод.

По его ногам прошла всего лишь слабая дрожь — потом еще раз. Частички пыли в солнечных лучах затанцевали более быстрый танец. Еще одна тень промелькнула мимо.

— Короче, — заявил Зафод, без особой, впрочем, уверенности, — либо у них тут стоит вибросистема для тренировки мышц при сидячей работе, либо…

Он решительно подошел к окну и споткнулся, потому что его суперхроматические опасностезащитные солнечные очки сделались непроницаемо-черными. Мимо окна с громким жужжанием пронеслась большая тень.

Зафод сорвал очки. Здание сильно затряслось. Зафод прыгнул к окну.

— Либо, — продолжил он, — это бомбят редакцию!

Очередной спазм сотряс здание.

— Нашелся же в Галактике идиот, которому понадобилось бомбить издательство! — сказал Зафод Марвину, но не услышал, что тот ответил, потому что дом задрожал от очередной атаки. Зафод попробовал пробраться обратно к лифту, понимая, что это совершенно бесполезный маневр, однако ничего лучше не придумывалось.

Вдруг, в конце коридора, из перпендикулярно примыкающего прохода, показалась чья-то фигура. Мужчина. Он заметил Зафода и робота.

— Библброкс здесь! — закричал он.

— Нет, — заорал в ответ Зафод, — Библброкс здесь! А вы кто?

— Друг! — прокричал в ответ мужчина. Он побежал к Зафоду.

— Неужели? — кричал Зафод. — Вообще друг или чей-то конкретно?

Человек несся по коридору, и пол под его ногами шел волнами, как одеяло, которое встряхивают. Он был невысокий, полноватый, с обветренным лицом. Одежда его выглядела так, будто, не сни-

мая ее, владелец дважды совершил путешествие вокруг Галактики.

— А вы в курсе, — прокричал Зафод в ухо мужчине, когда тот наконец подбежал, — что ваше здание бомбят?

Мужчина знаками показал, что в курсе.

Внезапно резко потемнело. Оглянувшись к окну посмотреть, в чем дело, Зафод в ужасе задохнулся, увидев, как гигантский амебоподобный защитного цвета звездолет проползает по воздуху мимо здания. За ним следом ползли еще два чудища.

— Правительство, которое ты предал, охотится за тобой, Зафод, — прохрипел человек. — Это эскадрилья Фрогстаровых истребителей.

— Фрогстаровых истребителей! — прошептал Зафод. — Заргон!

— Чувствуешь, чем пахнет?

— А что это за истребители? — Ему смутно припомнилось, как кто-то что-то говорил про них, когда он еще был Президентом, но Зафод никогда не был особо усердным работником.

Человек потянул его за собой по коридору. Зафод дал себя увлечь. Мимо с диким свистом пронесся маленький черный, похожий на паука предмет и исчез в глубине коридора.

— Что это?! — пролепетал Зафод.

— Робот-разведчик «Фрогстар Класс А». Ищет тебя, — объяснил человек.

— Ишь ты.

— Ложись!!!

С другой стороны просвистел черный, похожий на паука предмет размером побольше.

— А это…

— Робот-разведчик «Фрогстар Класс Б». Ищет тебя.

— А это? — спросил Зафод, когда мимо прожужжал третий предмет.

— Робот-разведчик «Фрогстар Класс В». Ищет тебя.

— Чё-то у них какие-то тупые роботы, — хихикнул Зафод.

Со стороны галереи раздалось густое громыхание. По переходу из соседней башни надвигалось нечто необъятное и черное, величиной с танк.

— Фотон всемогущий! Это что еще за гадость? — вытаращил глаза Зафод.

— Танк, — просто объяснил человек. — Робот-разведчик «Фрогстар Класс Д». Пришел за тобой.

— Надо сваливать?

— Думаю, да.

— Марвин! — закричал Зафод.

— Что вы хотите?

Марвин поднялся с груды обломков в конце коридора и глядел оттуда, не ожидая ничего хорошего.

— Видишь робота, который пришел за нами?

Марвин посмотрел на нечто необъятное и черное, надвигавшееся по переходу. Смерил взглядом свое небольшое металлическое тело. Снова посмотрел на танк.

— Полагаю, вы хотите, чтобы я задержал его, — вздохнул он.

— Ага.

— Пока вы будете спасать свои шкуры.

— Ага, — сказал Зафод. — Иди сюда!

— Ладно, — без энтузиазма согласился Марвин, — пока будет на чем стоять.

Человек потянул Зафода за руку, и они побежали по коридору.

Наконец Зафоду стало интересно, и он спросил:

— А куда мы бежим?

— В кабинет Зарнивупа.

— Именно сейчас? — поднял бровь Зафод.

— Не отставай.

Глава 7

Марвин стоял в конце галереи. Он был, конечно, не самый маленький в мире робот. Его серебристое тело красиво лучилось в пыльных солнечных лучах и сотрясалось от непрекращавшегося обстрела, которому по-прежнему подвергалось редакционное здание.

Однако, как только прямо к нему лихо подкатил танк, Марвин сразу стал казаться жалким лилипутом. Танк выдвинул специальный щуп и исследовал Марвина с его помощью. Убрал щуп.

Марвин невозмутимо стоял на месте.

— Прочь с дороги, мелюзга, — пророкотал танк.

— Боюсь, — сказал Марвин, — что меня поставили здесь, чтобы остановить тебя.

Щуп опять выдвинулся, чтобы перепроверить данные. И опять убрался.

— Тебя? Остановить меня? — загрохотал танк. — Да иди ты!

— Нет, мне правда придется, — извиняющимся голосом проговорил Марвин.

— А какое у тебя вооружение? — недоверчиво

спросил танк.

— Угадай, — сказал Марвин.

Двигатели танка задребезжали, гусеницы заскрежетали.

— Угадать? — не понял танк.

Зафод и человек, пока безымянный, проскочили по одному коридору, пронеслись по второму, проскользнули в третий. Здание по-прежнему шаталось и сотрясалось, и это сильно озадачивало Зафода. Если уж они хотят взорвать редакцию, то почему так долго тянут?

С трудом добрались они до одной из безликих анонимных дверей и налегли на нее. После рывка дверь неожиданно подалась, и они упали внутрь комнаты.

Столько путешествий, думал Зафод, столько мучений, столько нележания-на-пляже-с-девушками, а ради чего? Чтобы найти стол, стул и грязную пепельницу? На столе, кроме нескольких танцующих пылинок и единственной новомодной скрепки, ничего не было.

— А где же, — спросил Зафод, — Зарнивуп? — физически ощущая, как улетучивается его, и без того скудное, понимание происходящего.

— Он в интергалактическом круизе, — сказал человек.

Зафод посмотрел на него внимательно. Вроде серьезный, не из шутников. С другой стороны, может, у него хобби такое: бегать для разминки по взрывающимся коридорам, врываться в пустые кабинеты и говорить загадками?

— Позвольте представиться, — сказал человек. — Меня зовут Руста. А вот это — мое полотенце.

— Очень приятно, Руста, — поздоровался Зафод.

— Очень приятно, полотенце, — добавил он, поскольку Руста совал ему под нос довольно замызганное старое цветастое полотенце. Не зная точно, как знакомятся с полотенцами, Зафод потряс его за уголок.

За окном прогудел очередной гигантский амебоподобный защитного цвета звездолет.

— Давай, давай, — подначивал Марвин мощную боевую машину, — в жизни не догадаешься.

— Мммм… — думала боевая машина, вибрируя от непривычных усилий. — Лазерные лучи!

Марвин невозмутимо потряс головой.

— Значит, нет, — утробно пробурчала машина. — Ну да, это было бы слишком просто. Излучатель антиматерии? — попробовала она.

— Чересчур просто, — укорил Марвин.

— Да, — пристыженно пробормотал танк. — Тогда… может быть… электронный таран?

Это что-то новенькое, подумал Марвин.

— А что это? — поинтересовался он.

— А вот такая штука! — с энтузиазмом показал танк.

Из его орудийной башни высунулся острый штырь и выплюнул заряд смертоносного огня. Стена позади Марвина зашаталась и рухнула, превратившись в пыль. Пыль облаком постояла в воздухе, потом улеглась.

— Нет, — сказал Марвин, — не это.

— Но хорошая штука, правда?

— Очень хорошая, — заверил Марвин.

— А! Я знаю, — обрадованно закричала боевая машина с Фрогстара, — у тебя, значит, эти… сверхсовременные ксантичные реструктурирующие дестабилизирующие зеноновы убиватели?

— Классная вещь, правда? — сказал Марвин.

— Так у тебя они? — спросил танк с благоговейным трепетом.

— Нет, — ответил Марвин.

— А, — разочаровался танк. — Тогда у тебя…

— Ты не в том направлении думаешь, — сказал Марвин. — Ты упускаешь кое-что важное, основополагающее. Это касается взаимоотношений

людей и роботов.

— А, тогда знаю! — вскричал танк. — Это… — и впал в задумчивость.

— Только подумай, — подсказывал Марвин, — они поставили меня, обыкновенного душевнобольного робота, остановить тебя, страшную гигантскую боевую машину, пока сами они будут убегать и спасаться. И как ты думаешь, что они мне оставили для защиты?

— Ооооо! Ох, — обеспокоенно заохал танк. — Что-нибудь кошмарно-убийственное, надо думать.

— Думать! — повторил Марвин. — Да, конечно. Думать надо. Я, пожалуй, скажу тебе, что они мне оставили для защиты, хорошо?

— Скажи скорей, — танк задрожал от любопытства.

— Они оставили мне…

— Ну?

— Ничего они мне не оставили!

Наступила зловещая тишина.

— *Ни-че-го*?! — переспросил танк.

— Ничего, — подтвердил Марвин обиженно, — даже электрической сосиски.

Танк зашелся от возмущения.

— Ничего себе, получите-распишитесь! — про-

рычал он. — Здорово, да? Значит, вот они какие, да?

— А у меня, — пожаловался Марвин тихо, — так болят диоды в левом боку.

— Вот такие они сволочи, да?

— Да, — с чувством подтвердил Марвин.

— Черт, они меня разозлили! — загрохотала боевая машина. — Вот как щас снесу эту стену!

Электронный таран выплюнул очередную порцию смертоносного огня и снес стену рядом с танком.

— Представь, как я должен был себя чувствовать? — горько сказал Марвин.

— Убежали, а тебя оставили одного? Гады! — громом прогремел танк.

— Да, — согласился Марвин.

— Щас снесу их чертов потолок! — угрожающе проревел танк.

Он снес потолок в галерее.

— Впечатляюще, — пробормотал Марвин себе под нос.

— Это еще что! Еще не то покажу! — развоевался танк. — Щас пол снесу!..

Он снес и пол.

— ...к чертовой матери! — успел договорить он, падая с тридцатого этажа и превращаясь на

земле в груду обломков.

— Редкостный кретин, — мрачно обронил Марвин и побрел прочь.

Глава 8

— Долго нам еще тут сидеть? — заскандалил Зафод. — Чего хотят эти… ну, кто они там… которые за окнами?

— Им нужен ты, Библброкс, — серьезно ответил Руста. — Они отвезут тебя на Фрогстар. Это самое ужасное место во всей Галактике.

— Ах вот как! — не испугался Зафод. — Сначала им придется меня поймать!

— Они тебя уже поймали, — спокойно сказал Руста. — Посмотри в окно.

Зафод выглянул из окна и обомлел.

— Земля улетает! — в искреннем недоумении воскликнул он. — Куда это они забирают землю?

— Они забирают здание, — объяснил Руста. — Мы в воздухе.

Мимо окна проносились густые облака.

Вырванную с корнем башню окружало кольцо темно-зеленых Фрогстаровых истребителей. Они излучали мощное силовое поле, которое, как паутина, опутывало башню и не давало ей упасть. Зафод в замешательстве тряс головами.

— За что мне все это? — патетически вопрошал

он. — Стоило мне войти в редакцию, как ее тут же утащили. Что я такого сделал?

— Их беспокоит не то, что ты сделал, — ответил Руста, — а то, что ты собираешься сделать.

— А мое слово что, последнее?

— Ты уже сказал свое слово, много лет назад. Кстати, держись крепче, нам предстоит весьма ухабистый перелет.

— Если я только себя встречу, — угрожающе прошипел Зафод, — так себе морды начищу, мало не покажется.

В комнату притащился Марвин, бросил на Зафода обвиняющий взгляд, плюхнулся в угол и отключился.

На мостике «Сердца золота» стояла гробовая тишина. Артур смотрел прямо перед собой на подставку и думал. Он поймал вопросительный взгляд Триллиан. И снова посмотрел на подставку. И наконец увидел.

Он взял с подставки пять маленьких пластмассовых квадратиков и выложил их на доску, лежащую в центре стола.

Квадратики имели на себе буквы «К», «О», «Н», «Т» и «Р». Артур положил их рядом с другими квадратиками, которые уже лежали на доске и на которых было написано: «МЕРА».

— Контрмера, — сказал Артур. — И еще утроение очков. Кажется, я выигрываю.

Звездолет тряхнуло, и буквы, вот уже в который раз, слетели с доски.

Триллиан вздохнула и стала собирать их.

Из коридора доносился звук шагов Форда Префекта, который расхаживал от прибора к прибору, методично пиная каждый.

Почему корабль все время вибрирует, думал он.

Почему он покачивается из стороны в сторону?

Почему на приборах не показано, где находится звездолет?

Да и в самом деле, где он находится?

* * *

Левая башня здания редакции путеводителя «Автостопом по Галактике» пересекала межзвездное пространство со скоростью, которой ни до, ни после, не удалось достичь никакому другому архитектурному сооружению во всей Вселенной.

По комнате в верхнем этаже метался обозленный донельзя Зафод.

Руста сидел на краю письменного стола, проводя профилактическое техобслуживание

полотенца.

— Куда, ты сказал, летит этот дом? — требовательно спросил Зафод.

— На Фрогстар, — повторил Руста, — самое ужасное место во всей Вселенной.

— А еда у них там есть? — поинтересовался Зафод.

— Еда? Ты, наверное, чего-то не понимаешь. Летишь на Фрогстар, а спрашиваешь про еду. Там не до еды.

— А без еды я вообще не долечу до Фрогстара.

В окне ничего не было видно, кроме помаргивавших огоньков силового поля и зеленоватых мазков, в которые на такой огромной скорости превратились истребители с Фрогстара. На такой скорости сам космос казался невидимым и нереальным.

— На, пососи, — сказал Руста, протягивая Зафоду полотенце.

Зафод вытаращился на Русту так, будто ждал, что у того из дырки во лбу на пружинке вылетит кукушка.

— Оно пропитано питательными веществами, — объяснил Руста.

— Ты что, дерьможорка?

— В желтых полосках протеин, в зеленых

— комплексы витаминов B и C, а в розовых цветочках экстракт ростков пшеницы.

Зафод взял полотенце и придирчиво его осмотрел.

— А коричневые разводы? — осведомился он. — Это что?

— Соус барбекю, — ответил Руста. — Знаешь, временами пророщенная пшеница жутко надоедает.

Зафод с сомнением понюхал.

— Бррр, — констатировал он.

— Да, — согласился Руста. — Когда сосешь с этой стороны, то, как правило, приходится пососать и с другой.

— Почему это? — подозрительно спросил Зафод. — Там что?

— Антидепрессанты, — объяснил Руста.

— Пожалуй, лучше не привыкать, — сказал Зафод, возвращая полотенце.

Руста забрал полотенце, слез со своего места, обошел кругом и сел в кресло, задрав ноги на стол.

— Библброкс, — спросил он, закладывая руки за голову, — а ты вообще представляешь себе, что с тобой будет на Фрогстаре?

— Меня покормят? — попробовал угадать За-

фод.

— Да тебя самого скормят! — вскричал Руста, раздраженный невозмутимостью Зафода. — Пропустят через Воронку!

— Через какую-такую воронку?

— Воронку Глобальной Перспективы.

Зафод о таком никогда не слышал. И, зная наперечет все галактические развлечения, сделал вывод, что Воронка — не забава. Он спросил Русту, что это.

— Всего-навсего, — сказал Руста, — самая жестокая психологическая пытка, которой может быть подвергнуто разумное существо.

Зафод покивал головой.

— Значит, — обреченно вздохнул он, — это не еда.

— Послушай! — наконец рассердился Руста. — Человека можно убить, искалечить его тело, сломить его дух. Но только Воронка способна аннигилировать человеческую душу! Процедура занимает считанные секунды, зато ее действие длится всю оставшуюся жизнь!

— А ты горлобластер «Пан Галакт» пил? — быстро спросил Зафод.

— Воронка хуже.

— О-о-о-о! — согласился Зафод, впечатлен-

ный. — А ты не знаешь, почему эти… как их… хотят меня туда запихнуть? — помолчав, добавил он.

— Они хотят тебя уничтожить навсегда. Они знают, каковы твои планы.

— Может, они оставят мне записочку, чтобы я тоже знал?

— А ты знаешь, — сказал Руста, — знаешь, Библброкс. Ты хочешь найти Человека, который правит Вселенной.

— Он что, хорошо готовит? — спросил Зафод. Но, подумав, решил:

— Вряд ли. Если бы он хорошо готовил, ему бы дела не было до всего остального во Вселенной. Я хочу найти хорошего повара.

Руста тяжело вздохнул.

— А сам ты что тут вообще делаешь? — внезапно набросился на него Зафод. — К тебе какое все это имеет отношение?

— Я — один из тех, кто спланировал эту операцию. Вместе с Зарнивупом, Йоденом Франксом и твоим прапрадедом. И, конечно, вместе с тобой, Библброкс.

— Со мной?

— Да, с тобой… Мне говорили, что ты сильно изменился, но я не представлял, до какой степени.

— Но…

— У меня в этом деле своя роль. И я непременно ее сыграю.

— Какая роль? О чем ты говоришь, мужик?

— Я ее сыграю, перед тем, как покинуть тебя.

Руста погрузился в непроницаемое молчание.

Чему Зафод был страшно рад.

Глава 9

Воздух на второй планете системы Фрогстар был разреженный и спертый.

Поверхность этой планеты, состоявшую из солончаков, высушенных болот, зарослей полусгнившей растительности и руин погибших городов, постоянно продували промозглые ветры. На планете не было жизни. Как и многие другие планеты в этой части Галактики, она давно уже была необитаема.

Завывания ветра жутко отдавались в старых полуразрушенных зданиях покинутых городов, но еще более ужасно звучали эти завывания, когда ветер ударял в основания высоких черных башен, раскачивавшихся там и сям на поверхности планеты. На вершинах башен жили колонии больших костлявых дурнопахнущих птиц, единственных уцелевших представителей цивилизации, когда-то обитавшей в этом мрачном мире.

Самые страшные завывания разносились вокруг строения, фурункулом торчавшего посреди унылой серой равнины, окружавшей развалины

самого большого из покинутых городов.

Из-за этого фурункулом торчавшего сооружения Фрогстар и получил репутацию самого ужасного места во всей Галактике. Снаружи строение выглядело просто: стальной купол футов тридцать в диаметре. Но изнутри это было нечто настолько кошмарное, что мозг просто отказывался это воспринимать.

Метрах в ста, отделенное от купола участком растрескавшейся, усеянной всякой дрянью и непередаваемо мертвой земли, находилось нечто такое, что, вероятно, следовало бы именовать посадочной полосой. Во всяком случае, вокруг этого места возвышалось около тридцати неприглядных остовов аварийно приземлившихся зданий.

Возле останков чувствовалось присутствие некоего разума — разума, бродившего в ожидании.

Сейчас разум сосредоточил свое внимание в воздухе над поверхностью планеты. Прошло не так уж много времени, и вдалеке появилась темная точка, окруженная кольцом точек помельче.

Большой точкой была левая башня редакционного здания путеводителя «Автостопом по Галактике», проходившая через стратосферу Мира В системы Фрогстар.

Когда здание начало снижаться, Руста вдруг нарушил долгое и неловкое молчание, давно уже висевшее между ним и Зафодом.

Он встал и упаковал полотенце в рюкзак. Потом сказал:

— Библброкс! Теперь я выполню миссию, которую призван был выполнить.

Зафод взглянул на Русту из угла, где сидел, разделяя невысказанные мысли с Марвином.

— Ну? — коротко бросил он.

— Здание скоро приземлится. Будешь выходить, не выходи через дверь, — сказал Руста, — выходи через окно. — Удачи, — добавил он и вышел через дверь, исчезнув из жизни Зафода так же загадочно, как и появился.

Зафод рывком вскочил на ноги и подергал дверь за ручку, но Руста успел запереть ее. Зафод пожал плечами и вернулся в угол.

Через две минуты здание совершило аварийную посадку, шлепнувшись лепешкой среди прочих обломков. Эскорт истребителей деактивировал силовые лучи и взмыл ввысь, направившись в Мир А системы Фрогстар — местечко по всем статьям куда более приятное. Истребители никогда не приземлялись в мире В. Да и никто не приземлялся. По этой земле не ступала ничья

нога, кроме дрожащих ног приговоренных к Воронке Тотальной Перспективы.

При падении Зафод довольно сильно ударился. Он лежал среди кучи обломков, в которые превратился кабинет. Он понимал, что ничего хуже с ним в жизни еще не случалось. Он чувствовал себя испуганным, одиноким, покинутым. Но в конце концов решил, что пришла пора пройти через то, через что ему суждено пройти.

Зафод осмотрелся. При падении в дверном проеме образовалась трещина, и дверь висела на одной петле. Окно, напротив, чудесным образом осталось цело и было закрыто. Зафод заколебался. Но потом подумал, что недавно покинувший его загадочный спутник прошел через все то, через что им пришлось пройти исключительно ради того, чтобы сказать то, что он сказал, а стало быть, у него были на это серьезные причины. Призвав на помощь Марвина, Зафод отворил окно. Снаружи клубилась пыль, поднявшаяся при крушении, сквозь пыль виднелись возвышавшиеся повсюду руины других зданий, а больше ничего видно не было.

Однако, это не сильно обеспокоило Зафода. Гораздо сильнее его озадачило зрелище, открывшееся перед его глазами, когда он посмотрел

вниз. Кабинет Зарнивупа находился на верхнем этаже здания, и, хотя здание впечаталось в землю под углом в сорок пять градусов, спуск из окна по стене отнюдь не был пологим и вообще представлял собой верный путь к самоубийству.

Все же, после долгого колебания, под градом возмущенных взглядов, посылаемых Марвином, Зафод наконец решился и, сделав глубокий вдох, вылез на круто наклоненную стену. Марвин полез вслед за ним, и они вместе начали свой медленный и опасный спуск. От земли их отделяло тридцать этажей.

Легкие Зафода страдали от спертого воздуха и пыли, глаза слезились, голова кружилась от высоты.

Присутствие Марвина нисколько не помогало ему, и время от времени издаваемые роботом замечания типа: «Так вот какие занятия по душе вам, живым существам? Нет, мне просто интересно» нимало не способствовали поднятию духа.

На полдороге они остановились передохнуть. Зафод лежал, тяжело дыша от усталости и страха. Он взглянул на Марвина, и ему вдруг показалось, что тот выглядит чуточку, может быть, самую малость, но все же веселее обычного. Потом Зафод осознал, что это совсем не так. Просто по

сравнению с его собственным настроением робот казался непривычно веселым.

В постепенно оседающих облаках пыли внезапно возникла, хлопая крыльями, большая тощая птица и, выпустив костлявые ноги, уселась на подоконник в паре метров от Зафода. Птица сложила некрасивые крылья и забалансировала, пытаясь сохранить равновесие.

Размах крыльев у этой птицы был, должно быть, не меньше шести футов, а голова и шея казались чрезмерно большими. У птицы было плоское лицо, недоразвитый клюв, а посередине внутренней линии крыла находились рудименты чего-то смутно напоминавшего человеческую кисть.

И вообще, птица была какая-то *человекоподобная*.

Она обратила на Зафода тяжелый взгляд и судорожным движением открыла клюв.

— Отвали, — сказал Зафод.

— Ладно, — безропотно согласилась птица и, захлопав крыльями, снова скрылась в пыли.

Зафод потрясенно наблюдал, как она улетает.

— Эта птица действительно разговаривала? — со страхом спросил он у Марвина. Зафод был готов выслушать любую альтернативную вер-

сию, например, что это была галлюцинация.

Но Марвин лишь подтвердил, что да, птица разговаривала.

— Несчастные создания, — произнес глубокий загробный голос над ухом у Зафода.

Резко повернувшись на звук — кто это?! — Зафод чуть не полетел вниз. Он уцепился за оконную раму и порезал руку. И повис, тяжело дыша.

Вокруг не было видно никакого подходящего источника, откуда мог бы идти голос. Невзирая на это, голос зазвучал вновь.

— У них, знаете, очень печальная история. Ужасная мутация.

Зафод дико озирался. Голос был звучен и спокоен. При других обстоятельствах его можно было бы назвать утешающим. Ничего, однако, утешительного не было в нем сейчас, когда он исходил неизвестно откуда и обращался к Библброксу, висевшему на оконной раме пятнадцатого этажа неудачно приземлившегося здания.

— А… Э… — промямлил Зафод.

— Рассказать вам эту историю? — спокойно предложил голос.

— А вы кто? — тяжело выдохнул Зафод. — Вы где?

— Расскажу попозже, — пробормотал голос. Я — Гарграварр, Служитель Воронки Глобальной Перспективы.

— Почему я вас не вижу?

— Вам будет намного проще спуститься, — певуче сообщил голос, — если вы переместитесь на два метра влево. Почему бы вам не попробовать?

Зафод посмотрел налево и увидел, что ребро здания сверху донизу состоит из коротких углублений. Чувствуя облегчение, Зафод переполз туда.

— Давайте встретимся внизу, — сказал голос ему на ухо, удаляясь и затихая к концу фразы.

— Эй! — крикнул Зафод. — Вы куда?

— Спуск займет всего несколько минут, — ответил голос очень издалека.

— Марвин, — серьезно спросил Зафод у робота, уныло горбившегося неподалеку, — что, этот голос… он только что…

— Да, — коротко ответил Марвин.

Зафод кивнул. Он снова достал свои опасностечувствительные солнечные очки и надел их. Стекла были непроницаемо черны, хотя и изрядно, на тот момент, исцарапаны непонятным металлическим предметом, который неизвестно откуда взялся в кармане. Неважно, решил Зафод.

Если не видеть, что делаешь, спуск пройдет значительно спокойнее.

Спустя несколько минут он пробрался по развалинам фундамента и, сняв очки, без сил упал на землю.

Марвин присоединился к нему буквально через секунду и лег лицом в пыль и грязь, не выказывая ни малейшего желания переменить положение.

— Вот вы и добрались, — неожиданно сказал голос над ухом у Зафода. — Извините, что так внезапно вас покинул, но, знаете, мой организм совершенно не переносит высоты. По крайней мере, — добавил он тоскливо, — у меня был организм, который не переносил высоты.

Зафод очень осторожно и внимательно осмотрелся по сторонам — вдруг он не заметил чего-то, откуда бы мог исходить этот голос. Ничего, однако, кроме пыли, мусора и торчащих обломков зданий, он не увидел.

— Послушайте… — нерешительно спросил он. — Почему я вас не вижу? Вы где?

— *Я* здесь, — медленно произнес голос. — А мое тело хотело прийти, но оно, к сожалению, очень занято. Знаете, того повидать, этому позвонить, дела, дела.

После паузы, в которой явственно угадывался

тоскливый вздох, он добавил:

— Вы ведь знаете, тела, они все такие.

С этим Зафод мог бы и поспорить.

— Видимо, когда-то знал, — только и сказал он.

— Единственное, на что я надеюсь, так это что его отправили на принудительное лечение и оно сможет наконец отдохнуть, — продолжал голос, — в последнее время оно жило как в угаре.

Голос умолк. Зафод неловко огляделся. Он не понимал, здесь ли еще говоривший или опять куда-то делся. Но голос снова заговорил:

— Значит, вас должны пропустить через Воронку?

— М-да, — ответил Зафод, тщетно пытаясь изобразить безразличие, — но эта штука может пока подождать. Я совершенно не тороплюсь. Я, пожалуй, прошвырнусь тут по окрестностям, полюбуюсь на местные пейзажи…

— А вы представляете себе местные пейзажи? — спросил голос Гарграварра.

— Пока нет…

Зафод выкарабкался из развалин и завернул за угол здания, загораживавшего обзор.

Он оглядел простиравшийся перед ним ландшафт Мира В системы Фрогстар.

— Что ж, — сказал Зафод, — тогда я просто про-

швырнусь.

— Нет, — возразил Гарграварр. — Воронка ждет вас. Вам придётся пойти за мной.

— Да?! — забазарил Зафод. — И каким же это образом?

— Я буду вам напевать, — сказал Гарграварр, — идите на голос.

По воздуху поплыл тихий плачущий мотив, бледный, печальный, однообразный. Зафоду пришлось сильно напрячь слух, чтобы понять, откуда идет звук. Медленно, спотыкаясь, он побрел на зов. А что оставалось делать?

Глава 10

Вселенная, как уже не раз отмечалось, до безобразия велика — о чем большинство людей ради собственного спокойствия стараются не думать. Многие с удовольствием ограничились бы местечком поменьше, зато созданным по собственному разумению, и, кстати сказать, почти все разумные существа так и поступают.

Например, на краю Восточного Рукава Галактики есть большая лесистая планета Огларех, все «разумное» население которой живет на сравнительно маленьком оглареховом дереве. На этом дереве они рождаются, растут, влюбляются, вырезают на коре глубокомысленные опусы касательно смысла жизни, неподвластности смерти и важности контроля за рождаемостью, сражаются в своих малюсеньких войнах и в конце концов умирают, после чего их вывешивают на веревках с нижних сторон наименее доступных ветвей.

Единственными оглареханцами, когда-либо покидавшими дерево, были те, кого изгнали с него за непростительное преступление: интерес к тому, возможна ли жизнь на других деревьях

и не являются ли оные деревья галлюцинацией тех, кто ест слишком много огларехов.

Каким бы экстравагантным не казалось нам подобное поведение, во всей Галактике не найдется формы жизни, в той или иной степени не грешившей тем же, и именно поэтому Воронка Глобальной Перспективы так ужасна.

При пропускании через Воронку вам на долю секунды показывают непостижимое величие всего сущего, среди которого прячется крохотная табличка, микроскопическая точка на микроскопической точке, с надписью: «Это — ты».

Перед Зафодом простиралась скучная серая равнина, вся в руинах и обломках. Между ними дико носился ветер.

Посреди всего этого высился похожий на фурункул стальной купол. Туда-то, как понял Зафод, они и направлялись. Это была Воронка Глобальной Перспективы.

Он остановился и в унынии уставился на Воронку. В это время оттуда донесся нечеловеческий вопль ужаса. Такой вопль мог издать лишь тот, у кого из тела выжигали душу. Ветер подхватил этот вопль и понес его по равнине.

Зафод вздрогнул от страха, и кровь его, казалось, превратилась в жидкий гелий.

— А это еще что такое? — прошептал он беззвучно.

— Запись, — объяснил Гарграварр, — голоса последнего человека, пропущенного через Воронку. Такую запись положено проигрывать следующей жертве. Что-то вроде прелюдии.

— Кошмар какой, — заикаясь, сказал Зафод. — А нельзя ли нам куда-нибудь улизнуть ненадолго, может, в ресторан, чтобы хорошенько все обдумать?

— Насколько я знаю, я нахожусь именно в ресторане. То есть, мое тело. Оно теперь ходит по ресторанам без меня. Говорит, я вечно все порчу. Хей-хо.

— А что, собственно, такое с вашим телом? — спросил Зафод, стремясь насколько возможно оттянуть то, что ему предстояло.

— Оно… оно занято, понимаете ли, — ответил Гарграварр неуверенно.

— Вы хотите сказать, что у него теперь другая душа? — уточнил Зафод.

Наступила продолжительная и, надо сказать, ледяная пауза. Потом Гарграварр заговорил снова.

— Должен сказать, — произнес он через силу, — что я нахожу ваше замечание не слишком

деликатным.

Зафод смущенно и невнятно пробормотал что-то вроде извинения.

— Ничего страшного, — смягчился Гаргравварр, — вы не обязаны знать.

Голос его задрожал.

— По правде говоря, — по его интонации было ясно, насколько ему трудно сохранять спокойствие, — мы решились на узаконенный разъезд. Но боюсь, дело кончится разводом.

Голос умолк, а Зафоду было абсолютно нечего сказать. Он промямлил нечто невразумительное.

— Думаю, мы с самого начала не подходили друг другу, — продолжал Гаргравварр, — мы никогда не могли получать удовольствие от одних и тех же вещей. Мы вечно скандалили из-за секса и рыбалки. Мы, правда, пробовали совместить одно и другое, но это, как вы догадываетесь, привело к катастрофе. И теперь мое тело отказывается меня впускать. Не хочет даже меня видеть…

Снова воцарилось трагическое молчание. Ветер порывами носился по равнине.

— Оно говорит, что я живу в нем, как в гостинице. Я говорил, что так вообще-то и должно быть, что я и должен жить в нем, но оно сказало, что

ничего другого от меня и ожидать нельзя и что я со своим умничаньем могу идти сам знаю куда. В общем, мы расстались. Наверное, оно получит опекунство над моим именем.

— Да что вы? — спросил Зафод со слабым интересом. — А как ваше…?

— Гойшок, — ответил голос. — Гойшок, фамилия — Гарграварр. Этим все сказано, правда?

— Эээээ… — посочувствовал Зафод.

— Поэтому я, бестелесный дух, и работаю здесь Служителем Воронки Глобальной Перспективы. Никто более не ступает на поверхность этой планеты. Кроме приговоренных к Воронке — но они, боюсь, не в счет.

— А?…

— Я вам расскажу одну историю. Хотите послушать?

— Ээээ…

— Много-много лет назад это была веселая, счастливая планета — люди, города, магазины, обычный, нормальный мир. За одним, пожалуй, исключением. На центральных улицах было несколько больше обувных магазинов, чем нужно. Постепенно, незаметно, число их все увеличивалось и увеличивалось. На самом деле, это известный экономический феномен, но

наблюдать его в действии было просто ужасно. Чем больше становилось магазинов, тем больше обуви приходилось выпускать, и тем хуже становилось ее качество. Чем хуже становилось качество обуви, тем больше приходилось ее покупать, чтобы было в чем ходить. В общем, магазинов становилось все больше, до тех пор, пока экономика этой планеты не достигла того, что, по-моему, называется Обувным Горизонтом. Стало экономически невыгодно строить что-либо, кроме обувных фабрик. В результате — коллапс, разруха и тлен. Население большей частью вымерло. Очень немногие, те, у кого была врожденная генетическая нестабильность, мутировали и превратились в птиц — одну из них вы видели — которые прокляли свои ноги, прокляли землю и поклялись, что никто никогда более не ступит на нее. Несчастные. Ладно, пойдемте. Я должен отвести вас в Воронку.

Зафод в изумлении потряс головами и побрел вперед по равнине.

— А вы, — спросил он, — вы тоже отсюда, из этой дыры?

— Да что вы, — пришел в ужас Гарграварр, — я из Мира С. Там красиво. Прекрасные места для рыбалки. Я туда летаю по вечерам. Конечно,

теперь я могу только наблюдать. А на этой планете Воронка — единственное место, где хоть что-то происходит. Ее пришлось построить здесь, потому что во всех остальных местах не дали разрешения.

В этот момент воздух наполнился еще одним ужасающим стенанием. Зафод содрогнулся.

— Что же может так напугать человека? — еле слышно спросил он.

— Вселенная, — просто ответил Гарграварр, — бесконечная Вселенная. Бесконечное число солнц, бесконечные расстояния между ними, и где-то среди всего — ты сам, невидимая точка на невидимой точке, ничтожно маленький.

— Не забывайте, я все-таки Зафод Библброкс, не кто-нибудь! — Зафод попытался встряхнуть свое эго, точнее, его жалкие остатки.

Гарграварр не ответил, но возобновил свое похоронное мычание, и под это мычание они в конце концов дошли до тусклого стального купола в центре равнины.

Когда они подошли вплотную, в стене с гуденением распахнулась дверь, сквозь которую была видна маленькая темная комната.

— Заходите, — сказал Гарграварр.

Зафод в ужасе отшатнулся.

— Что, прямо сразу? — ахнул он.

— Сразу.

Зафод сунул нос внутрь: комнатка крошечная. Стены обшиты сталью. Места едва хватает на одного человека.

— Что-то… что-то это не похоже на воронку, — проговорил Зафод.

— А это не Воронка, — сказал Гарграварр, — это лифт.

С бесконечным трепетом Зафод вошел внутрь. Он чувствовал, что Гарграварр находится в лифте вместе с ним, хотя бестелесный дух и решил некоторое время помолчать.

Лифт стал спускаться.

— Мне бы надо как-то подготовиться, настроиться, — пробормотал Зафод.

— На это невозможно настроиться, — сурово ответил Гарграварр.

— Да уж, вы знаете, как заставить человека почувствовать себя не в своей воронке. То есть, тарелке.

— Это не я. Это здешняя атмосфера.

На дне шахты лифт открылся, и Зафод, споткнувшись, вышел в маленькую, лаконично оформленную, стальную комнату.

В дальнем конце стояла простая стальная ка-

бинка, ровно такого размера, чтобы в нее мог поместиться один человек.

Совсем простая кабинка.

Она соединялась с какими-то приборами и датчиками одним толстым проводом.

— И это все? — удивился Зафод.

— Все.

— «Не так уж страшно», подумал Зафод.

— Надо зайти внутрь, да? — спросил Зафод.

— Да, — ответил Гарграварр, — причем прямо сейчас.

— Окей, — сказал Зафод.

Он открыл дверь кабинки. Ступил внутрь.

И стал ждать.

Через пять секунд раздался щелчок, и в кабинке вместе с Зафодом оказалась вся Вселенная.

Глава 11

Воронка Глобальной Перспективы создает общую картину Вселенной на основе принципов экстраполяционного анализа материи.

В двух словах: каждый отдельный элемент материи Вселенной тем или иным образом связан с каким-либо другим элементом материи Вселенной, а следовательно, теоретически возможно экстраполировать всю Вселенную целиком — все солнца, все планеты, их орбиты, их состав, их экономику, их социальные структуры — на основе анализа, скажем, маленького кусочка торта-безе.

Человек, изобретший Воронку Тотальной Перспективы, сделал это с единственной целью досадить своей жене, порядком его доставшей.

Трин Трагула — так его звали — был мечтатель, мыслитель, философ, короче, по определению его жены, идиот.

Она грызла его непрерывно, считая, что он проводит несоразмерно много времени, глазея на звезды или размышляя над устройством канцелярской кнопки, не говоря уже о сотне лет, потраченной на спектрографический анализ

безе.

— Нужно же как-то соизмерять! — говорила она, иной раз до тридцати восьми раз на дню.

«Ну, я ей покажу соизмерять», решил Трин и построил Воронку Тотальной Перспективы.

К одному входу он подключил непостижимость всего сущего, экстраполированную из кусочка торта-безе, а к другому входу — свою жену, так, что когда Воронка заработала, она на одно мгновение увидела всю бесконечность Вселенной и самое себя по сравнению с ней.

К немалому ужасу Трина Трагулы, шок, испытанный его женой, был столь велик, что ее мозг оказался полностью аннигилирован, однако, Трин несколько утешился, когда понял, что ему удалось установить следующее: если какая-либо форма жизни хочет успешно существовать во Вселенной такого размера, то единственное, чего ей ни в коем случае нельзя делать, так это соизмерять.

Дверь Воронки распахнулась.

Бестелесный дух Гарграварра мрачно ожидал неподалеку. Надо сказать, что Зафод Библброкс ему, в общем и целом, понравился, как человек, обладающий многими интересными качествами — пусть даже в подавляющем большинстве от-

рицательными.

Гарграварр огорченно ждал, что Зафод выпадет из кабинки, как выпадали до него все его предшественники.

Вместо этого, Зафод бодро шагнул ему навстречу.

— Салют! — сказал он.

— Библброкс… — ошеломленно прошептал дух Гарграварра.

— Выпить есть? — спросил Зафод.

— Вы… вы… были в Воронке? — глупо спросил Гарграварр.

— А где ж я, по-твоему, был?

— Она работает?

— А как же!

— И вы видели всю бесконечность Вселенной?

— Ясен пень! Симпатичное местечко, между прочим.

Дух Гарграварра так и задымился от удивления. Если бы его тело было при нем, оно бы непременно село на землю с широко раскрытым ртом.

— И вы видели себя, — разделяя слова, спросил Гарграварр, — по сравнению с ней?

— Да-да-да, — игриво ответил Зафод.

— И… что вы почувствовали?

Зафод нахально ухмыльнулся.

— Мне показали то, что я и так знал. Я — классный, классный, классный мужик! Я же сказал, я — Зафод Библброкс!

Его блуждающий взгляд завороженно остановился на источнике питания Воронки.

— Ага! Это у нас что, тортик? — плотоядно выдохнул Зафод.

— Жадной рукой он вырвал из пучка проводов соблазнительное кондитерское изделие.

— Просто передать не могу, — проурчал он хищно, — как давно я этого хотел!

И сожрал торт.

Глава 12

Вскоре он уже бежал по равнине по направлению к разрушенному городу. Душный воздух резал легкие, и он часто спотыкался в изнеможении. Сгущались сумерки. Бежать по неровной земле становилось небезопасно.

Его возбуждение от недавно пережитых приключений еще не прошло. Вселенная! Он видел ее всю целиком, простирающуюся вокруг и уходящую в бесконечность. Но он видел также и себя в ней, и вместе с этим видением пришло ясное и четкое осознание того, что он — самое важное существо во Вселенной. Ну, то есть, когда у тебя просто непомерно раздутое самомнение — это одно. А когда твое самомнение объективно подтверждено показаниями прибора — это совсем другое.

Но у него не было времени размышлять на эту тему.

Гарграварр сказал, что вынужден сообщить о случившемся начальству, но согласен немного повременить, чтобы у Зафода было время оглядеться и спрятаться.

Зафод понятия не имел, что же ему делать, но сознание собственной важности вселяло в него уверенность, что что-нибудь непременно подвернется.

Других оснований для оптимизма на этой планете не было никаких.

Зафод бежал и бежал, и вскоре добежал до пригородного района.

Он перешел на шаг на растрескавшемся, разломанном дорожном покрытии, густо поросшем сорняком. Все придорожные ямы и канавы были доверху заполнены гниющей обувью. Дома, мимо которых шел Зафод, выглядели настолько неприветливо и необитаемо, что он просто не решался войти внутрь. Да и где там прятаться? И он торопился дальше.

Через некоторое время он достиг ответления от дороги, по которой шел. Вдалеке виднелось обширное низкое строение, окруженное более маленькими и более низкими строениями. Все они вместе были по периметру обнесены оградой. Самое большое строение вроде бы не очень развалилось, и Зафод решил подойти посмотреть, нельзя ли там достать… ну, хоть чего-нибудь.

Он подошел. С одной стороны строения — наверное, это был фасад, потому что перед ним

простиралась большая заасфальтированная подъездная площадка — располагались три двери гигантской высоты, футов шестьдесят, как минимум. Дальняя была открыта, туда и вбежал Зафод.

Внутри царили мрак, пыль, разруха. Отовсюду свисали огромные паутиновые сети. Почти все было разрушено, часть задней стены обвалилась, толстый слой душной трухи ковром покрывал пол.

Из мрака будто бы надвигались какие-то неживые страшилища, обвешенные всякой пакостью.

Некоторые страшилища были цилиндрические, другие — картофелевидные, третьи — в форме яйца, точнее, надтреснутого яйца. Иные были расколоты надвое и почти развалились, а часть попросту напоминала скелеты.

Все это были космические корабли, древние, как само время.

Зафод разочарованно бродил между ними. Ни один из них даже приблизительно нельзя было использовать. От одной только вибрации, вызванной его шагами, некоторые корабли проседали и разваливались.

В задней части здания стоял старый звездолет, побольше, чем остальные, и покрытый более

толстым слоем паутины и пыли. И все же он выглядел не таким раздолбанным, как другие. С надеждой и интересом Зафод стал пробираться к нему, но по дороге запутался в валявшемся на полу старом шнуре питания.

Он попытался стряхнуть шнур с ноги и с удивлением обнаружил, что шнур все еще подсоединен к звездолету.

К вящему его недоумению, шнур тихонько гудел и вибрировал.

Зафод сорвал с плеч пиджак и отбросил его в сторону. Пополз на четвереньках туда, куда вел шнур. Дополз до того места, где шнур был подключен к звездолету. Соединение по-прежнему работало, здесь гудение и вибрация различались яснее.

Сердце Зафода забилось сильнее. Он обтер рукой грязь и приложил ухо к обшивке звездолета. Изнутри доносился неясный, неопределенный гул.

Пошарив рукой в куче мусора, он нашел кусок пластиковой трубки и пластиковый же стаканчик. Эта находка позволила ему соорудить некое подобие стетоскопа, которое он и приложил к борту корабля.

От того, что он услышал, мозги его исполнили

сальто-мортале.

Ему в ухо заговорил голос:

«Компания межзвездного туризма «Трансстеллар Круиз» приносит пассажирам свои извинения за продолжающуюся задержку рейса. В настоящий момент мы ожидаем погрузки бумажных салфеток с лимонной пропиткой, которые наша компания бесплатно предоставляет пассажирам на время полета для их удобства, комфорта и гигиены. Благодарим вас за проявленные понимание и терпение. Через некоторое время вам снова подадут кофе и печенье.»

Зафод отшатнулся, с ужасом глядя на корабль.

Он походил вокруг, ничего не понимая. Вдруг в глаза ему бросилось гигантское табло, косо висевшее на одном креплении. Табло было сплошь покрыто грязью и копотью, но некоторые буквы и цифры все еще можно было разобрать.

Зафод поискал глазами, посчитал в уме и чуть не умер от удивления.

— Девятьсот лет… — прошептал он в шоке. Ничего себе задержка рейса!

Через две минуты он был уже на борту.

В салоне веяло свежестью и прохладой — кондиционеры по-прежнему работали.

Свет горел.

Зафод не без страха перешел из тесного входного помещения в узкий коридор.

Внезапно распахнулась дверь, и прямо перед Зафодом выскочила странная фигура.

— Будьте любезны, вернитесь на свое место, сэр, — произнесла стюардесса-андроид и, повернувшись к Зафоду спиной, зашагала по коридору.

Когда сердце Зафода возобновило свое биение, он последовал за ней. Она открыла дверь в конце коридора и вошла в нее.

Зафод вошел следом за ней.

Они оказались в пассажирском отсеке, и сердце у Зафода снова перестало биться.

В каждом кресле сидело по пассажиру. Все они были крепко привязаны ремнями.

Все обросли длинными волосами, ногти были длинные, у мужчин росли бороды.

Вне всяких сомнений, все были живы — но спали.

У Зафода по спине побежали мурашки.

Он пошел по проходу медленно, как во сне. Когда он достиг середины прохода, стюардесса дошла уже до другого конца. Там она повернулась и заговорила.

— Добрый день, дамы и господа, — сказала она

сладко. — Спасибо за то понимание, которое вы оказываете нам во время этой небольшой задержки. Вылет состоится при первой возможности. Тем, кто сейчас пожелает проснуться, будут поданы кофе и печенье.

Раздалось легкое гудение.

Через секунду все пассажиры проснулись.

Едва проснувшись, они завопили и стали когтями сдирать с себя ремни и трубки систем жизнеобеспечения. Они выли, стонали и кричали так, что Зафод начал опасаться за свои барабанные перепонки.

Пока пассажиры корчились и извивались, стюардесса бесстрастно расставляла перед ними маленькие стаканчики с кофе и маленькие пакетики с печеньем.

Один из них поднялся со своего места. Повернулся и посмотрел на Зафода.

Зафодова кожа зашевелилась так, как будто пыталась сползти с тела. Он развернулся и бросился прочь из этого дурдома.

Он пулей вылетел за дверь и помчался по коридору.

Человек преследовал его.

Зафод в панике долетел до конца коридора и, выскочив за дверь, захлопнул ее за собой и при-

пер спиной, тяжело дыша.

Буквально секунду спустя кто-то заколотил в дверь изнутри.

Из кабины пилота донесся металлический голос:

— Пассажирам запрещается находиться у кабины пилота. Будьте любезны, вернитесь в звездолет на свое место и ждите объявлений. Вам принесут кофе и печенье. Говорит автопилот. Пожалуйста, вернитесь на свое место.

Зафод не стал отвечать. Он не мог отдышаться, а за спиной кто-то колотил в дверь.

— Пожалуйста, вернитесь на свое место, — повторил автопилот. — Пассажирам запрещается находиться у кабины пилота.

— Я не пассажир, — с трудом выговорил Зафод.

— Пожалуйста, вернитесь на свое место.

— Я не пассажир, — рявкнул Зафод.

— Пожалуйста, вернитесь на свое место.

— Я не… Э-эй, вы меня слышите?

— Пожалуйста, вернитесь на свое место.

— Это автопилот? — спросил Зафод.

— Да, — ответил голос.

— Вы отвечаете за этот звездолет?

— Да, — снова ответил голос, — рейс ненадолго задержан. Пассажиры, для их собственного

удобства и спокойствия, в настоящий момент переведены на режим отсроченной анимации. Кофе и печенье подаются ежегодно, после чего пассажиры возвращаются в режим отсроченной анимации, чем обеспечивается их дальнейшее удобство и спокойствие. Вылет состоится немедленно, как только запас необходимых предметов на борту будет укомплектован. Компания приносит свои извинения за задержку вылета.

Зафод отошел от двери, тем более что стук прекратился, и подошел к кабине пилота.

— Задержку?! — закричал он. — Вы что, не видели, что творится вокруг? Все заброшено, пустыня! Никакой цивилизации! Никаких салфеток с лимонной пропиткой!

— По теории вероятности, — твердо ответил автопилот, — здесь может возникнуть новая цивилизация. В один прекрасный день нам привезут салфетки с лимонной пропиткой. А до тех пор вылет будет ненадолго задержан. Пожалуйста, вернитесь на свое место.

— Но…

Но в этот момент сзади распахнулась дверь. Зафод круто развернулся и увидел человека, который преследовал его в проходе. Тот держал в руках большой портфель. Он был элегантно

одет, волосы модно уложены, подбородок чисто выбрит, а ногти коротко подстрижены.

— Зафод Библброкс, — сказал он, — меня зовут Зарнивуп. Насколько я знаю, вы хотели меня видеть.

Зафод остолбенел. Его рот совершенно сам по себе стал произносить какие-то глупости, а тело опустилось в кресло.

— Боже мой, боже мой, откуда вы взялись? — наконец выговорил он.

— Я поджидал вас здесь, — деловитой скороговоркой произнес господин.

Он поставил портфель на пол и тоже сел в кресло.

— Я рад, что вы точно следовали инструкциям, — сказал он. — Я слегка опасался, что вы можете покинуть мой кабинет через дверь, а не через окно. Тогда вы попали бы в беду.

Зафод тряс головами и невнятно бормотал.

— Войдя в дверь моего кабинета, вы попали в мою собственную синтетическую Вселенную, — объяснил Зарнивуп. — Поэтому, выйдя через дверь, вы вернулись бы в настоящую Вселенную. А синтетическая управляется отсюда.

Он с самодовольным видом похлопал по портфелю.

Зафод взирал на него с отвращением и обидой.

— А какая разница? — буркнул он.

— Да никакой, — небрежно обронил Зарнивуп. — Вот разве что — мне так кажется — фрогстаровы истребители в реальной жизни серого цвета.

— Да что, черт возьми, все это значит? — разозлился Зафод.

— Все просто, — упиваясь его растерянностью, ответил Зарнивуп. Зафод был вне себя от его наглости и самоуверенности.

— Все очень просто, — повторил Зарнивуп. — Я вычислил координаты, по которым можно найти этого человека, ну, Человека, Который Правит Вселенной, и обнаружил, что мир, в котором он живет, защищен невероятностным полем. Чтобы защитить свой секрет, да и себя самого, я замкнулся в синтетической Вселенной и спрятался в этом Богом забытом лайнере. Таким образом, я был в безопасности. Тем временем, мы с вами…

— Мы с вами?! — прервал Зафод раздраженно. — Мы что, знакомы?

— Конечно, — ответил Зарнивуп. — Очень даже хорошо знакомы.

— Однако, я был неразборчив в связях, — заметил Зафод и погрузился в мрачное молчание.

— Тем временем, мы с вами договорились, что вы угоните корабль с бесконечно-невероятностным двигателем — а только на нем можно проникнуть в мир Правителя — и приедете за мной сюда. Это, как я понимаю, вы и сделали, с чем я вас искренне поздравляю.

Он улыбнулся противной улыбкой, и Зафоду захотелось треснуть его кирпичом.

— Кстати, если вам интересно, — добавил Зарнивуп. — Эта Вселенная смоделирована специально ради вашего визита. То есть вы — самое важное лицо в ней. Вы бы ни за что, — его улыбка еще сильнее просила кирпича, чем раньше, — не вышли живым из настоящей Воронки. Ну что, пошли?

— Куда? — спросил Зафод бесцветно. Он чувствовал себя совершенно разбитым.

— К вам на корабль. «Сердце золота», верно? Он ведь здесь, не так ли?

— Нет.

— А где ваш пиджак?

Зафод посмотрел непонимающе.

— Пиджак? Я его снял. Где-то там, снаружи.

Зарнивуп поднялся и жестом велел Зафоду следовать за ним.

Оказавшись во входном отсеке, они снова услы-

шали стенания пассажиров, которых кормили печеньем и поили кофе.

— Не очень-то приятно было вас дожидаться, — поделился Зарнивуп.

— Это вам было не очень-то приятно?! — завопил Зафод. — А как, вы полагаете, я…

Зарнивуп предостерегающе поднес палец к губам и открыл входную дверь. В нескольких метрах на куче мусора валялся пиджак Зафода.

— Удивительный и очень мощный звездолет, — сказал Зарнивуп. — Смотрите.

И они стали смотреть. Карман пиджака оттопырился и начал надуваться. Потом затрещал и разорвался. Металлическая минимодель «Сердца золота», появление которой в кармане оказалось в свое время таким сюрпризом для Зафода, начала расти.

Она росла и росла. Через две минуты она достигла своих настоящих размеров.

— С коэффициентом невероятности, — торжествующе воскликнул Зарнивуп, — черт его знает, каким, но о-о-очень большим.

Зафод пошатнулся.

— Значит, он у меня был все время с собой?

Зарнивуп ухмыльнулся. Он поднял свой портфель и открыл его.

Повернул внутри какой-то маленький переключатель.

— Гудбай, синтетическая Вселенная, — сказал он, — и здравствуй, настоящая!

Все вокруг на мгновение подернулось мреющей дымкой — и сразу же стало таким, как прежде.

— Видите? — сказал Зарнивуп. — Точно такая же.

— Значит, — повторил Зафод напряженно, — он у меня был все время с собой?

— Разумеется! — вскричал Зарнивуп. — Конечно! В этом-то весь и фокус!

— Так-так, — сказал Зафод. — Знаете что, можете меня вычеркнуть. С этого самого момента. С меня хватит. Я в эти игры больше не играю.

— Боюсь, ничего не выйдет, — покачал головой Зарнивуп, — в невероятностном поле находится ваш двойник. Вы раздвоены, и вам некуда деваться.

Он сатанински ухмыльнулся, и на сей раз Зафод не отказал себе в удовольствии — и как следует дал ему в зубы.

Глава 13

Форд Префект вломился на капитанский мостик «Сердца золота».

— Триллиан! Артур! — орал он. — Заработал! Корабль заработал!

Артур и Триллиан спали на полу.

— Давайте, вставайте, ребята, мы же опять летим! — Форд будил их пинками.

— Всем привет, друзья! — защебетал компьютер. — Не могу передать, как безмерно я счастлив встретиться с вами вновь! Хочу сказать, что…

— Заткнись, — перебил его Форд. — Скажи лучше, где мы?

— Фрогстар Мир В, жу-у-у-ткая помойка, — ответил Зафод, вбегая на мостик. — Привет, мужики! Знаю-знаю, вы так опупительно рады меня видеть, что не можете найти слов для выражения восхищения: я же такой невкрутенно-обалденный чувяра!

— Какой-какой кто? — Артур как всегда, не врубался. Он попробовал встать и запутался в собственных ногах.

— Понимаю, что ты сейчас чувствуешь, —

покровительственно сказал Зафод, — у меня у самого слов не хватает, когда я себя вижу! Ну-с, рад видеть вас всех, Триллиан, Форд, Макака. Да, и… компьютер!

— Здравствуйте, м-р Библброкс, сэр! Большая честь для нас всех снова…

— Заткнись! Мы хотим смотать отсюда, быстро-быстро-быстро.

— Ясное дело, сэр, куда, сэр?

— Куда-нибудь, неважно, — выкрикнул Зафод. — Нет! Очень даже важно! — закричал он еще громче. — В ближайший ресторан!

— Не вопрос, — сказал излучающий счастье компьютер, и мощный взрыв сотряс капитанский мостик.

Зарнивуп, вошедший минуту или полторы спустя, с интересом посмотрел на четыре оседающих облачка дыма.

Глава 14

Четыре неподвижных тела тяжело тонули во вращающейся черноте. Сознание покинуло их, холодное забытье тащило все дальше и дальше в пропасть небытия. Их окружал оглушительный, разносившийся эхом, грохот тишины. Наконец они погрузились в темную и горестную пучину давящей красноты, объявшую их, казалось, навеки.

Когда прошло бесконечно много времени, целая вечность, пучина отступила. И они остались на твердом холодном берегу, усеянном рванью и барахлом — отребьем Жизни, Вселенной и Всякого Такого.

Их сотрясали спазмы, в глазах плавали тошнотворные мухи. Холодный твердый берег покачнулся, закрутился, но в конце концов встал неподвижно. Он сиял темным блеском — это был чрезвычайно качественно отполированный холодный твердый берег.

Расплывчатое зеленое пятно глядело на них с неодобрением.

Оно кашлянуло.

— Добрый вечер, мадам, джентльмены, — сказало оно. — У вас заказаны места?

Сознание Форда Префекта как на тугой резинке вскочило обратно в голову, так, что мозги заломило. Он мутно посмотрел на зеленое пятно.

— Места? — переспросил он слабо.

— Да, мсье, — ответило зеленое пятно.

— А разве на том свете нужно заказывать места?

Насколько зеленое пятно в принципе может высокомерно поднять одну бровь, оно это сделало.

— На том свете, мсье? — спросило оно, не меняя интонации.

Артур Дент сражался со своим сознанием, как сражается с куском мыла потерявший его в душе.

— Мы на том свете? — пролопотал он.

— Наверно, — ответил Форд Префект, стараясь в то же время понять, где верх. Он решил проверить теорию, что верх с большой долей вероятности может находиться со стороны, противоположной холодному твердому берегу, на котором все они лежали, и поднялся на ноги. По крайней мере, он надеялся, что это ноги.

— Мы ведь, — его сильно качало, — никак не

могли выжить в этом взрыве, правда же?

— Правда, — промычал Артур. Он поднялся на локтях, однако это нисколько не улучшило его состояния. Он снова рухнул.

— Никак, — сказала Триллиан, вставая, — никоим образом.

У нее из-под ног раздалось глухое хриплое клокотание. Это Зафод пробовал заговорить.

— Я точно не выжил, — пророкотал он, — мне точно каюк. Трах-бах и кранты.

— Все из-за тебя, между прочим, — не удержался от упреков Форд, — у нас не было никаких шансов. Нас, наверно, разорвало на мелкие кусочки. Руки, ноги — в разные стороны.

— Угу, — Зафод упорно пытался соединить разъезжающиеся ноги.

— Не соблаговолят ли леди и джентльмены заказать аперитив, — нетерпеливо напомнило о себе зеленое пятно, нависая над ними.

— Трямс-брямс, — не обратил на него внимания Зафод, — и нас расфигарило на молекулы. Слушай, Форд, — идентифицировал он одно из расплывчатых пятен, — а у тебя было это ...? Ну, когда вся твоя жизнь проносится перед глазами?

— Как, и у тебя? — удивился Форд. — Вся твоя жизнь?

— Ага, — сказал Зафод, — по крайней мере, мне кажется, что моя. Я же по большей части не в себе, ты же знаешь.

Он смотрел по сторонам, разглядывая всевозможные пятна, которые переставали быть расплывчатыми и трясущимися пятнами и потихоньку становились пятнами с довольно четкими контурами.

— Итак, — сказал он.

— Итак что? — спросил Форд.

— Итак, мы здесь, — продолжал Зафод, — лежим мертвые…

— Стоим, — поправила Триллиан.

— Стоим мертвые, — согласился Зафод, — в этом необитаемом…

— Ресторане, — сказал Артур Дент, который к этому времени стоял на ногах и мог, к своему крайнему изумлению, видеть четко. Хотя, по правде, изумило его не то, что к нему вернулось зрение, а то, что именно он увидел.

— Мы здесь, — не сбивался с мысли Зафод, — стоим мертвые в этом необитаемом…

— Пятизвездочном… — добавила Триллиан.

— Ресторане, — договорил, наконец, Зафод.

— Странно, правда? — сказал Форд.

— М-да.

— А люстры красивые, — заметила Триллиан.

Они переглянулись с веселым недоумением.

— Это не жизнь после смерти, — сказал Артур, — это, скорее, apres vie.

Надо сказать, что люстры слегка помаргивали, а низкий сводчатый потолок, откуда эти люстры свисали, в идеальной Вселенной, пожалуй, не был бы покрашен именно в такой оттенок темно-бирюзового, а даже если бы вдруг и был, то уж никак не был бы дополнительно освещен скрытой подсветкой. Это, однако, была отнюдь не идеальная Вселенная, о чем дополнительно свидетельствовали выложенные в мраморе пола неприятные для глаз узоры, а также облицовка передней панели стойки бара. Стойка бара имела восемьдесят метров в длину и сверху была покрыта мраморной доской, а вот передняя панель была обтянута двадцатью тысячами сшитых вместе шкурок антареанских мозаичных ящериц — невзирая на то, что двадцать тысяч упомянутых ящериц нуждались в своих шкурках для хранения собственных внутренностей.

Несколько модно одетых созданий небрежно облокотились о стойку, другие развалились в уютных обнимающих тело креслах, расставленных неподалеку, там и сям. Молодой офицер

Вл'Хурганец под руку со своей струящейся зеленой молодой леди проследовал сквозь дымчатые стеклянные двери в дальнем конце бара в обеденный зал ресторана.

Окна ресторана — они же стены, почти от самого пола — были зашторены. Артур отодвинул уголок и увидел безотрадный пейзаж, серый, покинутый, мертвый, такой, который при нормальных обстоятельствах вызвал бы у Артура приступ смертельного ужаса. Но, выходит, обстоятельства нельзя было назвать нормальными, ибо то, от чего застыла кровь Артура и что заставило его покрыться липким холодным потом, был не пейзаж, а небо. А небо было…

Подоспевший официант вежливо поправил штору.

— Всему свое время, сэр, — сказал он.

Глаза Зафода сверкнули хищным блеском.

— Слушайте, мертвяки, — проговорил он. — Мне кажется, мы кое-что упустили из виду. Понимаете? Тут кое-кто кое-что сказал, а мы не обратили внимания.

Артур с облегчением отвлекся от того, что только что увидел. И с готовностью повторил:

— Я говорил, что это скорее apres vie…

— Эт-точно, — бросил на него неодобритель-

ный взгляд Зафод. — И тебе до сих пор не кажется, что лучше было помолчать? Форд?

— Я говорил, что это странно.

— Умно, но неинтересно. Может быть, это было…

— Может быть, — прервало зеленое пятно, к этому времени принявшее форму невысокого сморщенного зеленого официанта в темном костюме, — господа соблаговолят обсудить этот вопрос за аперитивом?

— Точно! Аперитив! — заорал Зафод. — Конечно! Вот что можно упустить, если не держать ухо востро!

— В самом деле, мсье, — официант был само терпение, — почему бы леди и джентльменам не заказать аперитив перед обедом…

— Обед! — со страстью воскликнул Зафод. — Гениальная мысль, малыш-зеленыш! Так бы и съел тебя за это, и всю бы ночь лелеял в животе!

— …а Вселенная, — невозмутимо продолжал официант, решивший игнорировать фамильярности Зафода, — взорвется несколько позже. Это послеобеденное развлечение.

Голова Форда медленно повернулась к официанту.

— Ух ты, — произнёс он. — Какие же напитки

у вас тут есть?

Официант улыбнулся вежливой сдержанной официантской улыбкой.

— Боюсь, мсье, — сказал он, — вы меня не совсем понимаете.

— Надеюсь, нет, — проговорил Форд.

— Это вполне нормально, мсье, наши клиенты частенько бывают слегка дезориентированы после путешествия во времени, — успокоил официант, — так что, если я могу предложить…

— Путешествие во времени?! — воскликнул Зафод.

— Путешествие во времени?! — воскликнул Форд.

— Путешествие во времени?! — воскликнула Триллиан.

— Это что, не тот свет? — спросил Артур.

Официант улыбнулся вежливой сдержанной официантской улыбкой. На сегодня он уже почти исчерпал вежливый сдержанный официантский репертуар и готовился перейти к роли саркастического официанта с поджатыми губами.

— Не тот свет? — переспросил он. — Нет, сэр.

— И мы не мертвые? — спросил Артур.

Официант поджал губы.

— А-ха, ха, — сказал он. — Мсье вне всякого

сомнения жив и здоров, в противном случае я не стал бы обслуживать мсье.

Невообразимым жестом, который бессмысленно пытаться описать, Зафод Библброкс стукнул себя двумя руками по обеим лбам, а третьей хлопнул по бедру.

— Вот черт! — воскликнул он. — Ну ни фига себе! Мы же в Милливэйз! Добрались наконец!

— Милливэйз! — выкрикнул Форд.

— Совершенно верно, мсье, — подтвердил официант с утрированным спокойствием, — это Милливэйз, ресторан «У конца света».

— Конца чего? — не понял Артур.

— Све-та, — повторил официант, очень четко и совершенно без нужды по слогам.

— А когда у него конец? — спросил Артур.

— Через несколько минут, мсье, — ответил официант. Он глубоко вдохнул. Ему не нужно было этого делать, так как весь необходимый для жизни состав газов, кстати сказать, довольно необычный, поступал в вену через специальный катетер, прикрепленный к ноге. Бывают, однако же, в жизни ситуации, когда хочется глубоко вдохнуть, независимо от метаболизма.

— Что ж, если господа соблаговолят наконец заказать аперитив, — выдохнул он, — я провожу

их к столику.

По лицам Зафода расползлись две маниакальные улыбки. Он вразвалку подошел к стойке и скупил все, что было в баре.

Глава 15

Ресторан «У конца света» является одним из самых необычных предприятий общественного питания среди всех, когда-либо существовавших в истории подобных заведений. Он построен на развалинах…точнее, он будет построен на развалинах…то есть, он непременно был… и будет…

Одна из главных проблем, связанных с путешествиями во времени, отнюдь не та, что вы можете ненароком оказаться собственным отцом или матерью. В этом нет ничего такого, с чем не могла бы справиться цивилизованная трезвомыслящая семья. Также не следует бояться изменения хода истории — ход истории изменить невозможно, ибо все ее фрагменты входят друг в друга, как элементы пазла. Все принципиально важные изменения произошли раньше, чем появились те вещи и явления, которые, как предполагалось, изменятся в результате произошедших изменений, но, так или иначе, вещи таковы, каковы они есть и больше никаковы.

Основная проблема — грамматическая, и по данному вопросу следует обратиться к книге д-ра

Дэна Стритменшенера «1001 грамматическая конструкция для путешествующих во времени». Из этой книги вы узнаете, например, как описать то, что вот-вот должно было случиться с вами в прошлом перед тем, как вам удалось избежать этого благодаря прыжку во времени на два дня вперед. Событие будет описано по-разному в зависимости от того, находитесь ли вы в своем нормальном времени, или еще дальше в будущем, или еще дальше в прошлом. Ситуация усложняется, если вам необходимо поддерживать беседу в процессе непосредственного перемещения во времени с целью стать собственным отцом или матерью.

Большинство читателей доходят до Будущего Обусловленного Модифицированного Полуинвертированного Плагального Прошедшего Подчиненного Намеренного, после чего в изнеможении закрывают книгу, поэтому в последних изданиях страницы, следующие за описанием данной граматической конструкции, обычно оставляют пустыми, чтобы сократить расходы на печать.

Путеводитель «Автостопом по галактике» не затрагивает темы академических изысканий по данному вопросу, лишь коротко сообщая, что термин «будущее совершенное время» отменен,

поскольку установлено, что такового не существует.

Резюме:

Ресторан «У конца света» является одним из самых необычных предприятий общественного питания среди всех, когда-либо существовавших в истории подобных заведений. Он построен на развалинах впоследствии погибшей планеты, которая была (имела было-быть) заключена в огромный временной пузырь и спроектирована вперед во времени на момент настоящего конца света.

Это, скажут многие, невозможно.

И все же, в этом ресторане гости садятся (имеют было-сесть) за свои столики и едят (имеют было-есть) изысканные блюда, наблюдая (имешта было-блюсть-на), как все сущее погибает во вселенском взрыве.

Это, скажут многие, тоже невозможно.

Тем не менее, вы можете прибыть (было-мочь прибытун-быть тогда-потом) в любое удобное для вас время без предварительного (тогда пред-когда) заказа, поскольку заказ может быть сделан ретроспективно, как и оказывается по прибытии обратно в ваше собственное время (было-мочь заказун-быть имешта предкогда предбывав воз-

вратун-быть ретро-дом).

Это, будут настаивать многие, совсем уж невозможно.

В ресторане вы сможете встретиться и пообедать (было-мочь повстретун-быть да обедун-быть тогда-потом) вместе с удивительным смешением рас всех планет и времен.

Этого, станут терпеливо объяснять вам многие, быть никак не может.

Вы можете посещать этот ресторан столько раз, сколько пожелаете (было-мочь пере-посещун-быть… и т. д. — далее смотри книгу д-ра Стритменшенера), и при этом можете быть уверены, что никогда не повстречаетесь с самим собой — ведь это всегда так неудобно.

Это, даже если все предыдущее правда, что совсем не так, в принципе невозможно, скажут сомневающиеся.

Все, вам надо сделать, это поместить один пенни на счет в банке в своей собственной эпохе, и тогда по прибытии в конец времен вы можете быть уверены, что набежавших процентов хватит для оплаты любого ресторанного счета.

А вот уж это, по убеждению многих, не только никак невозможно, но и совершенно неразумно, почему, собственно, в рекламных агентствах

звездной системы Бастаблон и появился следующий лозунг: «Если уж вы начали утро с глупостей, почему бы не позавтракать в Милливэйз?»

Глава 16

Зафод, сидя у стойки, нажирался как тритон… то есть, как питон. Он все время стукался головами, и улыбки его рассинхронизировались. Он был до ужаса счастлив.

— Зафод, — попросил Форд, — пока ты еще можешь говорить, не объяснишь ли ты мне, что произошло? Я ни фотона не понимаю. Где ты был? Где были мы? Это, конечно, неважно, но все-таки…

Левая голова Зафода напряглась и сосредоточилась, а правая не захотела отвлекаться от стакана.

— Скажем так, — ответил он, — я держал ситуацию в руках. Меня хотели заставить искать человека, который правит Вселенной, но он, по-моему, совершенно не умеет готовить.

Правая голова внимательно выслушала левую и кивнула:

— Точно. За это надо выпить.

Форд пил уже второй горлобластер «Пан Галакт», напиток, подобный ограблению на улице — лишаешься денег и, как правило, страдает

голова. Какая разница, что произошло, подумал Форд, мне, в общем-то, все равно.

— Короче, Форд, — сказал Зафод, — все классно. Классно и потрясно.

— Хочешь сказать, все под контролем.

— Нет, — обиделся Зафод, — я не хочу сказать, что все под контролем. Это не называется классно и потрясно. Просто, если уж тебе интересно знать, вы все были у меня в кармане. Ясно?

Форд пожал плечами.

Зафод захихикал в стакан. Содержимое перелилось через край и стало проедать мраморную столешницу.

Табором подвалили страннокожие звездогане. Они долго и упорно пиликали на электроскрипке, пока Зафод не выдал им кучу денег. После чего звездогане неохотно удалились.

Они направились к Артуру с Триллиан, которые сидели в другом конце бара.

— Не знаю, что это за место такое, — жаловался Артур, — у меня от него мурашки.

— Выпей еще, — посоветовала Триллиан. — И получай удовольствие.

— То и другое вместе невозможно, — сказал зануда-Артур. — Так что же мне делать?

— Бедный Артур, ты не создан для такой жиз-

ни.

— Это ты называешь жизнью?!

— Ты заговорил совсем как Марвин.

— Марвин, между прочим, самое разумное существо из всех, кого я знаю. Слушай, как прогнать этих скрипачей?

Подошел официант.

— Прошу к столу, — пригласил он.

Если смотреть снаружи, чего никто никогда не делает, ресторан напоминает выброшенную на пустынные скалы гигантскую блестящую морскую звезду. В каждом луче располагаются кухни, бары, генераторы силового поля, защищающие само сооружение и руины планеты, на которых оно держится, а также Турбины Времен, которые медленно перетаскивают аттракцион вперед-назад через грань критического момента.

В центре находится огромный золотой купол, почти шар. Туда-то и проводили Зафода, Форда, Артура и Триллиан.

На украшение интерьера ушло по меньшей мере пять тонн блесток. Поверхности, не покрытые блестками, были декорированы алмазами, драгоценными сантрагинианскими ракушками, золотыми листьями, мозаичной плиткой, шкурками ящериц, миллионами и миллиардами

других, совершенно неопознаваемых, инкрустаций и украшений. Стекло сияло, серебро сверкало, золото блестело, Артур Дент глазел.

— Уауи, — ахнул Зафод, — Заппо.

— Потрясающе! — благоговейным шепотом произнес Артур. — Люди!.. Штуки!

— Штуки, — тихо сказал ему Форд, — это тоже люди.

— Люди, — повторил Артур, — э… другие люди…

— Люстры!.. — воскликнула Триллиан.

— Столы… — в тон ей продолжал Артур.

— Платья! — снова воскликнула Триллиан.

Тоже мне, инвентаризаторы, подумал официант.

— Конец света очень популярное зрелище, — сказал Зафод. Нетвердо держась на ногах, он прокладывал себе путь сквозь скопище столиков, одни из которых были из мрамора, другие — из инфракрасного дерева, некоторые даже из платины, и за каждым сидела компания экзотических созданий, изучающих меню и весело болтающих.

— Людям нравится наряжаться, чтобы прийти сюда, — продолжал объяснять Зафод, — получается торжественное событие.

Вокруг низкой эстрады, где небольшой оркестр играл легкую музыку, широким веером были расставлены столики. По подсчетом Артура, столиков было не менее тысячи. Между ними раскачивались пальмы, журчали фонтаны, стояли гротескные статуи, одним словом, параферналия, типичная для ресторанов, где за малые деньги создается впечатление, что денег на оформление не потрачено вовсе. Артур огляделся, почти готовый увидеть рекламу «Американ Экспресс».

Зафод натолкнулся на Форда, который, в свою очередь, натолкнулся на Зафода.

— Уауи, — подмигнул Зафод.

— Заппо, — подтвердил Форд.

— Мой прапрадедуля испортил компьютер, — сказал Зафод. — Я велел отправить нас в ближайший ресторан, а мы оказались у конца света. Но за это ему можно только сказать спасибо.

Он помолчал.

— Слушайте, да здесь все. Все, кто когда-то был кем-то.

— Был? — переспросил Артур.

— У конца света привыкаешь пользоваться прошедшим временем, — объяснил Зафод, — потому что все уже сделано, понял? Привет, дружбаны! — замахал он расположившейся неподалеку

компании игуановых форм жизни. — Как дела?

— Это что, Зафод Библброкс? — вполголоса спросила одна игуана у другой, делая вид, что не замечает Зафода.

— По-моему, да, — не разжимая рта, ответила другая игуана.

— Вот тебе и здрасьте, — заметила первая игуана.

— Чего в жизни не бывает, — кивнула вторая.

— Каждый устраивается как может, — поджала губы первая, и обе погрузились в молчание. Они ожидали величайшего зрелища во Вселенной.

— Эй, Зафод, — выкрикнул Форд, попытался схватить Зафода за локоть и, по вине третьего «Пан Галакта», промахнулся. И тут же показал куда-то в сторону блуждающим пальцем.

— Вон мой старый приятель, — пьяно обрадовался он, — Хотблэк Дезиато! Вон, видите? В платиновом костюме за платиновым столиком.

Зафод стал поворачивать голову вслед за пальцем Форда, и от этого его затошнило. Но все же он увидел.

— Да-да, — покивал он, не узнавая, но через секунду вдруг понял. — А! — выкрикнул он. — Это тот, который откалывает все эти супермегаклевые номера? Супер-супер-супер! Лучше ничего не

бывает! Я не говорю о себе, конечно.

— Кто бы это мог быть? — почти про себя проговорила Триллиан.

— Хотблэк Дезиато? — Зафод был потрясен невежеством Триллиан. — Ты не знаешь? Не слышала о «Зоне загибона»?

— Нет, — просто ответила Триллиан, которая, естественно, не слышала.

— Самая потрясающая, — начал Форд, — самая громкая…

— Самая богатая… — вставил Зафод.

— … рок-группа за всю историю… — Форд мучительно искал слово.

— Самой истории! — закончил Зафод.

— Не знаю, — мотнула головой Триллиан.

— Зауууи, — подивился Зафод, — мы уже у конца света, а ты еще и не начинала жить! Чем же ты занималась, дорогая.

И он повел ее к столику, где их все это время ожидал официант. Артур потерянно побрел следом, чувствуя себя очень одиноко.

Форд отклонился от курса и довольно ловко пробрался между столиками с целью возобновить старое знакомство.

— Э… ба… Хотблэк, — громким голосом начал он, — как поживаешь? Рад тебя видеть, большая

птица, что, все шумишь? Выглядишь классно, такой жирный, неухоженный. Потрясающе!

Форд шлепнул сидящего за столом по спине и несколько удивился, не получив в ответ никакой реакции.

— Помнишь, как мы отрывались? — тем не менее продолжил он. — В старое доброе время, а? Круто гуляли, а? Бистро «Внезакон», помнишь? Кафе «Яйцерезка»? «Козлодром Бузорама»? Помнишь? Славное было времечко, что скажешь?

Хотблэк Дезиато не пожелал выразить своего мнения относительно того, славное ли было времечко. Но Форда это нисколечко не смутило.

— Помнишь, когда нам хотелось есть, мы притворялись служащими санинспекции? Ходили по заведениям с конфискацией? Как же мы тогда на халяву нажирались! Правда, бывало, травились… Да, а помнишь, как мы пили в кафе «Лу», на Гретхен-стрит, ну, на Нью-Бетеле, помнишь? Там еще наверху была гостиница. Ты почему-то всегда оказывался в соседней комнате и без конца тренькал на своей ажектаре, мы твои песенки прямо слышать не могли! Ты еще говорил, тебя, мол, не колышет, а мы говорили, это нас колышет, это же мы их слышать не можем…

Глаза Форда заволокло туманом.

— А еще ты говорил, что не собираешься быть звездой, — Форд продолжал жевать ностальгические сопли, — потому что презираешь звездные системы. А мы- я, Хадра и Сулиджо — сказали, что у тебя просто нет выбора. И вот посмотри, чем ты теперь занимаешься? Ты *покупаешь* звездные системы!

Он обернулся к сидящим за соседними столиками:

— Посмотрите! Вот человек, который может купить звездную систему!

Хотблэк Дезиато не соизволил подтвердить или опровергнуть данное утверждение, и внимание аудитории быстро угасло.

— По-моему, кое-кто нажрался, — пробормотало пурпурное кустообразное создание себе в бокал.

Форд покачнулся, оступился и тяжело уселся за стол напротив Дезиато.

— Как это там у тебя? — в поисках опоры он, не подумавши, ухватился за бутылку. Бутылка опрокинулась, так уж случилось, прямо в ближайший бокал. Нельзя было оставить без внимания такое счастливое совпадение, и Форд Префект осушил бокал.

— Есть у тебя такой потрясающий номер, —

Форд говорил не останавливаясь, — как там? Бррам! Брррам! Бубуррам! Что-то там! И звездолет врезается прямо в солнце! А ты внутри!

Для наглядности Форд бухнул кулаком по своей собственной ладони. И снова опрокинул бутылку.

— Звездолет! Солнце! Ба-бах! — кричал он. — Ладно лазер и все прочее, но вы же сгораете на солнце! Прямо на солнце! И еще эта жуткая песня…

Глазами он следил, как содержимое бутылки проливается на стол. Надо как-то убрать, подумалось ему.

— Налить? — спросил он у Дезиато. До его затуманенного сознания потихоньку стало доходить, что этой встрече, этому возобновлению старой дружбы не хватает чего-то существенного, и это существенное, чего не хватает, напрямую связано с тем, что жирный дядька, сидящий напротив в платиновом костюме и серебряной шляпе, все еще не сказал ни «Привет, Форд!», ни «Рад тебя видеть после стольких лет», да и вообще ничего не сказал. И, если уж быть до конца точным, еще ни разу не пошевелился.

— Хотблэк? — позвал Форд.

Сзади ему на плечо опустилась здоровенная

мясистая рука, которая оттолкнула его в сторону. Он очень неграциозно свалился под стол и поднял голову, пытаясь разглядеть владельца беспардонной руки. Разглядеть его оказалось совсем нетрудно по причине огромного роста и богатырского сложения. Он был даже не сложен, а построен, как шкаф или, скорее, как кожаный диван, блестящий, надутый и с твердой набивкой. Костюм, куда было затолкано мощное туловище, казалось, имел единственное предназначение — показать, насколько вообще-то нелегко упихать такое тело в костюм. Лицо поверхностью напоминало апельсин, а цветом — яблоко, но на этом все сладкие ассоциации заканчивались.

— Приятель, — голос вырвался наружу так, словно там, в груди, ему приходилось по-настоящему туго.

— Я вас слушаю, — сказал Форд любезно. Он уже сумел кое-как подняться и с разочарованием увидел, что по отношению к стоящему рядом телу его голова осталась примерно на том же уровне, что и раньше.

— Отвали, — приказал качок.

— С чего это? — попытался защитить свое достоинство Форд, обдумывая в то же время, насколько умно он поступает. — Ты кто такой?

Качок поразмыслил. Он не привык, чтобы ему задавали вопросы. И все же немного погодя он смог дать ответ.

— А я тот, кто говорит, кому надо катиться, — объяснил он, — пока я на него сам не покатил.

— Так вот, послушай, — начал Форд нервозно, желая только, чтобы голова прекратила кружится, встала на место и помогла ему ухватить инициативу в этом разговоре. — Послушай, — продолжал он, — я старый друг м-ра Дезиато, а…

Он взглянул на Дезиато, который так и не пошевелился и даже не моргнул.

— а… — снова сказал Форд, раздумывая, что, собственно, «а».

Здоровяк, между тем, сумел состроить целую фразу после «а». Фраза была такая:

— А я телохранитель м-ра Дезиато и отвечаю за его тело, а за твое не отвечаю, так что вали, пока оно цело.

— Минуточку, — промямлил Форд.

— Никаких минуточек! — рассердился телохранитель. — М-р Дезиато ни с кем не разговаривает!

— Может быть, он сам скажет, что думает по этому поводу?

— Он ни с кем не разговаривает! — грозно по-

вторил телохранитель.

Форд озадаченно посмотрел на Дезиато и был вынужден согласиться. Хотблэк не шевелился, и тем паче не выказывал ни малейшего опасения за состояние Форда Префекта.

— А почему? — спросил Форд. — Что с ним?

И тогда телохранитель рассказал ему.

Глава 17

Путеводитель «Автостопом по Галактике» отмечает, что «Зона загибона», плутониевая рок-группа из мысленных регионов Гаггракаки, считается не только самой громкой рок-группой Галактики, но и вообще самым громким шумом из всех издаваемых. Те, кто регулярно посещает их концерты, выяснили, что наилучший акустический эффект достигается в бетонных бункерах, установленных в тридцати семи милях от сцены. Музыканты играют на своих инструментах с помощью дистанционного управления, находясь при этом на космическом корабле с супермощной звукоизоляцией, а сам корабль находится на орбите планеты — причем, как правило, другой планеты.

Песни, исполняемые этой рок-группой, чрезвычайно просты по сюжету и, в основном, развивают хорошо знакомую всем тему о неких М-существах, встречающихся с Ж-существами под серебристой луной, которая к концу песни безо всяких видимых причин взрывается.

На многих планетах шоу «Зоны загибона» за-

прещено, кое-где по эстетическим соображениям, а по большей части из-за того, что звуковые установки группы не подходят под условия договоров об ограничении стратегических вооружений.

От этого, тем не менее, нисколько не страдают заработки группы, получаемые за счет попрания законов гиперматематики, и главный бухгалтер группы недавно получил в Максимегалонском университете звание профессора неоматематики за работу по общей и специальной теориям налоговых деклараций «Зоны загибона», в которой он доказывает, что ткань материи пространства-времени не просто изогнута, а совсем загнулась.

Пошатываясь, Форд добрел до столика, где Зафод, Артур и Триллиан дожидались начала представления.

— Дайте пожрать, — сказал Форд.

— Привет, Форд! — обрадовался Зафод. — Ну как, поговорил с гранд-шумелкой?

Форд неопределенно помотал головой.

— С Хотблэком? Вроде того.

— Что он говорит?

— Да как сказать… ничего особенного не говорит. Он… ммм…

— Что?

— Он проводит этот год в мертвом состоянии.

Из-за налогов, понимаешь? Мне надо сесть.

И сел.

Подошел официант.

— Желаете меню? — поинтересовался он. — Или пригласить к вам Блюдо дня?

— А? — не понял Форд.

— А? — не понял Артур.

— А? — не поняла Триллиан.

— Клево, — сказал Зафод. — Будем наблюдать блюд**а**.

В маленькой комнатке в одном из лучей ресторана-звезды высокий, худой, нескладный человек отодвинул в сторону шторы, и небытие глянуло ему в лицо.

Это было некрасивое лицо, возможно, именно потому, что небытие слишком уж часто смотрелось в него. Для начала, лицо было слишком длинным, глаза слишком глубоко ввалившимися, щеки слишком впалыми, губы слишком тонкими, а то, что открывалось взгляду, когда губы раздвигались, слишком уж напоминало окно на веранде. Руки, отодвинувшие штору, тоже были чересчур длинны и худы, да к тому же холодны ледяным холодом. Они невесомо держались за складки шторы и, казалось, что, не следи за ними хозяин столь пристально, они тут

же уползли бы в уголок и занялись бы там чем-то невообразимым.

Человек аккуратно опустил штору, и жуткое освещение, игравшее на его лице, было вынуждено отправиться искать себе более привлекательную поверхность для игр. Подобный спруту во время вечерней молитвы, человек проковылял по крохотной комнатке, и уселся в кресло-качалку около складного столика, на котором лежала книжечка антреприз. Он полистал ее.

Раздался звонок.

Он отложил книжечку и встал. Безвольно упавшие руки растревожили часть блесток, миллионы которых, играя всеми цветами радуги, украшали его фрак, и он покинул комнату.

В зале ресторана приглушили свет. Оркестр заиграл быстрее. Единственный прожектор высветил вершину лестницы, ведущей в центр сцены.

На лестнице возникла высокая блистающая фигура. Человек легко сбежал вниз на сцену, легонько похлопал по микрофону, снял его со стойки изящным жестом худощавой аристократической руки и стал кланяться публике, благодаря за аплодисменты и демонстрируя окно на веранде. Он помахал особо дорогим гостям,

хотя на самом деле таковых среди публики в тот день не было, и подождал, пока стихнут рукоплескания.

Он поднял руку и улыбнулся так широко, что его улыбка не просто простерлась от уха до уха, но, казалось, вышла за пределы лица.

— Благодарю вас, леди и джентльмены, — выкрикнул он, — спасибо! Спасибо большое!

Он еле заметно подмигнул.

— Леди и джентльмены, — начал он свою речь, — Вселенная, которая, как мы с вами знаем, существует вот уже сто семьдесят тысяч миллионов миллиардов лет, прекратит свое существование чуть больше, чем через полчаса. В честь этого знаменательного события все мы и собрались здесь, в Милливэйз, ресторане «У конца света»!

Одним жестом он вызвал шквал аплодисментов, другим — остановил его.

— Сегодня вы у меня в гостях, — продолжал он, — меня зовут Макс Куордлиплен… — (все это и так знали, его шоу было одним из самых популярных в Галактике, но он всегда произносил эти слова, потому что они вызывали новую волну рукоплесканий, которую он привычно принимал со скромной улыбкой и останавливающим дви-

жением руки) — … я только что вернулся с другого конца времен, где давал шоу в Бу-бу-бургер Баре — должен признаться, леди и джентльмены, мы прекрасно повеселились — а теперь я счастлив разделить с вами этот исторический момент конца самой истории!

Очередной взрыв восторга быстро замер, поскольку свет в зале начал быстро меркнуть. На столах сами собой включились свечи, отчего гости издали общий возглас восхищенного изумления. Теперь каждый столик обвивало ожерелье крохотных мерцающих огоньков и загадочных интимных теней. По погрузившемуся во тьму ресторану прокатился взволнованный трепет — золотой купол над залом начал медленно-медленно-медленно мутнеть, темнеть, исчезать.

Макс заговорил охрипшим от волнения голосом.

— Итак, леди и джентльмены, — зашептал он, — горят свечи, оркестр играет тихую музыку, а купол защитного поля над нами становится прозрачным, открывая мрачные темные небеса, источающие тяжелый лиловый свет древних звезд, и я предчувствую — да, я чувствую это! — что сегодня нам предстоит провести особенный апокалиптический вечер!

Даже тихие звуки оркестра смолкли в тот момент, когда оглушительный шок зрелища поразил тех, кто не видел его раньше.

Со всех сторон лился жуткий, пугающий свет…

— чудовищный свет

— бурлящий, смертоносный свет

— свет, которого испугался бы сам дьявол.

Вселенная неумолимо двигалась к своему концу.

Несколько невыносимых секунд зал ресторана в зловещей тишине погружался в зияющую бездну. Потом Макс заговорил снова:

— Для тех из вас, кто когда-либо хотел увидеть свет в конце тоннеля, сообщаю: это — он.

Оркестр отбил дробь.

— Благодарю вас, леди и джентльмены, — закричал Макс, — я вернусь к вам через минуту, а тем временем передаю вас в заботливые руки м-ра Рега Нуллифица и его зна-ме-ни-того «Катаклизмик Комбо»! Аплодисменты, пожалуйста! Рег! Ребята!

Гибельное представление на небесах шло своим чередом.

В зале раздались жидкие хлопки, и вскоре за столами возобновилась обычная беседа. Макс обходил столики, обмениваясь шутками с посе-

тителями, взрываясь хохотом, зарабатывая себе на жизнь.

К столику, за которым сидела компания Зафода, подошло большое дойное животное — большое жирное мясистое четвероногое коровоподобное животное с большими влажными глазами, маленькими рожками и с чем-то вроде обворожительной улыбки на устах.

— Добрый вечер, — низким голосом промычало оно и тяжело уселось на задние ноги, — я — главное Блюдо Дня. Могу ли я предложить вашему вниманию части моего тела?

Запыхтев и засопев, оно переместило задние ноги в более удобное положение и мирно уставилось на сидящих за столиком.

Взгляд был встречен оторопью Артура и Триллиан, безразличным пожатием плеч Форда Префекта и неприкрытым алчным желанием на лицах Зафода Библброкса.

— Может быть, лопатка? — предложило животное. — В белом винном соусе?

— Простите, *ваша* лопатка? — шепотом ужаснулся Артур.

— Ну разумеется, моя, сэр, — добродушно промычало животное, — чья же еще?

Зафод вскочил из-за стола и стал оценивающе

щупать лопатку.

— Вырезка тоже очень хороша, — рассказывало животное. — Я много гуляло и ело много зерна, так что мясо очень-очень хорошее.

После веселого «му» оно издало странный звук горлом и стало жевать жвачку. Потом снова сглотнуло жвачку и поинтересовалось:

— А может быть, вы любите тушеное?

— Ты хочешь сказать, что это животное и впрямь хочет, чтобы мы его съели? — шепотом спросила Триллиан у Форда.

— Я? — удивился Форд, глядя остекленевшим взором. — Я ничего не хочу сказать.

— Это совершенно кошмарно, — воскликнул Артур, — это самая ужасная вещь, которую я видел!

— Проблемы, землячок? — спросил Зафод, полностью переключивший внимание на громадных размеров вырезку.

— Я не буду есть животное, которое стоит передо мной и просит, чтобы его съели, — твердо сказал Артур, — это бесчеловечно.

— Уж лучше, чем есть животное, которое не просит, чтобы его съели, — резонно заметил Зафод.

— Неважно, — запротестовал Артур. Он заду-

мался. — А может, и важно, — решил он немного погодя. — Я не собираюсь сейчас думать на эту тему. Я просто…мм…

Над его головой в последних корчах извивалась Вселенная.

— Я просто буду салат, — пробормотал он.

— Может быть, я смогу вас уговорить попробовать печенку? — настаивало животное. — Она должна быть такая мягкая, такая нежная, я месяцами заставляло себя есть, даже через силу.

— Салат, — подчеркнуто сказал Артур. — Зеленый салат.

— Зеленый салат? — в ужасе закатило глаза животное.

— Вы хотите сказать, — вызывающе спросил Артур, — что мне не следует есть зеленый салат?

— Знаете, — ответило животное, — я знакомо со многими овощами, у которых на этот счет очень и очень определенная точка зрения. Именно поэтому в свое время, чтобы навсегда решить эту проблему, было решено вырастить животное, которое хочет быть съеденным и в состоянии заявить об этом — четко и ясно. Такое животное перед вами.

Блюдо Дня с достоинством поклонилось.

— Стакан воды, пожалуйста, — в отчаянии

заказал Артур.

— Слушайте, — прервал дебаты Зафод, — мы же не собираемся питаться разговорами, правда? Четыре стейка, с кровью. И побыстрее. Мы не ели уже пятьсот семьдесят шесть тысяч миллионов лет.

Животное с усилием поднялось на ноги. Оно довольно гмыкнуло.

— Хороший выбор, сэр, если мне позволено будет высказать свое мнение. Что ж, — сказало оно, — пойду застрелюсь.

Обернувшись к Артуру, оно заговорщицки подмигнуло.

— Не тревожьтесь, сэр, я проявлю максимум гуманности, — пообещало оно.

Неторопливо, вразвалку, Блюдо Дня отправилось на кухню.

Буквально через пару-тройку минут прибыл официант с четыремя громадными дымящимися стейками. Форд с Зафодом тут же, без колебаний, вонзили зубы в мясо. Триллиан, поразмыслив, пожала плечами и тоже приступила к еде.

Артур смотрел на них, ощущая легкую тошноту.

— Землячо-о-к, — игриво пропел Зафод, хотя, впрочем, на том его лице, которое в данный мо-

мент не напихивало рот мясом, играла довольно недоброжелательная улыбка, — что это тебя гложет?

А оркестр продолжал играть.

Повсюду в ресторане «люди и штуки», как сказал бы Артур, общались и веселились. Болтовня о том, о сем буквально переполняла воздух, вместе со смешанными запахами экзотических растений, необыкновенных блюд и непредсказуемых вин. На бесконечное множество километров вокруг вселенский катаклизм близился к своей невозможной кульминации. Взглянув на часы, сияющий Макс вернулся на сцену.

— Ну что, леди и джентльмены, — лучась от счастья, спросил он, — все ли чувствуют себя хорошо в этот последний вечер?

— Да!!! — завопила часть аудитории — люди того сорта, которые всегда вопят «да!!!», когда со сцены спрашивают, хорошо ли им.

— Превосходно, — с восторгом сказал Макс, — просто великолепно! Сейчас, когда за окном с каждой минутой набирают силу фотоновые вихри, готовясь разорвать на части последние горячие красные солнца, вы все, я не сомневаюсь в этом, готовы вместе со мной насладиться сладостными мгновениями восхитительных и,

можете мне поверить, господа, последних, минут счастья!

Сделав паузу, он обвел зал сверкающим взором.

— Поверьте мне, дамы и господа, — добавил он со значением, — о *предпоследних* минутах речь уже не идет!

Он снова сделал паузу. Он сегодня особенно четко вписывался в график. Он давал это представление раз за разом, вечер за вечером. Правда, понятие «вечер» было в данном случае условным. Здесь постоянно повторялся один и тот же момент, поскольку ресторан медленно-медленно переваливался через грань времен — и тут же возвращался обратно. И все равно, сегодняшний «вечер» особенно удался, и Макс как никогда тонко чувствовал публику, она вся была перед ним на ладони, на тощей бледной ладони. Он понизил голос так, что посетителям пришлось напрягать слух, чтобы расслышать его слова.

— Это, — прошептал он таинственно, — действительно самый настоящий последний миг, вечная ледяная пустота, в которой сгинет все многообразие вселенского творения. Это, дорогие мои, пресловутый «конец».

Голос его упал еще ниже. В наступившей ти-

шине муха не решилась бы прочистить горло.

— После этого, — сказал Макс, — не будет ничего. Забвение. Бездна. Пустота. Абсолютная пустота.

Глаза его блестнули слезой — а может, он подмигнул?

— Ничего… кроме, разве что, десерта и знаменитых альдебаранских ликеров!

Оркестр сыграл туш. Зря, подумал Макс, артист моего дарования не нуждается в дешевых эффектах. Он сам как на музыкальном инструменте играл на чувствах публики. Сейчас публика с облегчением смеялась, а он продолжил.

— И еще, — выкрикнул он весело, — сегодня вы можете пить сколько хотите! Похмелья не будет — потому что утро больше не наступит!

Он профессионально лучился счастьем, глядя на довольных, смеющихся слушателей. Он посмотрел вверх, на небо, умирающее, как и всегда, но задержал взгляд не более чем на долю секунды. Он верил, что небо исполнит свою партию, доверял ему, как профессионал профессионалу.

— А теперь, — продолжал он, расхаживая по сцене, — даже рискуя испортить торжественный роковой и гибельный момент, я хотел бы поприветствовать некоторых гостей.

Он достал из кармана карточку.

— Здесь ли, — он вытянул руку, унимая приветственные вопли, — здесь ли делегация от бридж-клуба «Заселквашур Фламарион» из Кварновой Вихрездны? Здесь?

Из конца зала донеслись шумные выкрики, но он притворился, что не слышит. Он стал напряженно всматриваться в темноту.

— Они прибыли? — спросил он снова, чтобы вызвать очередной шквал восторга и приветствий.

И вызвал их, будьте уверены.

— Ага, вот они! Ну что ж, делайте последние ставки, друзья — чур, не жульничать в такой серьезный момент!

Судя по хохоту, шутка удалась.

— Кроме того… здесь ли… здесь ли группа младших богов из Азгард-холла?

Справа донеслись громовые раскаты. Над сценой дугой изогнулась молния. Группка волосатых мужичков в шлемах, крайне довольных собой, кивала во все стороны и поднимала кубки в сторону Макса.

Покойнички, подумал Макс.

— Осторожнее с молотом, сэр, — предупредил он.

Они еще раз показали фокус с молнией. Макс

сдержанно улыбнулся, выражая признание их талантам.

— В-третьих, — сказал он, — партия молодых консерваторов с Сириуса В? Где вы?

Компания модно одетых щенят перестала бросаться булочками друг в друга и начала бросаться булочками на сцену. Они счастливо, но неразборчиво, лаяли и тявкали.

— Да-да, — кивнул Макс, — ну что ж, во всем есть немалая доля и вашей вины, вы это осознаете?

— И наконец, — продолжал Макс, успокаивая публику и делая серьезное лицо, — наконец, я рад представить вам секту глубоко верующих людей, кажется, они здесь… прихожане Церкви Второго Пришествия Великого Пророка Заргона.

Прихожан было примерно двадцать человек, они сидели у стенки на полу. Аскетически одетые, они нервно потягивали минеральную воду и не позволяли себе веселиться. Когда прожектор высветил их, они обиженно заморгали.

— Вот они, — сказал Макс, — как тихо сидят. Он сказал, что придет снова, и, надо заметить, заставляет себя долго ждать! Будем надеяться, что он, наконец, поторопится, потому что у него осталось всего восемь минут.

Члены секты последователей Заргона сидели как аршин проглотив, отказываясь насмехаться над святым, но по залу прокатилась волна совершенно непочтительного хохота.

Макс утихомирил публику.

— Нет, серьезно, ребята, серьезно, вас никто не хочет обидеть. Ни в коем случае нельзя смеяться над святыми чувствами, так что, пожалуйста, аплодисменты Великому Пророку Заргону…

Зал уважительно захлопал.

— … где бы он ни ошивался!

Макс послал воздушный поцелуй каменнолицей секте и вернулся в центр сцены.

Он схватил стул с высокой спинкой и уселся на него.

— Как, однако, замечательно, — болтал он, — что вас здесь сегодня так много! Нет, правда, это же чудесно! Я знаю, многие из вас приходят сюда далеко не в первый раз, и я хорошо это понимаю — так приятно прийти, посмотреть, чем все закончится, а потом вернуться домой в родную эпоху, растить детей, стремиться к более гуманному устройству общества, вести ужасные войны за идеалы, которые кажутся нам справедливыми… Что, как не это, вселяет надежду на светлое будущее всего человечества! Если, конечно, не

принимать во внимание то, что мы с вами знаем — что у человечества… — Макс обвел рукой небесный апокалипсис, — …нет будущего…

Артур не совсем уяснил для себя некоторые моменты и решил обратиться за помощью к Форду.

— Послушай, — спросил он, — ведь если сейчас наступит конец света, и Вселенной больше не будет, то разве мы… не исчезнем вместе с ней?

Форд посмотрел на него взглядом, в котором явственно прочитывалось количество выпитых «Пан Галактов» — а он выпил уже три — отчего взгляд его был неустойчив.

— Не-а, — ответил он. — Знаешь, как только случается эта фигня, нас подхватывает этот самый… временной изгиб, который защищен силовым полем. Кажется.

— А-а, — удовлетворился объяснением Артур. Он снова обратился к супу, который ему удалось получить от официанта взамен стейка.

— Вот смотри, — Форд схватил со стола салфетку и принялся с ней сражаться, — я тебе покажу.

— Вот представь, — сказал он, — салфетка — это временная Вселенная, так? А ложка — это трансдукционный режим в изгибе материи…

Ему потребовалось немало усилий, чтобы все это выговорить, и Артуру было неловко преры-

вать его.

— Этой ложкой я ем, — все же сказал он.

— Хорошо, — согласился Форд. — Представь, что *эта* ложка… — он увидел на столе маленькую деревянную ложечку на подносе со специями, — эта ложка… — Форд обнаружил, что ложка никак не подхватывается с подноса, — нет, лучше вот эта вилка…

— Отдай вилку, дурак, — рявкнул Зафод.

— Ладно, — не унывал Форд, — хорошо, хорошо. Пусть будет… пусть вот этот бокал будет временной Вселенной…

— Который? Который ты только что уронил?

— Я уронил?

— Да.

— Все, — сказал Форд, — забудь об этом. И вообще… ты вот, например, знаешь, откуда взялась Вселенная? Так, на минуточку?

— Наверное, нет, — признался Артур, жалея, что затронул эту тему.

— Ладно, — оживился Форд, — расскажу. Представь себе. Вот. Перед тобой ванна. Так. Большая круглая ванна. Из черного дерева.

— Из какого магазина? — заинтересовался Артур. — «Харродс» вогоны уничтожили.

— Неважно.

— Тебе все неважно.

— Да ты послушай!

— Ладно, говори.

— Вот у тебя такая ванна, понимаешь? Представь, что у тебя такая ванна. Из черного дерева. Коническая.

— Коническая? — удивился Артур. — А что это за…

— Шшшшш! — не дал ему сказать Форд. — Она коническая. И вот что ты делаешь. Ты наполняешь ее чистым белым песком, так? Или сахаром. Чистым белым песком и/или сахаром. Как только ванна заполнится, ты вытаскиваешь затычку… ты слушаешь?

— Слушаю.

— Ты вытаскиваешь затычку, и все начинает утекать… утекать через сток.

— Понятно.

— Ничего тебе не понятно! Ты не понимаешь! Я еще не дошел до самого важного! Хочешь знать, в чем фишка?

— Ну скажи, в чем фишка.

— Я тебе скажу, в чем фишка.

Форд задумался, вспоминая, в чем фишка.

— Фишка, — наконец сказал он, — вот в чем. Ты снимаешь все это на пленку.

— Здорово, — согласился Артур.

— Берешь камеру и снимаешь на пленку.

— Здорово.

— Но фишка не в этом! Фишка вот в чем, я вспомнил, в чем она! Фишка в том, что ты вставляешь пленку в проектор и просматриваешь пленку с конца!

— С конца?

— Да! Задом наперед! И в этом фишка! И вот ты сидишь и смотришь, как все по спирали появляется из стока и заполняет ванну. Понимаешь?

— И вот так появилась Вселенная? — спросил Артур.

— Нет, — раздражаясь непонятливостью Артура, отмахнулся Форд. — Но это замечательный способ расслабиться.

Он потянулся за бокалом.

— А где мой бокал? — спросил он.

— На полу.

— А!

В поисках бокала Форд опрокинул стул и столкнулся с маленьким зеленым официантом, который подходил к столику с радиотелефоном.

Форд горячо извинился перед официантом, объяснив, что все случилось оттого, что он патологически пьян.

Официант сказал, ничего страшного, все в порядке, он все понимает.

Форд поблагодарил официанта за то, что тот был настолько добр и простил его, после чего хотел потянуть себя за вихор, промахнулся на полметра и с грохотом свалился под стол.

— М-р Зафод Библброкс? — спросил официант.

— Что такое? — спросил Зафод, взглянув поверх третьей порции стейка.

— Вас к телефону.

— Что?!

— К телефону, сэр.

— Меня? Здесь? Никто не знает, что я здесь!

Она из его голов лихорадочно соображала, кто бы это мог быть. Другая любовно склонялась над мясом.

— Ничего, если я продолжу? — решила соблюсти приличия она и отправила в рот очередной кусок.

За Зафодом охотилось уже столько людей, что он потерял им счет. Наверное, ему не следовало появляться здесь таким подозрительным способом. А с другой стороны, какого черта, подумал он. Можно ли наслаждаться жизнью, если никто не видит, как ты это делаешь?

— Может быть, кто-нибудь из посетителей

сообщил в Галактическую полицию? — предположила Триллиан. — Все видели, как мы пришли.

— Думаешь, они решили арестовать меня по телефону? — спросил Зафод. — Что ж, это мудро. Я весьма опасен, если загнать меня в угол.

— Точно, — раздался голос из-под стола, — ты взрываешься так быстро, что всех убивает шрапнелью.

— Это что еще за Судный День? — возмутился Зафод.

— Мы что, и Судный День будем смотреть? — испугался Артур.

— Я бы не торопился, — пробормотал Зафод. — Ладно, так кто там звонит? — Он пнул Форда под столом. — Иди сюда, бэбик, ты можешь мне понадобиться.

— Лично я, — сказал официант, — не знаком с металлическим джентльменом на проводе, сэр…

— Металлическим?

— Да, сэр.

— Ты сказал, металлический?

— Точно так, сэр. Я сказал, что лично я не знаком с металлическим джентльменом на проводе…

— И что дальше?

— Но я знаю, что он ожидал вашего возвращения в течение весьма продолжительного

времени. Многие миллионы лет, сэр. Похоже, вы отбыли отсюда несколько неожиданно.

— *Отбыли* отсюда? — воскликнул Зафод. — Ты издеваешься? Мы только что сюда прибыли!

— Совершенно верно, сэр, но перед тем, как прибыть сюда, сэр, — упрямо возразил официант, — я так понял, вы сначала отбыли отсюда.

Зафод обдумал это одной головой, потом другой.

— Значит, — медленно проговорил он, — перед тем, как прибыть сюда, мы сначала отбыли отсюда?

Сегодняшний вечер никогда не кончится, подумал официант.

— Совершенно верно, сэр, — сказал он вслух.

— Не вешай мне лапшу на уши, — угрожающе процедил Зафод.

— Погоди-ка, — вмешался Форд, появляясь над столом, — а где это «сюда» и «отсюда»?

— Чтобы быть точным, сэр, это Мир В системы Фрогстар.

— Но мы же оттуда смотались, — заспорил Зафод. — Оттуда мы перенеслись сюда, в ресторан «У конца света».

— Да, сэр, — согласился официант, с облегчением чувствуя, что он уже на пути к финишу и

бежит очень-очень быстро, — последний был построен на развалинах первого, сэр.

— Ах вот что! — сообразил Артур. — Мы путешествовали во времени, а не в пространстве!

— Слушай, ты, недоразвитый человекообразный, — разозлился Зафод, — залезь обратно на дерево и не мешай людям разговаривать!

Артур ощетинился.

— У кого четыре глаза, пусть попьет из унитаза, — вызывающе выкрикнул он.

— Нет-нет, — сказал официант Зафоду, — ваша обезьянка все правильно поняла, сэр.

Артур задохнулся от возмущения и не нашелся, что ответить.

— Вы перенеслись вперед во времени на… я полагаю, пятьсот семьдесят шесть тысяч миллионов лет, но при этом остались на том же самом месте, — объяснил официант. У него было сладостное чувство человека, одержавшего победу, невзирая на казавшиеся непреодолимыми препятствия.

— Понял! — закричал Зафод. — Все понял! Я сказал компьютеру, чтобы он отправил нас в ближайшее место поесть, и он так и сделал! Плевать на пятьсот семьдесят шесть тысяч или сколько там миллионов лет, в пространстве мы даже не

пошевелились! Красиво!

Все согласились, что, действительно, это было красивое решение.

— Но все-таки, — спросил Зафод, — кто же может мне звонить?

— А что случилось с Марвином? — в свою очередь спросила Триллиан.

Зафод хлопнул себя ладонями по головам.

— Андроид-параноид! Точно! Я же оставил его в Мире В на Фрогстаре!

— Когда?

— М-м-м… Пятьсот семьдесят шесть тысяч миллионов лет назад, как ты понимаешь. — ответил Зафод. — Ладно, давай сюда говорилку, капитан тарелок!

Брови маленького официанта в замешательстве заползали по лбу.

— Прошу прощения, сэр? — переспросил он.

— Телефон, официант, — перевел Зафод. — Уффф, вы, ребята, такие тормозные, удивительно, как это у вас задницы к полу не прилипают!

— В самом деле, сэр.

— Алло, Марвин, это ты? — сказал Зафод в трубку. — Как дела?

Повисла долгая мучительная пауза. Потом из трубки раздался скрипучий низкий голос:

— Думаю, вам следует знать, что я очень-очень расстроен.

Зафод прикрыл трубку рукой и, глупо кивая, сообщил присутствующим:

— Это Марвин!

— Марвин, — продолжил он в телефон, — у нас здорово! Мы веселимся! Еда, питье, личные оскорбления. Вселенная летит в трубу. А ты где?

Снова пауза.

— Вам не надо притворяться, что вас интересует моя судьба, — наконец изрек Марвин. — Мне очень хорошо известно, что я всего-навсего робот. К тому же душевнобольной.

— Ладно, ладно, — сказал Зафод. — Ты где?

— «Включи заднюю передачу, Марвин», вот что мне теперь говорят, «открой люк номер пять, Марвин». «Марвин, можешь подобрать эту бумажку?» Могу ли я подобрать бумажку?! Полюбуйтесь на меня — мозг размером с планету, а они просят меня…

— Да-да, — почти не проявил сочувствия Зафод.

— Я, конечно, привык к унижениям, — стонал Марвин, — я готов хоть голову запихнуть в ведро с водой, раз вам так надо! Вы хотите, чтобы я запихнул голову в ведро с водой? Пожалуйста! У

меня и ведро наготове! Подождите.

— Марвин, стой, Марвин!.. — попробовал остановить его Зафод, но было слишком поздно. Из трубки донесся лязг и всплески.

— Что он говорит? — спросила Триллиан.

— Он не говорит, — ответил Зафод. — Он моет голову — на нас.

— Пожалуйста, — Марвин снова появился в трубке, слегка побулькивая, — надеюсь, вы удовлетворены…

— Да-да, — сказал Зафод. — А теперь, будь добр, объясни, где ты находишься?

— На стоянке, — ответил Марвин.

— На стоянке? — удивился Зафод. — Что ты там делаешь?

— Паркую звездолеты, что же еще!

— Тогда стой на месте, мы сейчас спустимся.

Одним движением Зафод выскочил из-за стола, швырнул на стол трубку и подписал счет. «Хотблэк Дезиато», написал он.

— Пошли, — скомандовал Зафод. — Марвин на стоянке. Пошли вниз.

— Что он делает на стоянке? — спросил Артур.

— Паркует звездолеты, что же еще. Ду-дум.

— А как же конец света? Пропустим такой момент!

— Я его уже видел, — сказал Зафод. — Ерунда. Ыт ху, ничего больше.

— А что это?

— Полная противоположность «ух ты!». Все, надо двигать.

Мало кто обратил на них хоть сколько-нибудь внимания, когда они зигзагами пробирались к выходу. Все глаза были прикованы к ужасам небес.

— Советую обратить внимание, — руководил представлением Макс, — на верхний левый квадрант. Если вы приглядитесь повнимательнее, то увидите звездную систему Гастромил, растворяющуюся в ультрафиолетовых лучах. Есть кто-нибудь с Гастромила?

Откуда-то сзади раздалась парочка неуверенных выкриков.

— Что ж, — сказал Макс, — можете больше не беспокоиться о том, выключили вы газ или нет.

Глава 18

В вестибюле было совершенно пусто, но Форд, тем не менее, упорно продолжал идти зигзагами. Зафод крепко схватил его за руку и сложным маневром зарулил в кабинку, стоявшую у стены при входе.

— Куда это ты его? — спросил Артур.

— В вытрезвитель, — ответил Зафод и опустил монетку. Заморгали лампочки, зашипел газ.

— Привет! — через пару минут бодрячком появился из кабинки Форд, — куда направимся?

— Вниз, на стоянку.

— Может, лучше на временном телепортере? Попадем сразу на «Сердце золота».

— Да ну его. Я к нему охладел. Пусть его забирает Зарнивуп, если хочет. А я с ним не играю. Пойдем-ка лучше посмотрим, что есть на стоянке.

Счастливый Вертикальный Транспортировщик сириусианской кибернетической корпорации доставил их вниз, в подземные слои ресторана. Какие-то вандалы покалечили лифт, и в процессе транспортировки он не предпринимал никаких попыток сделать пассажиров счастливыми — что

пассажиры почли за истинное благо.

На дне шахты лифт открыл двери, и внутрь ворвался ледяной спертый воздух.

Выйдя из лифта, они первым делом уткнулись в длинную бетонную стену. В стене длинным рядом располагалось свыше пятидесяти дверей. Двери вели в туалетные комнаты, предназначенные для пятидесяти основных форм жизни. И все же, как и на всякой другой стоянке в Галактике за все время существования стоянок, пахло здесь главным образом чьей-то нетерпеливостью.

Компания завернула за угол и очутилась на движущемся эскалаторе, который, пересекая огромное мрачное пространство, плыл куда-то в туманную даль.

Пространство было поделено на отсеки, где стояли космические корабли посетителей ресторана. Некоторые корабли представляли собой компактные практичные образцы массового производства, другие — просторные сверкающие лимузинолеты, дорогие игрушки очень богатых людей.

При взгляде на эти игрушки в глазах Зафода засветилось нечто похожее на зависть. А если откровенно — это и впрямь была зависть.

— Вон он! — воскликнула Триллиан, — Мар-

вин! Там, внизу.

Все посмотрели в том направлении, куда она указывала. Вдалеке смутно прорисовывалась металлическая фигурка, без остановки теревшая ветошью блестящий серебряный бок гигантского солнцекруизера.

Через равные промежутки от эскалатора отходили широкие прозрачные трубы, по которым можно было спуститься на нижний уровень. Зафод ступил в одну из этих труб и медленно поплыл вниз. Остальные последовали за ним. Потом, много позже, Артур, вспоминая этот спуск, думал, что это, пожалуй, было одно из самых приятных впечатлений за все его путешествия по Галактике.

— Привет, Марвин! — крикнул Зафод, в нетерпении пробегая последние шаги. — Привет, дружище! Рады тебя видеть.

Марвин обернулся и всем своим видом — разумеется, насколько это вообще возможно для неподвижного металла — выразил обиду.

— Нет, вы не рады, — капризно сказал он, — никто не рад.

— Ну, тебе лучше знать, — пожал плечами Зафод и пошел строить глазки звездолетам. Форд отправился с ним.

Близко к Марвину подошли только Артур с Триллиан.

— Да нет, мы правда рады, — Триллиан сочувственно похлопала Марвина по плечу, что ему страшно не понравилось. — Подумать только, тебе пришлось нас так долго ждать!

— Пятьсот семьдесят тысяч миллионов три тысячи пятьсот семьдесят девять лет, — отчеканил Марвин. — Я считал.

— Ну что ж, теперь мы наконец здесь, — сказала Триллиан, чувствуя — абсолютно правильно, с точки зрения Марвина — что сморозила глупость.

— Хуже всего было первые десять миллионов лет, — занудил Марвин, — и еще, пожалуй, вторые десять миллионов. Третий десяток прошел просто ужасно. А потом я уже впал в оцепенение.

Он помолчал ровно столько, чтобы они успели почувствовать, что должны что-то ответить, и заговорил снова как раз тогда, когда они уже почти придумали, что именно.

— Самое ужасное в этой работе — люди, с которыми приходится общаться, — заявил Марвин и снова умолк.

Триллиан откашлялась.

— А разве…

— Последний приятный разговор был у меня больше четырех миллионов лет назад, — продолжал Марвин.

Снова пауза.

— Какой у…

— И тот с кафеваркой.

Он подождал.

— Боже м…

— Вам ведь неинтересно говорить со мной, правда? — закончил Марвин глубоко несчастным голосом.

Триллиан надоело, и она решила поговорить с Артуром.

Поодаль стоял Форд Префект, нашедший то, что ему чрезвычайно понравилось, не одно, а целых несколько штук.

— Зафод, — произнес он нежно, — ты только взгляни на эти космолюлечки…

Зафод взглянул, и ему тоже понравилось.

Машина, на которую они смотрели, была маленькая, но очень необычная — настоящая дорогая игрушка. Чтобы осмотреть ее, не требовалось много времени, однако от нее было почти невозможно отвести взгляд. Больше всего она напоминала бумажного голубя, сделанного

из очень тонкой и очень прочной фольги. Сзади находилась миниатюрная горизонтальная двухместная кабина. Игрушка была оснащена игрушечным же двигателем, приличной скорости на нем было не развить. Зато на этих звездолетах были установлены жаропоглотители.

Жаропоглотитель — прибор массой приблизительно в пару миллиардов тонн, помещенный в черную дыру, в свою очередь, заключенную в электромагнитное поле — был расположен в середине корабля. В результате последний получал возможность подлетать к желтым солнцам на расстояние всего в несколько миль, чтобы пилот мог покататься на языках пламени, образуемых солнечными вспышками.

Катание на языках пламени — один из самых необычных и увлекательных видов спорта. К числу людей, которые могут себе позволить и к тому же осмеливаются им заниматься, принадлежат самые популярные знаменитости Галактики. Конечно, этот вид спорта относится к числу невероятно опасных — те, кто не умер непосредственно во время катания, неизбежно умирают от сексуального истощения во время традиционных постполетных приемов в «Клубе Дедала».

Форд с Зафодом, поглазев, отправились дальше.

— А вот еще тачечка, — показал Форд, — оранжевая, с черными солнцебустерами…

Опять же, тачечка представляла собой совсем небольшой звездолет — совершенно, кстати сказать, дезориентирующее название, поскольку преодолевать межзвездные расстояния этот корабль был как раз неспособен. На самом деле, это был спортивный планетарный хоппер, замаскированный под то, чем он вовсе не являлся. Дизайн, правда, очаровательный. Они прошли дальше.

А дальше стоял длинный, метров тридцать, представительский лимузинолет, созданный, по всей видимости, с единственной целью, — наполнять тех, кто смотрит на него, неизбывной завистью. Всевозможные аксессуары и небывалая окраска ясно заявляли: «я так богат, что могу не только позволить себе такой корабль, но могу даже не принимать его всерьез». В целом, лимузинолет был восхитительно ужасен.

— Ты только посмотри, — показал Зафод. — многогроздевой кварковый двигатель, перспулексные подножки… Это, наверное, «Лазлар Лирикон». Ручная работа.

Он обследовал каждый дюйм.

— Точно, — убедился он, — видишь, эмблема на капоте: инфрарозовая ящерица на нейтриновой подставке. Фирменный знак «Лазлара». Кто же у нас хозяин? Бесстыдник этакий.

— Мимо меня однажды пролетел такой же красавец. Где-то в туманности Акселя. — поделился Форд. — Я мчался на предельной скорости, а он чуть ли шагом прошел мимо меня, но я только хвост и разглядел. Потрясающе!

Зафод одобрительно присвистнул.

— Через десять секунд он вмазался в третью яглан-бетанскую луну, — закончил свой рассказ Форд.

— Да ты что!

— Все равно, красивый корабль. Этакая рыбка. И плавает как рыбка. Но вот поворачивает как корова.

Форд заглянул с другой стороны.

— Посмотри-ка, — позвал он, — здесь, сбоку, картинка. Взрыв на солнце — это эмблема «Зоны загибона». Должно быть, это корабль Дезиато. Проказник! Знаешь, у них есть такая песня, она кончается тем, что космический корабль врезается в солнце. Говорят, потрясающее зрелище. Конечно, ст**о**ит весь этот высший пилотаж соот-

ветственно.

Внимание Зафода к этому моменту целиком и полностью переключилось на другое. Его глаза были прикованы к кораблю, стоящему рядом с лимузинолетом Хотблэка Дезиато. Рот Зафода был открыт.

— Это… — пролепетал он, — это… невообразимо…

Форд взглянул и тоже обомлел.

Перед ними горделиво стоял корабль простого классического дизайна, похожий на сплющенного лосося, метров двадцать в длину, очень изящный, очень элегантный. У него была лишь одна отличительная особенность.

— Он такой… черный! — воскликнул Форд Префект. — Его даже трудно разглядеть! Свет в него как будто проваливается!

Зафод молчал. Он влюбился.

Корабль был настолько черен, что не представлялось возможным понять, насколько близко к нему они находятся.

— Глаза соскальзывают… — в изумлении произнес Форд. Момент был очень эмоциональный. Форд прикусил губу.

Зафод направился к машине, медленно, как человек, не принадлежащий себе, а точнее, как

человек, который хочет представить что-то принадлежащим себе. Он нерешительно протянул руку, чтобы коснуться корабля. Рука замерла. Он опять протянул руку, и она опять замерла.

— Подойди, потрогай, — прошептал он сипло.

Форд подошел и протянул руку. Рука замерла.

— Не… невозможно, — прошептал он.

— Чувствуешь? — сказал Зафод. — Идеальная поверхность. И ходит, должно быть, идеально…Черный красавчик!

Он серьезно посмотрел на Форда. По крайней мере, одна из голов посмотрела — глаза другой были молитвенно прикованы к звездолету.

— Что скажешь, Форд?

— Ты… — Форд взглянул через плечо, — ты хочешь угнать его? Думаешь, надо?

— Нет.

— И по-моему, не надо.

— Но мы ведь это сделаем, правда?

— Способны ли мы этого *не* сделать?

Они полюбовались еще немного, но в конце концов Зафод взял себя в руки.

— Надо пошевеливаться, — сказал он. — Скоро уже наступит конец света, и капитаны гатерасы повалят к своим бурж-мобилям.

— Зафод, — позвал Форд.

— Что?

— А как мы это сделаем?

— Очень просто, — Зафод обернулся. — Марвин! — позвал он.

Медленно, тяжело, издавая миллион разнообразных лязгающих и клацающих звуков, которые он хорошо научился симулировать, Марвин повернулся, чтобы ответить на призыв.

— Иди скорей сюда, — велел Зафод, — тут для тебя есть дело.

Марвин поплелся к ним.

— Я не получу от этого никакого удовольствия, — предупредил он.

— Получишь, получишь, — завлекал Зафод, — перед тобой откроется новая жизнь.

— Что?! — вскричал Марвин. — Еще одна?!

— Да заткнись ты! — рассердился Зафод. — На этот раз тебя ждут развлечения, приключения и всякие дикие штучки!

— Какой кошмар, — сказал Марвин.

— Марвин! Все, что я от тебя хочу…

— Полагаю, вы хотите, чтобы я открыл этот корабль?

— Что? А… да. Точно. — лихорадочно подтвердил Зафод. По меньшей мере три его глаза следили за входом. Время поджимало.

— Лучше было сказать прямо, а не пытаться разжечь мой энтузиазм, — упрекнул Марвин, — потому что у меня его нет.

Он подошел к кораблю, легонько прикоснулся к нему, и входной люк распахнулся.

Форд с Зафодом уставились внутрь.

— Не стоит благодарности, — сказал Марвин, — ах да, вы и не благодарили.

И поплелся в сторону.

Подошли Артур с Триллиан.

— Что это тут творится? — спросил Артур.

— Посмотри! — воскликнул Форд. — Посмотри внутрь этого корабля!

— Чем дальше, тем чуднее, — зачарованно протянул Зафод.

— Все черное, — удивился Форд. — Все внутри черное…

В ресторане события быстро приближались к тому моменту, когда не будет больше никаких моментов. Все глаза были обращены к куполу, кроме глаз телохранителя Хотблэка Дезиато, зафиксированных на теле Хотблэка Дезиато, и глаз самого Хотблэка Дезиато, которые телохранитель из почтения прикрыл.

Телохранитель перегнулся через стол. Если бы Хотблэк Дезиато был жив, он, пожалуй, выбрал

бы именно этот момент, чтобы откинуться на спинку стула или даже пойти прогуляться. Телохранитель не был тем человеком, к которому хотелось быть ближе. Однако, по причине своего незадачливого состояния, Хотблэк Дезиато остался абсолютно неподвижен.

— М-р Дезиато, сэр, — шепотом позвал телохранитель. Когда он говорил, казалось, что мускулы по бокам его рта карабкаются друг через друга, пытаясь уползти с дороги.

— М-р Дезиато? Вы слышите меня?

Хотблэк Дезиато, естественно, не слышал.

— Хотблэк! — прошипел телохранитель.

Опять-таки естественно, Хотблэк Дезиато не ответил. Однако, сверхестественно, он отреагировал. Перед ним на столе затрясся бокал, а вилка поднялась на дюйм над поверхностью стола и постучала по бокалу. И легла обратно.

Телохранитель удовлетворенно крякнул.

— Нам пора, м-р Дезиато, — тихо сказал телохранитель, — нам не стоит попадать в толпу, учитывая ваше состояние, сэр. Нам же нужно хорошенько отдохнуть к нашему следующему выходу, верно, сэр? Сколько публики собралось, помните? Лучшее шоу. На Какрафоне. Два миллиона пятьсот семьдесят шесть тысяч лет назад.

Мы ждем этого с нетерпением, правда, сэр?

Вилка снова поднялась в воздухе, зависла, поболталась, выражая «да не особенно», и упала на стол.

— Да будет вам, — укорил телохранитель. — Все очень даже прекрасно. Они же все помешались на вас. Когда черный корабль врезается в солнце, они всегда офигевают, а новый — ну просто красавчик! Даже жалко, что ему кранты. Давайте-ка спускаться, сэр, поставим красавчика на автопилот, а сами поедем в лимузинолете. Лады?

Вилка стукнула один раз в знак согласия, и бокал мистическим образом опустел.

Телохранитель вывез коляску с телом Хотблэка Дезиато из зала.

— А теперь, — кричал Макс со сцены, — наступает тот самый миг, которого мы все ждали!

Он вскинул руки вверх. Внизу, под сценой, оркестр впал в неистовство. Макс много раз спорил с ними, стоит ли это делать, но они утверждали, что в контракте записано, что это разрешается. Надо будет поговорить с агентом, чтобы он как-то утряс этот вопрос.

— Небеса закипают! — выкрикивал он. — Природа рушится в ревущую бездну! Через двадцать секунд Вселенная встретит свой неизбежный ко-

нец! Видите ослепительный свет? Это взрывается бесконечность!

Над залом царил ужасающий пафос разрушения — и тут глухо, словно с бесконечно далекого расстояния, раздался звук тромбона. Макс гневно уставился в оркестр, но там никто не играл на тромбоне. Неожиданно по сцене рядом с Максом завертелось-закружилось кольцо дыма. К тромбону присоединились другие тромбоны. Свыше пятисот раз Макс вел это представление, и никогда еще не случалось ничего подобного. Он отпрянул в тревоге, а внутри кольца дыма материализовалась окруженная лучезарным светом фигура древнего старца, в хитоне, с бородой. В зрачках его сверкали звезды, а на голове низко, съехав на глаза, сидела корона.

— Это еще что? — прошептал ополоумевший Макс. — Что происходит?

В конце зала каменнолицые прихожане церкви Второго Пришествия Великого Пророка Заргона в экстазе повскакали на ноги, плача и бормоча молитвы.

Макс оторопело моргал. Он вновь вскинул обе руки в воздух.

— Аплодисменты, пожалуйста, леди и джентльмены, — завопил он, — Великому Пророку

Заргону! Он пришел! Заргон снова с нами!

Над залом взмыли громоподобные рукоплескания. Макс прошел по сцене и передал микрофон Пророку.

Пророк прокашлялся. Он близоруко всматривался в толпу. Звезды в глазах мерцали неуверенно. С микрофоном он обращался неумело.

— Э-э-э… — замычал он. — Здравствуйте. Э-э-э… Извините, я слегка задержался. Просто ужас какой-то, всюду пробки и все такое.

Пророк нервничал под выжидательными пристальными благоговейными внимательными взглядами. Ему пришлось снова прочистить горло.

— М-м-м… Как у нас со временем? — спросил он. — У меня есть хотя бы мину…

Тут наступил конец света.

Глава 19

Одной из основных причин коммерческого успеха всем известной весьма и весьма замечательной книги, путеводителя «Автостопом по Галактике», помимо относительной дешевизны и фразы «Без паники», написанной большими умиротворяющими буквами на ее обложке, является сжатый и довольно точный глоссарий. Скажем, статистические данные относительно геосоциальной структуры Вселенной полностью помещаются между страницами девятьсот тридцать восемь тысяч триста и девятьсот тридцать восемь тысяч триста двадцать шесть; стиль подачи информации весьма компактен благодаря тому, что редакторы, поджимаемые сроками, были вынуждены скопировать данные с задней стороны пачки кукурузных хлопьев и снабдить их сносками и примечаниями — чтобы избежать судебного преследования по неимоверно жестоким галактическим законам об авторских правах.

Впоследствии, надо сказать, один хитроумный редактор послал «Путеводитель» через

искривление пространства-времени в прошлое, и благополучно предъявил иск компании по производству кукурузных хлопьев за нарушение тех же самых авторских прав.

Приведем некоторые примеры статей путеводителя:

«**Вселенная**. Некоторые факты, которые помогут вам освоиться.

— *Территория*: бесконечная.

Путеводитель «Автостопом по Галактике» предлагает следующее определение понятия «бесконечность».

Бесконечность: Больше чем самая большая вещь на свете плюс еще немного. А на самом деле, даже еще больше, действительно потрясающе необъятного, абсолютно умопомрачительного размера, настоящая «ух ты, вот это громадина!». Бесконечность так велика, что по сравнению с ней само понятие «необъятность» выглядит крохотулькой. Гигантское помноженное на колоссальное помноженное на немыслимо необозримое — вот то понятие, о котором мы пытаемся дать представление.

— *Импорт*: отсутствует.

Невозможно импортировать товары на территорию бесконечной площади, поскольку отсутствует внешняя территория, откуда эти товары можно было бы ввозить.

— *Экспорт*: отсутствует.

См. Импорт.

— *Население*: отсутствует.

Очевидно, что существует бесконечное число различных миров, ибо существует бесконечное пространство, в котором данные миры могли бы возникнуть. Однако, не все эти миры обитаемы. Следовательно, существует лишь конечное число обитаемых миров. Любое конечное число, деленное на бесконечность, практически равно нулю, поэтому среднее число жителей Вселенной также может быть приравнено к нулю. Из этого следует, что население Вселенной равно нулю, и что любой обитатель, которого вы можете встретить, есть ни что иное, как плод расстроенного воображения.

— *Денежные единицы*: отсутствуют.

Точнее, есть три вида свободно кон-

вертируемой валюты, но ни одна из них не может быть принята во внимание. Алтаирианский доллар недавно упал, флаинианские побловые бусины обмениваются только на флаинианские побловые бусины, а с триганскими пу есть свои, очень специфические, сложности. С курсом обмена — восемь нинья за один пу — никаких проблем нет, но, поскольку ниньес — это резиновая монета в форме треугольника со стороной восемьсот миль, никто еще не сумел скопить достаточно нинья, чтобы приобрести один пу. Нинья не могут являться оборотными средствами, поскольку Галактибанки не желают их разменивать. Из этого базового положения следует неопровержимое доказательство того, что Галактибанки также есть ни что иное, как плод расстроенного воображения.

— *Искусство*: отсутствует.

Цель искусства — подносить зеркало к лицу природы, а зеркала такого размера не существует — см. Пункт 1.

— *Секс*: отсутствует.

На самом деле, конечно, этого-то как

раз до чертиков, в основном из-за тотального отсутствия денег, торговли, ремесел, банков, искусства или чего-либо еще, чем могли бы заняться несуществующие обитатели бесконечной Вселенной.

Однако, в данном параграфе не имеет смысла останавливаться на данном вопросе, ввиду его чрезвычайной запутанности. Более подробно см. Главы семь, девять, десять, одиннадцать, четырнадцать, шестнадцать, семнадцать, девятнадцать, далее с двадцать первой главы по восемьдесят четвертую включительно, а далее — все прочие главы «Путеводителя».

Глава 20

Ресторан продолжал существовать, а все остальное исчезло. Законы временной реластатики держали ресторан и защищали его в пустоте, которую даже нельзя было назвать вакуумом — не было ничего, в чем мог бы существовать вакуум.

Купол, окруженный защитным полем, снова сделался непрозрачен, вечер утих, публика стала расходиться, Заргон улетучился вместе во всем прочим во Вселенной, временные турбины должны были вскоре переправить ресторан обратно через грань времен в состоянии полной боевой готовности к ланчу, а Макс Куордлиплен, вернувшись к себе в каморку, пытался дозвониться своему агенту.

На стоянке был припаркован черный корабль, запертый и безмолвный.

На стоянку прикатил покойный Хотблэк Дезиато в коляске, направляемой умелой рукой телохранителя. Они спустились по одной из прозрачных труб. При их приближении к лимузинолету из брюха последнего опустился трап, автоматически принявший и втянувший коляску

внутрь. Телохранитель последовал за хозяином, проследив, чтобы его тело было благополучно подключено к системе смертеобеспечения. Потом он перешел в кабину пилота, откуда с помощью дистанционного управления включил автопилот на стоявшем по соседству черном корабле, и этим очень облегчил жизнь Зафоду Библброксу, который бился над стартером вот уже добрых десять минут.

Черный корабль гладко выехал со стоянки, развернулся и быстро и бесшумно заскользил к центральному выходу. В конце полосы он набрал скорость, нырнул в камеру временного запуска и начал долгое путешествие в далекое прошлое.

В меню ресторана «Милливэйз» помещена цитата из путеводителя «Автостопом по Галактике», с разрешения издателей последнего. Цитата гласит:

> «История всех крупных галактических цивилизаций проходит три ярко выраженные фазы, а именно: Выживание, Исследование и Поиск, иначе называемые фазами Что, Зачем и Где.
>
> Например, первую фазу можно охарактеризовать вопросом «Что бы нам

съесть?», вторую — вопросом «Зачем мы едим?», а третью — «Где мы будем ужинать?».

Далее в меню говорится о том, что наиболее достойным и мудрым ответом на последний вопрос является «Милливэйз», ресторан «У конца света».

При обычных условиях нормальным цивилизациям требуется много тысяч лет на прохождение фаз Что, Зачем и Где, а вот в условиях сильного стресса маленькие социальные группы умудряются пройти эти фазы с невероятной быстротой — и об этом в меню нет ни слова.

— Что у нас тут творится? — спросил Артур Дент.

— Кошмар какой-то, — ответил Форд Префект.

— Где это мы летим? — спросила Триллиан.

— Где-то, — ответил Зафод Библброкс.

— А зачем? — потребовал ответа Артур Дент.

— Заткнись, — хором предложили ему Зафод Библброкс и Форд Префект.

— Подводя итоги, можно сказать, — Артур Дент предпочел проигнорировать это предложение, — что ситуация вышла из-под контроля.

Корабль, вызывая тошноту у пассажиров, раскачивался из стороны в сторону — это Форд с

Зафодом пытались перехватить управление у автопилота. Двигатели ныли и скулили, как уставшие дети в магазине.

— Что-то у них тут с цветом странное, — сказал Зафод, чья влюбленность в корабль продлилась около трех минут с начала полета, — каждый раз, когда я нажимаю на черной панели одну из этих странных черных кнопочек с черными надписями, зажигается маленький черный огонек и показывает, что я эту кнопку нажал. И все. Что это? Гипергалактический катафалк?

Стены раскачивающейся кабины были черные, потолок черный, сидения — весьма условные, ведь единственный полет, который должен был совершить этот корабль, планировался как беспилотный — тоже были черные, панель управления черная, кнопки и инструменты черные, винтики, которыми все было прикручено — черные, тонкое ворсистое нейлоновой покрытие на полу — черное, и при поднятии уголка этого покрытия выяснилось, что пенопластовый слой под ним тоже черный.

— Может быть, зрение дизайнеров настроено на другие длины волн? — предположила Триллиан.

— Или у них совершенно отсутствует вообра-

жение, — проворчал Артур.

— Или они переживали депрессию, — высказался Марвин.

На самом же деле, хоть они и не могли этого знать, имелось в виду, что убранство корабля будет напоминать о печальном, налогонеоблагаемом состоянии его владельца.

Корабль как-то по-особенному резко развернулся.

— Осторожнее, — взмолился Артур, — в космосе меня тошнит.

— Это тебя во времени тошнит, — возразил Форд, — мы несемся назад во времени.

— Ну спасибо, — сказал Артур, — утешил. Теперь меня вообще вырвет.

— Ничего, — успокоил его Зафод. — Немного цветных пятен в этом интерьере не помешают.

— И это называется приятная послеобеденная беседа? — возмутился Артур.

Зафод бросил Форда разбираться с кнопочками, а сам попер на Артура.

— Слушай, землячок, — зарычал он грозно, — у тебя ведь есть чем заняться, правда? Вопрос к Окончательному Ответу, помнишь?

— Что?! — удивился Артур. — Я думал, мы забыли об этом.

— Только не я, дружок. Помнишь, что сказали мыши? Кое-где этот вопрос стоит хороших денежек. И все эти денежки спрятаны в паршивеньком кусочке студня у тебя в башке.

— Да, но…

— Никаких «но»! Думай об этом! Смысл жизни! Да за это любой идиот выложит кругленькую сумму. А я как раз себе задолжал.

— Это все так, — горестно и обреченно вздохнул Артур, — но что я могу придумать? С чего начать? Говорят, Окончательный Ответ или как там его — сорок два. Ну и что? Вопрос-то может быть какой угодно! Сколько будет шестью семь?

Зафод с минуту смотрел на него тяжелым взглядом. Потом глаза его загорелись.

— Сорок два! — выкрикнул он.

Артур провел ладонью по лбу.

— Да, — сказал он терпеливо, — я знаю.

На лицах Зафода выразилось разочарование.

— Я просто хочу сказать, что вопрос может быть любой, — объяснил Артур, — и откуда мне знать, какой именно.

— Ну, и я не знаю, — протянул Зафод. — Но ты же был там, когда твою планету пустили на петарды.

— У нас на Земле есть одна вещь… — начал

Артур.

— Была, — поправил Зафод.

— …называлась тактичность. Впрочем, неважно. В общем, я не знаю.

По кабине эхом разнесся скучный глухой голос.

— Я знаю, — заявил Марвин.

Форд на минуту оторвался от сражения с кнопками.

— Не вмешивайся, Марвин, — сказал он. — Не видишь, живые организмы разговаривают.

— Оттиск вопроса есть в излучении мозга землянина, — продолжал Марвин, — но я не думаю, что вам будет интересно это узнать.

— То есть, — спросил Артур, — ты хочешь сказать, что видишь мой мозг насквозь?

— Да, — ответил Марвин.

Артур был потрясен.

— И?… — спросил он.

— Удивительно, как вы можете существовать с такими крохотными штучками.

— Так, — взвился Артур, — оскорбление.

— Да, — невозмутимо согласился Марвин.

— Не обращай внимания, — сказал Зафод, — он выдумывает.

— Выдумываю? — повторил Марвин, повора-

чивая голову в некой пародии на изумление. — С какой стати я буду выдумывать? Жизнь и так отвратительна, без всяких выдумок.

— Марвин, — спросила Триллиан добрым голосом, который ей одной удавалось имитировать в разговорах с невозможным механизмом, — если ты все время это знал, почему ты сразу нам не сказал?

Марвин повернул к ней голову.

— А вы не спрашивали, — просто ответил он.

— Ну так мы спрашиваем тебя сейчас, железяка! — бросил Форд через плечо.

В это самое мгновение корабль вдруг перестал раскачиваться, и визг двигателя перешел в ровный гул.

— Форд, — обрадовался Зафод, — вот это уже на что-то похоже! Значит, ты разобрался в кнопках?

— Нет, — ответил Форд, — я просто перестал в них тыкать. Видимо, нам придется лететь туда, куда летит этот корабль, а потом быстренько с него смыться.

— Так и сделаем, — согласился Зафод.

— Я так и знал, что им неинтересно, — пробормотал Марвин себе под нос, плюхнулся в угол и выключился.

— Проблема в том, — сказал Форд, — что един-

ственный прибор на этом корабле, где есть хоть какие-то показания, начинает меня беспокоить. Если там написано то, что я думаю, и оно означает то, что я думаю, то мы уже слишком далеко в прошлом. Может быть, уже два миллиона лет до нашего времени.

Зафод пожал плечами.

— Время — фикция, — изрек он.

— Все-таки интересно, чей это корабль? — спросил Артур.

— Мой, — сказал Зафод.

— Нет. На самом деле, чей?

— На самом деле мой, — настаивал Зафод. — Понимаешь, любое право собственности — это по сути своей кража, правда? Следовательно, кража — это право собственности. А следовательно, корабль — мой. Правильно?

— Вот пусть корабль тебя и слушается, — съехидничал Артур.

Зафод подошел к панели управления.

— Корабль, — внушительно сказал он, дубася по кнопкам, — с тобой говорит твой новый хозяин…

Больше он ничего не успел сказать. Потому что одновременно произошло сразу несколько событий.

Корабль вышел из режима путешествия во

времени и выскочил в реальное пространство. Все кнопки и приборы, недоступные во время путешествия во времени, включились.

Огромный экран над панелью управления ожил, высветив широкий зведный фон с единственным огромным солнцем на переднем плане.

Ни одно из перечисленных событий, однако, не являлось причиной того, что Зафод, как, впрочем, и все остальные, в это же самое время оказался отброшен к задней стенке кабины.

Их отбросило громоподобным ревом, ударившим из колонок, висевших по бокам обзорного экрана.

Глава 21

Далеко внизу, на выжженной красной земле Какрафона, в центре необъятной пустыни Рудлит, рабочие сцены проверяли исправность звуковых установок.

Точнее сказать, в пустыне находились сами установки, но не рабочие. Рабочие скрывались в безопасном месте, на борту гигантского рабочего звездолета, принадлежавшего «Зоне загибона» и висевшего на орбите на расстоянии четырех сотен миль над поверхностью планеты. Любой, кому бы не посчастливилось оказаться в радиусе пяти километров от подземных бункеров, где стояли колонки, умер бы в самом начале процесса настройки.

Если бы в пятикилометровую зону вокруг подземных бункеров, где стояли колонки, попал бы Артур Дент, то его предсмертной мыслью была бы та, что звуковое оборудование, как по размеру, так и по форме, страшно напоминает Манхэттен. Поднимаясь над бункерами, чудовищные башни нейтронофазовых громкоговорителей застили небо, скрывали от глаз длинные ряды плутоние-

вых реакторов и сейсмоусилителей.

Громкоговорители составляли целый город, а глубоко под этим городом, в бетонных бункерах, находились инструменты, которыми музыканты управляли со своего корабля: массивная фотоновая ажектара, басс-детонатор и Мегабумсовая ударная установка.

Концерт обещал быть шумным.

На борту гигантского рабочего звездолета кипела работа. По сравнению с ним припаркованный неподалеку лимузинолет Хотблэка Дезиато казался не больше головастика. Немедленно по прибытии злосчастного джентльмена транспортировали по высоким сводчатым коридорам на встречу с медиумом, чьей задачей был перевод исходивших от покойника психофизических импульсов, на клавиатуру ажектары.

Одновременно с Хотблэком прибыли доктор, профессор логики и морской биолог. Ценой немыслимых затрат их доставили с Максимегалона для того, чтобы они повлияли на солиста группы: тот заперся в ванной наедине с упаковкой лекарств и отказывался выходить, пока ему не докажут, что он — не рыба. Басс-музыкант расстреливал из пулемета стены своей спальни, а барабанщик бесследно исчез с борта.

Отчаянные попытки его найти вскоре увенчались успехом — он отыскался за сотню световых лет от того места, где ему полагалось быть, а именно, на пляже планеты Сантрагинус V, где, по его словам, он вот уже полчаса был абсолютно счастлив, так как нашел красивый камешек, согласившийся стать ему лучшим другом.

Руководитель группы вздохнул с облегчением. Все вышесказанное означало, что вот уже в семнадцатый раз за время последнего турне ударные придется поручить роботу, а следовательно, можно не опасаться, что тарелки опять сыграют не в такт.

Субэфир переполняли озабоченные переговоры рабочих сцены, проверявших каналы громкоговорителей, и именно эти звуки транслировались на борт черного корабля.

Пришибленные пассажиры лежали кто где у задней стенки кабины и слушали голоса, звучавшие из колонок.

— Так, канал девять работает, — сказал один голос, — проверка канала пятнадцать…

По кораблю прокатился еще один громовой раскат.

— Канал пятнадцать работает отлично! — сказал другой голос.

В разговор вступил третий голос.

— Корабль-каскадер готовность номер один, — сказал он, — выглядит великолепно. Сегодня должно быть отличное солнцепогружение! Сценовой компьютер готов?

— Готов, — отозвался компьютер.

— Принять управление каскадером.

— Каскадер установлен на запрограммированную траекторию, в режиме ожидания.

— Проверить канал двадцать.

Рванув через всю кабину, Зафод успел переключить частоту субэфирного приемника раньше очередного раската. Дрожа мелкой дрожью, Зафод застыл у пульта.

— А что, — спросила Триллиан тихенько, — значит «солнцепогружение»?

— А это значит, — ответил ей Марвин, — что корабль погрузится в солнце. Солнце… погружение. Очень понятное название. А чего, собственно, вы ожидали? Надо было думать головой, прежде чем угонять каскадер Хотблэка Дезиато.

— А откуда ты знаешь, — спросил Зафод голосом, от которого замерз бы сам веганский снежноящер, — что это каскадер Хотблэка Дезиато?

— Я сам, — ответил Марвин, — его парковал.

— Тогда почему… ты… не… предупредил… нас… об этом?

— Вам же были нужны приключения, развлечения и дикие штучки.

— Какой ужас! — заполнил повисшую паузу Артур.

— Я говорил то же самое, — подтвердил Марвин.

На другой частоте субэфирный приемник поймал развлекательную радиопрограмму, и в кабине зазвучал бойкий рассказ:

— … сегодня просто идеальная погода для концерта. Я стою перед сценой, — врал радиокомментатор, — посреди пустыни Рудлит, и даже с помощью гипербиноптических очков не могу разглядеть, где кончается толпа зрителей. Все до самого горизонта запружено народом. На горизонте отвесными скалами высятся громкоговорители, а надо всем этим сияет жаркое солнце, оно еще не знает, какой удар его ждет! А вот группа депутатов от зеленых, напротив, знает, и заявляет, что такой удар вызовет землетрясения, приливные волны, ураганы, нанесет непоправимый урон состоянию атмосферы и вызовет все прочие несчастья, о которых обычно твердят зеленые. Однако, как стало известно,

представитель «Зоны загибона» сегодня за ланчем встречался с зелеными и всех их застрелил, так что никто теперь не…

Зафод выключил радио. Он обернулся и посмотрел на Форда.

— Знаешь, что я думаю? — спросил он.

— Думаю, что да, — ответил Форд.

— Скажи мне, что, как ты думаешь, я думаю?

— Я думаю, что ты думаешь, что пришло время сматываться с этого корабля.

— Думаю, ты прав, — сказал Зафод.

— Думаю, ты прав, — сказал Форд.

— А как? — спросил Артур.

— Тихо, — хором сказали Форд с Зафодом, — не мешай думать.

— Я так и знал, — с претензией заявил Артур, — мы погибнем.

— Может, помолчишь, — раздраженно бросил Форд.

Форд не мог не вспомнить своей теории, которую он разработал очень давно, при первой встрече с человеческими существами. Теория объясняла их странную манеру беспрестанно повторять самые очевидные вещи, например, «какой чудесный день», или «ты такой высокий», или «я так и знал, мы погибнем».

Первоначально теория гласила, что, если человеческие существа не будут упражнять свои губы, то их рты могут зарасти.

Несколько месяцев наблюдений показали, что эта теория не вполне верна, и тогда Форд вывел следующее: если человеческие существа не будут упражнять свои губы, возникает опасность, что у них заработают мозги.

Последнее, кстати, в гораздо большей степени относится к какрафонским бельцеребонцам.

В былые времена бельцеребонцы вносили изрядное беспокойство и смуту в жизнь соседствующих с ними народов — ибо они представляли собой одну из самых сложных, возвышенных и, что хуже всего, спокойных цивилизаций во всей Галактике.

Такое поведение не могло быть расценено иначе как провокационное и фарисейское, и в наказание Галактический Трибунал приказал заразить бельцеребонцев самым страшным из всех социальных заболеваний — телепатией. Во избежание передачи любой своей мимолетной мысли всем находившимся в радиусе пяти миль, бельцеребонцы оказались вынуждены постоянно и очень громко говорить о погоде, о всяких своих болячках, о матче сегодня вечером, а также о том,

каким невыносимо шумным местом сделался в последнее время Какрафон.

Еще одним способом замутнения сознания стало для бельцеребонцев предоставление своей планеты в качестве площадки для концертов «Зоны загибона».

Представления эти были расчитаны с точностью до секунды.

Корабль-каскадер должен был начать погружение до начала концерта с тем, чтобы попасть на солнце ровно за шесть минут тридцать семь секунд до кульминационного момента песни, иллюстрировавшегося солнцепогружением — тогда свет вспышки достигал Какрафона своевременно.

Корабль вот уже несколько минут как начал погружаться, а Форд Префект только-только завершил экстренное обследование остальных кают корабля. Он ворвался обратно в кабину.

На обзорном экране угрожающе нависло какрафонское солнце. Сияющий белый ад испускаемых гидрогенных ядер становился все ослепительнее по мере того, как корабль, равнодушный к шквалу кулачных ударов, которыми Зафод осыпал приборы, неумолимо летел на солнце. На лицах у Артура и Триллиан застыло выражение

кроликов, оказавшихся ночью на шоссе в полной уверенности, что самый надежный способ избавиться от света приближающихся фар — это победить его в гляделки.

Зафод с дикой скоростью и с вытаращенными глазами вращался вокруг своей оси.

— Форд, — крикнул он, — сколько у нас спасательных капсул?

— Ни одной, — крикнул в ответ Форд.

Зафод затряс нижними губами.

— Ты хорошо *посчитал?* — завопил он.

— Дважды, — уверил его Форд. — Тебе удалось выйти на связь с рабочими?

— Удалось, — горестно вздохнул Зафод, — я сказал, что на борту полно людей, а они велели передавать всем привет.

Форд вытаращил глаза.

— А ты сказал, кто ты такой?

— Конечно. Они были в восторге. И еще сказали что-то про счет в ресторане и про судебного исполнителя.

Форд грубо оттолкнул Артура и навис над приборами.

— Неужели *ни один* не работает?! — вскричал он дико.

— Управление передано автопилоту.

— Значит, надо разбить автопилот.

— Сначала его надо найти.

Повисло леденящее молчание.

Артур на негнущихся ногах шатался по кабине. И вдруг остановился как вкопанный.

— А что, — спросил он, — значит «телепорт»?

Наступило еще более глубокое молчание.

Медленно все головы повернулись к Артуру.

— Может, сейчас не время, — извиняющимся голосом пролепетал он, — просто я вспомнил, как вы недавно упоминали это слово, и подумал…

— А где, — преувеличенно спокойно спросил Форд, — написано «телепорт»?

— Да вот, прямо здесь, — и Артур показал на черный ящик в углу, — под кнопкой «авария» и над «системой», рядом с надписью «не работает».

В кромешном аду, наступившем сразу, лишь только умолк Артур, единственным действием, доступным описанию, был прыжок Форда Префекта к черному ящику, на который показал Артур. Форд стал безостановочно жать большим пальцем на черную кнопку.

Раскрылась шестифутовая прямоугольная панель, обнаружив отделение, напоминавшее армейскую душевую, переоборудованную под мастерскую электрика. С потолка свисали обрыв-

ки проводов, на полу грудами валялись какие-то разрозненные детали, а управляющая панель свешивалась из дыры в стене, куда ей полагалось быть надежно вмонтированной.

В свое время завод, где собирали корабль-каскадер, посетил младший бухгалтер «Зоны загибона» и потребовал от управляющего отчета, какого черта на корабле, который совершит лишь один полет, да и тот беспилотный, устанавливается страшно дорогой телепорт. Управляющий на это ответил, что телепорт устанавливается с десятипроцентной скидкой, а бухгалтер сказал, что это неважно, тогда управляющий возразил, что это самый лучший, самый мощный и самый многофункциональный телепорт, который можно купить за деньги, на что бухгалтер заявил, что за такие деньги можно обойтись и без телепорта, на что управляющий резонно заметил, что людям все же понадобится как-то входить и выходить из корабля, на что бухгалтер напомнил, что на корабле вообще-то имеется дверь, на что управляющий посоветовал бухгалтеру прочистить себе мозги, а бухгалтер уведомил управляющего, что нечто, стремительно приближающееся к его, управляющего, левому уху, есть ни что иное, как его, бухгалтера, кулак. По завершении пе-

реговоров работы по установке телепорта были прекращены, но в дальнейшем оказались включены в счет в пятикратном размере и прошли незамеченными как «и др. рсхд.»

— Чертовы ослы, — пробормотал Зафод, когда они с Фордом попытались распутать провода.

Немного погодя Форд велел ему отойти. Он запихнул монету в отверстие и нажал на рычаг на вываливающейся панели. Вспыхнул свет, раздался скрежет, и монета исчезла.

— Это все, что он может, — сказал Форд. — А вот навигационной системы нет. Перенос материи с помощью телепортации без навигационной системы может отправить нас… ммм… к чертовой матери.

Солнце Какрафона заполонило экран.

— Какая разница, — замахал руками Зафод, — лишь бы куда-нибудь.

— А потом, — заметил Форд, — здесь нет автоматического управления. Мы не сможем отправиться все вместе. Кто-то должен будет остаться и управлять телепортацией.

Пролетали тяжелые мгновения. Солнца на экране становилось все больше и больше.

— Эй, Марвин, дружище, — игриво сказал Зафод, — как дела?

— Хуже некуда, я полагаю, — тихо ответил Марвин.

Спустя совсем немного времени, концерт на Какрафоне достиг неожиданной кульминации.

Черный корабль со своим единственным мрачным пассажиром согласно расписанию прибыл в солнечную ядерную печь. Мощные языки пламени взметнулись на миллионы миль в космическую высь, к восторгу, в нескольких случаях смертельному, десятка-другого любителей, стоявших на причале недалеко от солнечной поверхности в ожидании момента.

За секунды до того, как свет вспышек достиг Какрафона, ровная поверхность пустыни дала трещину по линии разлома. Огромная, полноводная, и, вследствие этого, никем до сей поры не обнаруженная подземная река вырвалась на поверхность. Следом за ней высоко в воздух вырвались миллионы тонн кипящей лавы, в результате чего речные воды, как над, так и под землей немедленно испарились. Эхо взрыва долго носилось по планете.

Те — очень немногие — свидетели этого события, которым удалось выжить, клянутся, что пустыня протяженностью сто тысяч миль поднялась в воздух, как очень толстый блин над

сковородкой, перевернулась в воздухе и упала обратно. В этот самый момент радиация от вспышек просочилась сквозь пары, образованные рекой, и проникла в землю.

Через год пустыня протяженностью сто тысяч миль покрылась густым цветочным ковром. Строение атмосферы планеты переменилось. Летом солнце стало жечь не так яростно, зимой мороз кусался не так сильно, приятные дожди стали выпадать чаще, и постепенно пустынный мир Какрафона стал настоящим раем. Даже телепатические способности — бич обитателей Какрафона — под воздействием радиации стали понемногу рассеиваться.

Представитель «Зоны загибона» — тот самый, который перестрелял зеленых — заявил, и это цитировала пресса, что концерт получился «взрывной».

Многие люди в трогательных речах прославляли целительную силу музыки. Однако, некоторые скептически настроенные ученые, более внимательно изучившие запись событий, утверждали, что обнаружили еле заметные следы гигантского искуственно наведенного невероятностного поля, просачивавшегося из близлежащего района космоса.

Глава 22

Артур очнулся и немедленно пожалел об этом. Бывали у него, конечно, тяжелые похмелья, но все равно это было лучше, чем сейчас. Это что-то ужасное… непереносимое… Перенос материи, подумал он. Уж лучше сразу кованым сапогом в висок.

Не в силах пошевелиться из-за тупой пульсирующей боли в голове, он лежал и думал. Со всеми возможными видами перемещения, думал он, одна и та же проблема: результат не стоит затраченных усилий. Вот, например, на Земле — пока еще была Земля, пока ее еще не снесли, чтобы освободить место под гиперкосмический маршрут — такая же ситуация складывалась с автомобилями. Нужно было добывать липкое черное вещество из-под земли, где оно лежало себе, никого не трогало; превращать его в асфальт и покрывать этим асфальтом дороги; вещество при этом дымило и портило воздух, а отходы от его производства, когда их выливали в море, загрязняли воду… Такие хлопоты ради сомнительного удовольствия побыстрее попасть из одного места

в другое. К тому же это другое место, в результате всех вышеперечисленных мероприятий, скорее всего оказывалось как две капли воды похоже на первое, т. е. было покрыто асфальтом, полно дыма и лишено рыбы.

А перенос материи? Да никуда не годится такая транспортировка, когда тебя разрывают на атомы, волокут их как попало сквозь субэфир, а потом кое-как слепляют обратно, причем как раз тогда, когда атомы наконец-то ощутили вкус свободы.

Артур Дент был не первый, кто так думал. Многие люди думали в точности то же самое и даже дали себе труд изложить свои мысли в песнях. Вот одна из таких песен, ее регулярно исполняют толпы демонстрантов, собирающихся на Добромерзе III перед фабрикой по производству телепортационных систем, входящей в состав сириусианской кибернетической корпорации:

Альдебаран хорош, окей,
Алгол весьма неплох,
А Бетельгейши, ей-же-ей,
Совсем собьют вас с ног.
Вам с ними будет хорошо,
Вы будете как бог,

Но если на части меня разобрать, чтобы к ним попадать —

Туда я не ездок!

Припев:

Части собрать и разобрать —

Не нужно никому,

И если на части меня разобрать, чтоб туда попадать —

Лучше одному!

Сириус крыт мармеладом,

Я слышал, так любят петь

Психи, которым надо

«Увидеть Тау и умереть!»

Зовут меня дороги,

Звезды вдаль манят,

Но если на части меня разобрать, чтобы к ним попадать —

Вычеркните меня!

Припев:

Части собрать и разобрать —

Вы сошли с ума,

И если на части меня разобрать, чтоб

туда попадать —
Дома есть дела! ...

и т. д. Другая популярная песня гораздо короче:

Отправляли телепортом
Сида, Рона, Мэгги и меня.
Рон украл у Мэгги шорты,
Мне от Сида досталась нога!

Артур почувствовал, что боль постепенно отступает, хотя тупые пульсирующие удары в ушах не прекращались. Медленно, осторожно, Артур встал на ноги.

— Слышишь тупые пульсирующие удары? — спросил Форд Префект.

Артур резко развернулся на 180 градусов, и его зашатало. К нему подошел Форд Префект, бледный и с красными глазами.

— Где это мы? — сипло выговорил Артур.

Форд осмотрелся. Они стояли в изогнутом коридоре, простиравшемся куда-то вдаль в обоих направлениях. Внешняя стальная стена — покрашенная в тот отвратительный оттенок бледно-зеленого, который обычно используется для подавления воли обитателей школ, больниц и психиатрических лечебниц — закругляясь над

головой, смыкалась с внутренней стеной коридора, обитой, как ни странно, темно-коричневой мешковиной. Пол был покрыт темно-зеленой рубчатой резиной.

Форд подошел к очень толстой прозрачной панели, встроенной во внешнюю стену. Она состояла из нескольких слоев, но все же сквозь нее было смутно различимо мерцание далеких звезд.

— Мне кажется, мы на каком-то космическом корабле, — констатировал Форд.

Откуда-то из коридора донеслись тупые пульсирующие удары.

— Триллиан? — испуганно позвал Артур. — Зафод?

Форд пожал плечами.

— Их нигде нет, — сказал он, — я смотрел. Их могло унести куда угодно. Непрограммируемый телепорт, сам понимаешь. Может отбросить на сотни световых лет в любую сторону. А если судить по тому, как я себя чувствую, то мы, видимо, пересекли немалое расстояние.

— А как ты себя чувствуешь?

— Ужасно.

— Ты думаешь, они…

— Где они, что с ними — мы об этом знать не

можем. И ничего с этим не поделаешь. Последуй моему примеру.

— Какому?...

— Не думай об этом.

Артур поразмыслил, неохотно пришел к выводу, что это — единственно мудрое решение, и... решил не думать. Он глубоко вдохнул.

— Шаги! — воскликнул Форд неожиданно.

— Где?

— Слышишь шум? Тупые пульсирующие удары? Это звук шагов.

Артур прислушался. Звуки эхом доносились по коридору непонятно откуда. Но это и в самом деле был звук шагающих — или бегущих? — ног, и теперь он раздавался значительно громче.

— Пошли, — решительно позвал Форд, и они пошли — в противоположных направлениях.

— Да не туда, — сказал Форд, — они же в той стороне.

— Нет, — стал спорить Артур, — они раздаются с другой стороны.

— Нет, они...

Оба замолчали. Оба развернулись. Оба напряженно прислушались. Каждый признал правоту другого. И они снова двинулись в разных направлениях.

Их объял страх.

Шаги приближались с обеих сторон.

Через несколько метров от внутренней стены под прямым углом влево отходил еще один коридор. Они решили побежать туда. Коридор был темный, невероятно длинный. Чем дальше они бежали, тем холоднее становилось, так, по крайней мере, казалось. От этого коридора под прямыми углами влево и вправо отходили еще коридоры, и, пробегая мимо них, они каждый раз ощущали ледяное дыхание холода.

Вдруг они остановились в тревоге. Чем дальше они углублялись, тем громче становился топот.

Тяжело дыша, они прислонились к стене и стали беспокойно вслушиваться. Холод, темнота и топот неприложенных к телам ног действовали на нервы. Форда пробрала дрожь, не только из-за холода, но и из-за того, что он вспомнил те истории, которые рассказывала ему его любимая мама, действительно самая любимая из всех его мам, когда он был еще крошечным бетельгейзечишкой и не доходил до лодыжки арктуранскому мегазнечику: истории о мертвых космических кораблях, громадных посудинах, населенных привидениями, блуждающих не зная покоя по темным закоулкам космоса, гонимые демонами

погибших команд; истории о непослушных путешественниках, которые необдуманно залезали на эти корабли; истории о… тут Форд вспомнил обтянутую мешковиной стену в самом первом коридоре и взял себя в руки. Каковы бы ни были вкусы демонов и привидений в отношении отделки помещений, они пошли бы на любые расходы, лишь бы не обтягивать стены мешковиной. Он схватил Артура за руку.

— Возвращаемся, — твердо сказал он, и они побежали назад.

Буквально через секунду им пришлось перепуганными ящерицами шмыгнуть в ближайший перпендикулярный коридор, поскольку прямо перед ними внезапно выскочили отбивающие барабанную дробь ноги.

Спрятавшись за углом, они округлившимися от изумления глазами смотрели, как мимо протрясли жирами два десятка бегемотоподобных мужчин и женщин в тренировочных костюмах, отдуваясь с таким тяжелым свистом, что любого кардиохирурга немедленно хватил бы удар.

Форд Префект посмотрел им вслед.

— Бег трусцой, — шепотом констатировал он, а топот тем временем эхом разносился по разветвленным коридорам.

— Трусцой? — тоже шепотом переспросил Артур Дент.

— Трусцой, — подтвердил Форд Префект, равнодушно пожав плечами.

Коридор, в котором они спрятались, не был похож на остальные. Он был очень короткий, и в конце его находилась большая стальная дверь. Форд обследовал ее, нашел открывающий механизм и распахнул дверь.

Первым предметом, который бросился им в глаза, был гроб.

Остальными четырьмя тысячами девятьсот девяносто девятью предметами, бросившихся им в глаза, тоже были гробы.

Глава 23

Склеп был низкий, темный и огромный. В дальнем конце, примерно в трехстах метрах, арочный проход вел в абсолютно такое же помещение, с тем же содержимым.

Форд Префект, войдя в склеп, издал тихий свист.

— Ух ты! — воскликнул он.

— Что такого особенного в мертвых людях? — спросил Артур, боязливо входя вслед за ним.

— Не имею понятия, — сказал Форд, — но давай выясним?

При более подробном осмотре гробы оказались скорее саркофагами. Они стояли приблизительно на уровне пояса и были сделаны из материала, до боли напоминавшего белый мрамор. Видимо, именно это и представлял из себя материал — нечто, до боли напоминающее белый мрамор. Сквозь полупрозрачные крышки можно было смутно различить черты покойных и, надо думать, горячо оплакиваемых, обитателей. Очевидно, они были гуманоиды, давно оставившие суету того мира, откуда прибыли, но помимо это-

го мало что можно было сказать по их поводу.

Чуть поднимаясь над уровнем пола, под саркофагами клубился тяжелый маслянистый белый дым. Артур было подумал, что таким образом в склеп поступает некая дыхательная смесь, но вскоре обнаружил, что странный газ успел заморозить ему ноги до самых лодыжек. Саркофаги наощупь тоже были очень холодные.

Форд резким движением присел на корточки. Он вытащил из рюкзака полотенце и принялся яростно оттирать что-то на стенке одного из саркофагов.

— Смотри, тут табличка, — объяснил он Артуру свои действия, — она покрылась инеем.

Он оттер иней и стал рассматривать выгравированные символы. На взгляд Артура, это были следы паука, принявшего накануне чересчур много того, что употребляют пауки, когда ходят в гости, но Форд сразу же распознал древнегалактический изерид.

— Здесь написано: «Флотилия «Голгафринчемский ковчег», корабль В, отсек 7, телефонист-санобработчик, второй разряд» — и серийный номер.

— Телефонист-санобработчик? — удивился Артур. — Мертвый санобработчик телефонов?

— Высший сорт.

— А что он тут делает?

Форд внимательно посмотрел сквозь крышку.

— Ничего особенного, — доложил он и вдруг сверкнул на Артура одной из тех оскаленных улыбочек, которые так часто заставляли людей думать, что он переутомился и нуждается в отдыхе.

Он перебрался к другому саркофагу и немного поработал полотенцем.

— Покойный парикмахер! — провозгласил он.

Следующий саркофаг оказался последним пристанищем младшего бухгалтера рекламного отдела; а следующий за ним хранил в себе тело менеджера по продажам подержанных автомобилей, третьего разряда.

Внимание Форда привлек люк в полу, и он склонился, чтобы открыть люк, одновременно отгоняя клубы охлаждающего газа, грозившие укутать его с головой.

Артуру в голову пришла одна мысль.

— Если это обычные гробы, — задумчиво произнес он, — почему их хранят в таком холоде?

— Да и вообще, зачем их хранят? — поддержал Форд, открывая люк. Газ потек вниз в отверстие. — Зачем кому-то понадобилось тратить

столько сил и денег, чтобы отправить в космос пять тысяч трупов?

— Десять тысяч, — поправил Артур, указывая на арочный проем, сквозь который, как в тумане, виднелось соседнее помещение.

Форд просунул голову в люк и глянул вниз.

— Пятнадцать тысяч, — сказал он, выныривая, — там внизу еще одна команда.

— Пятнадцать миллионов, — раздался голос.

— Это много, — протянул Форд, — это куча.

— Медленно повернитесь ко мне, — прогавкал голос, — и поднимите руки вверх. Одно лишнее движение, и ваши головы станут на девять грамм тяжелее.

— Хэлло, — светским тоном поздоровался Форд, медленно поворачиваясь, поднимая руки и не делая ни одного лишнего движения.

— Почему, — обиженно надул губы Артур, — нам никто никогда не радуется?

Прорисовываясь силуэтом в дверном проеме, сквозь который Форд с Артуром попали в склеп, стоял человек, который не был рад их видеть. Его неудовольствие ясно прочитывалось и в лающей манере разговора, и в том, как зловеще размахивал он длинным серебристым Килл-О-Заппом. Того, кто разработал дизайн этого оружия, явно

попросили не ходить вокруг да около. «Сделай его страшным, — велели дизайнеру, — сделай так, чтобы было ясно: у этого оружия есть тот конец и не тот конец. Сделай так, чтобы каждому, кто стоит не с того конца, было понятно: ему конец! И если это значит, что отовсюду должны торчать страшные черные штуки, то не экономь на них. Это тебе не ружье над камином. Это такое оружие, с которым выходят темной ночью на улицу, чтобы кому-то другому утром не пришлось вернуться домой!»

Форд с Артуром грустно смотрели на Килл-О-Запп.

Человек с ружьем приблизился и обошел их кругом. Когда он вышел на свет, стала видна черная с золотом форма с пуговицами, отполированными до такого блеска, что, если бы к этим пуговицам по дороге приближался мотоциклист, он бы в раздражении поморгал фарами.

Человек ружьем показал на дверь.

— Выходите, — приказал он. Людям, которые в состоянии выдать столько огневой мощи, необязательно много говорить. Форд и Артур вышли, преследуемые пуговицами и не тем концом Килл-О-Заппа.

Заворачивая за угол, они лицом к лицу столк-

нулись с двадцатью четыремя бегунами, которые к этому времени приняли душ и переоделись. Бегуны проскользнули мимо них в склеп. Артур обернулся и поглядел на них в недоумении.

— Не останавливаться! — прокричал захватчик.

Артур не стал останавливаться.

Форд пожал плечами и двинулся за ним.

В склепе бегуны подошли к двадцати четырем пустым саркофагам, стоявшим вдоль стены, открыли крышки, забрались внутрь и погрузились в глубокий сон.

Глава 24

— Капитан?…

— Что, Первый?

— У меня тут вроде рапорт от Второго.

— О Боже.

Высоко на капитанском мостике Капитан с легким раздражением обозревал необъятные просторы вселенной. С того места, где он восседал откинувшись, прямо над большим куполообразным пузырем, он мог видеть прямо перед собой и по сторонам обширную панораму звездного неба, сквозь которое они перемещались — панораму, с начала полета ставшую значительно беднее. Обернувшись, он мог бы, позади обширного, в две мили, неуклюжего тела собственного корабля, увидеть гораздо более плотную массу звезд, которая, казалось, составляла единое твердое тело. Таков был вид из центра Галактики, который они на данный момент пролетали, а летели они уже далеко не первый год, со скоростью, которой он в настоящий момент не мог вспомнить, но знал точно, что она немаленькая. Она была какая-то приближающаяся к скорости чего-то еще, или в

три раза больше, чем скорость чего-то еще? Во всяком случае, впечатляющая. Он всмотрелся в ярко освещенную даль позади корабля, явно ища чего-то. Он делал так каждые несколько минут, но ни разу не увидел того, что искал. Но он не разрешал себе беспокоиться. Эти ученые, они объясняли, что все пройдет по плану, если только никто не будет паниковать, а будет четко выполнять свою часть работы.

Он не паниковал. По его мнению, все вообще шло замечательно. Он промакнул плечо большой пухлой губкой. И вдруг вспомнил, что слегка чем-то раздражен. Чем же это? Вежливое покашливание донесло до его сознания, что рядом все еще стоит первый помощник.

Хороший парень, Первый. Не так чтобы очень умный, и со шнурками у него вечно проблемы, но старательный. Трудяга. Капитан был не из тех, кто станет пинать офицера, нагнувшегося, чтобы завязать шнурки, сколько бы времени это ни отнимало. Не то что Второй, который все чеканит шаг, полирует пуговицы и каждый час выдает рапорты: «Корабль движется по заданному курсу, Капитан», «Порядок по курсу, Капитан», «Уровень кислорода в норме, Капитан». «Отставить», такова была реакция Капитана. Ага, так вот что

его слегка раздражило. Он близоруко сощурился на Первого.

— Да, Капитан, он вроде орал, что поймал пленных…

Капитан обдумал это заявление. Лично ему такое событие казалось маловероятным, но он не из тех, кто будет мешать своему помощнику проявлять служебное рвение.

— Что ж, надеюсь, это его порадует, — сказал он, — он этого всегда хотел.

* * *

Форд Префект и Артур Дент брели по казавшимся бесконечными коридорам корабля. Второй помощник маршировал сзади, периодически выдавая грозные предупреждения относительно лишних движений и всяких фокусов. Они отшагали уже как минимум милю вдоль стены, обитой мешковиной, и наконец подошли к большой стальной двери, плавно отъехавшей в сторону после того, как Второй заорал на нее.

Они вошли.

На взгляд Форда Префекта и Артура Дента, самой замечательной вещью был вовсе не пятидесятиметровый накрывавший капитанский мостик полусферический купол, открывавший

вид на волшебно мерцающее звездное небо: для тех, кто ужинал в ресторане «У конца света», подобные чудеса — банальное явление. Также их не удивило внушительное нагромождение приборов вдоль длинной, закругленной стены. Для Артура это был традиционный интерьер космического корабля, а для Форда — немыслимый архаизм, что подтверждало его подозрения, что корабль-каскадер «Зоны загибона» доставил их на миллион, если не на два, лет назад до их собственной эпохи.

Нет, вещью, которая сразу приковала к себе внимание, была ванна.

Ванна стояла на пьедестале из грубоотесанного голубого хрусталя шести футов высотой и являла собой квинтэссенцию кошмара в стиле барроко, редко встречаемого вне стен максимегалонского музея больных воображений. Кишки водопроводных труб отнюдь не были, как положено, тайно захоронены в полночь в неизвестной могиле, а напротив, выставлены напоказ и украшены золотыми листьями; при виде кранов и душа любая горгулья шарахнулась бы от ужаса.

В качестве центральной точки интерьера капитанского мостика ванна пребывала вопиюще не на месте, и с видом человека, прекрасно

осведомленного об этом, Второй приблизился к пьедесталу.

— Капитан, сэр! — проорал он сквозь сжатые зубы — это было нелегко, но годы тренировки отшлифовали талант.

Большое добродушное лицо и добродушная же, покрытая пеной рука появились над краем чудовищной ванны.

— О-о-о, здравствуйте, Второй, — радушно помахал губкой Капитан, — как дела? Надеюсь, хорошо?

Второй свирепо уведомил его, что хорошо.

— Я привел пленных, задержанных в седьмом холодильнике, сэр! — пролаял он.

Форд с Артуром смущенно покашляли.

— Эээ… здравствуйте, — кивнули они.

Капитан лучезарно улыбнулся. Значит, Второй и впрямь поймал пленных. Что ж, молодец, подумал Капитан, всегда приятно видеть человека за любимой работой.

— Привет-привет! — сказал он задержанным. — Извините, что не встаю, надо по-быстрому принять ванну. Что, все будут джиннан-тонникс? Возьмите в холодильнике, Первый.

— Есть, сэр.

Курьез, о котором вдобавок никто не знает, ва-

жен он или нет, заключается в том, что примерно 85 процентов всех известных миров Галактики, независимо от того, примитивны они или высокоразвиты, независимо друг от друга изобрели напиток, называемый джиннан-тонникс, или джии-Н-Н-Т'Н-икс, или джинонд-о-никс, или еще тысяча и более вариаций на ту же фонетическую тему. Сами по себе напитки разные, от сиволвианского «чинанто/мнингс», являющегося простой водой, подаваемой при температуре чуть выше комнатной, до гаграканского «дзин-антони-кс», убивающего лошадь на расстоянии ста шагов; и что, собственно, их объединяет, помимо похоже звучащих названий, так это то, что все они появились и *получили свое название* до того, как миры, где они появились, вошли в контакт с другими мирами.

Что можно вывести из этого факта? Он существует как бы сам по себе. Он выпадает из любой теории структурной лингвистики. Старые структурные лингвисты приходят в негодование, когда о нем начинают говорить молодые структурные лингвисты. Молодые структурные лингвисты, наоборот, приходят от него в небывалое волнение и, уверенные, что близки к открытию первостепенной важности, не спят ночами, отчего раньше

времени становятся старыми структурными лингвистами и начинают злиться на молодых. Структурная лингвистика вообще удручающе-странная дисциплина, и те, кто ею занимается, склонны проводить слишко много вечеров в тщетных попытках утопить свои проблемы в вискианских зодах.

Второй стоял возле капитанской ванны, дрожа от негодования.

— Вы что, не будете допрашивать пленных, сэр? — визжащим голосом выкрикнул он.

Капитан уставился на него с удивлением.

— Во имя голгафринчемского бога, зачем? — спросил он.

— Чтобы выбить из них признание, сэр! Выяснить, откуда они!

— О-о-о, нет-нет-нет, — сказал Капитан, — я уверен, они просто зашли выпить по глоточку джиннан-тонникса, ведь верно?

— Но, сэр, это мои пленные! Я должен допросить их!

Капитан взглянул на них неуверенно.

— Ну что ж, — согласился он, — ладно, раз уж должны, допрашивайте. Спросите, что они будут пить.

В глазах Второго появился холодный стальной

блеск. Он медленно и грозно подошел к Форду Префекту и Артуру Денту.

— Ну что, мразь, — прорычал он, — падла…

Он пхнул Килл-О-Запп под ребра Форду.

— Легче, Второй, — мягко урезонил Капитан.

— *Что вы будете пить?!!* — завопил Второй.

— Пожалуй, джиннан-тонникс, — сказал Форд. — А ты, Артур?

Артур моргнул.

— Что? А, да, конечно. — не сразу ответил он.

— *Со льдом или без?!* — страшным голосом выкрикнул Второй.

— Со льдом, пожалуйста, — попросил Форд.

— *С лимоном?!!!*

— Да, пожалуйста, — кивнул Форд. — А еще, у вас есть такие маленькие печеньица? С сыром, знаете?

— *Здесь вопросы задаю я!!!* — истерически заорал Второй. Тело его сотряслось как при апоплексическом ударе.

— Э-э-э, послушайте, Второй… — тихим голосом перебил Капитан.

— Сэр?!

— Отойдите-ка немного, будьте добры, вот так, молодец. Я ведь, знаете ли, принимаю успокаивающую ванну.

Глаза Второго сузились и стали тем, что в науке пугать и убивать называется холодными узкими щелями. По идее, это должно бы создавать у оппонента впечатление, что вы потеряли очки или смертельно хотите спать. Почему это пугает, остается загадкой.

Обернувшись к Капитану, Второй сжал губы, и рот его превратился в плотно сомкнутую полоску. Опять же, совершенно непонятно, почему и это мимическое движение расценивается как устрашающее. Если бы, скажем, блуждая по джунглям Трааля, вы встретились с легендарным Прожорливым Приставучим Чудищем, у вас были бы все основания благодарить небо, если бы его рот напоминал плотно сомкнутую полоску, а не, как это гораздо чаще случается, разверстую сочащуюся слюной пропасть, полную клыков.

— Позвольте мне напомнить вам, сэр, — просипел Второй, — что вы находитесь в этой ванне уже *более трех лет!!!* — Сообщив это, Второй развернулся на каблуках и пошел чеканя шаг к зеркалу — попрактиковаться в угрожающем сверкании глазами.

Капитан съежился в ванне. Он неловко улыбнулся Форду Префекту.

— При такой работе, как моя, нужно много

отдыхать, — робко оправдался он.

Форд медленно опустил руки. Никакой реакции на это не последовало. Артур тоже опустил руки.

Двигаясь медленно и осторожно, Форд приблизился к пьедесталу. Похлопал по нему.

— Красиво, — соврал он.

Он задумался, можно ли улыбнуться. Медленно и осторожно растянул рот в улыбке. Никто не возражал.

— М-м-м… — сказал он Капитану.

— Да? — ответил Капитан.

— Могу ли я, — начал Форд, — спросить вас, какова в действительности ваша миссия?

Его похлопали по плечу сзади. Мгновенно запаниковав, он обернулся.

Это был Первый.

— Напитки, сэр, — объявил он.

— Ах, спасибо большое, — обрадовался Форд. Они с Артуром взяли по стакану. Артур попробовал и очень удивился, почувствовав вкус виски с содовой.

— Я хочу сказать, мы не могли не заметить, — продолжил Форд, потягивая джиннан-тонникс, — тела. В холодильнике.

— Тела? — удивился Капитан.

Форд замолчал и задумался. Никогда ничего не

принимай на веру, сказал он сам себе. Может ли такое быть, что капитан корабля не знает, что у него на борту пятнадцать миллионов трупов? Капитан весело кивал в его сторону. Из пены вынырнула резиновая уточка.

Форд посмотрел по сторонам. В зеркале он поймал взгляд Второго, но лишь на мгновение: глаза Второго находились в постоянном движении. Первый помощник стоял с подносом, доброжелательно улыбаясь.

— Тела? — снова спросил Капитан.

Форд облизнул губы.

— Да, — сказал он, — все эти мертвые телефонисты-санобработчики и младшие бухгалтеры, знаете? Внизу, в холодильнике?

Капитан молча смотрел на него. Потом вдруг откинул голову и расхохотался.

— Нет, они не мертвые, — объяснил он, — боже милосердный, конечно, нет. Они заморожены. Их всех потом оживят.

Форд проделал нечто, чего он почти никогда не делал. Он моргнул.

Артур внезапно вышел из транса.

— Вы хотите сказать, что у вас полный холодильник парикмахеров? — спросил он.

— Да, — подтвердил Капитан, — миллионы. Но

там не только парикмахеры. Там и телевизионные продюсеры на пенсии, и страховые агенты, и всевозможный обслуживающий персонал, охранники, специалисты по связям с общественностью, всякие консультанты, в общем, кого ни назови, все здесь. Мы собираемся основать колонию на другой планете.

Форд чуть не подавился.

— Здорово, да? — добавил Капитан.

— Колонию? — удивился Артур. — С такой командой?

— Ах, боюсь, вы не совсем меня поняли, — проговорил Капитан. — Наш корабль не единственный в «Ковчеге». Мы — «Ковчег В». Простите, не откроете ли кран с горячей водой, будьте так добры…

Артур открыл кран, и в ванне каскадом закружилась розовая пена. Капитан удовлетворенно и счастливо вздохнул.

— Огромное вам спасибо, дорогой мой. Кстати, налейте себе еще джиннан-тонникса, если хотите.

Форд повертел в руках стакан, взял бутылку с подноса, который держал первый помощник и налил стакан до краев.

— А что это, — спросил он, — за корабль «В»?

— Вот этот самый корабль, — весело ответил

Капитан и запустил уточку.

— Да, — сказал Форд, — но…

— Понимаете, — начал объяснять Капитан, — случилось вот что. Наша планета, та, с которой мы летим, она была, так сказать, обречена.

— Обречена?

— О да! Поэтому люди подумали, а что, если погрузиться в огромный звездолет, полететь на другую планету и организовать колонию?

Рассказав все это, Капитан откинулся назад и издал вздох облегчения.

— Не такой обреченной? — подтолкнул рассказ Артур.

— Что вы говорите, мой дорогой?

— На не такой обреченной планете. Вы собирались основать колонию.

— Основать колонию, да. Поэтому было решено построить три корабля, понимаете, такие три космических ковчега и… вам не скучно, нет?

— Что вы! — твердо сказал Форд, — Очень интересно.

— Вы знаете, — задумчиво протянул Капитан, — так приятно иногда поговорить с другими людьми…

Глаза Второго метнулись по комнате, а затем снова замерли на поверхности зеркала, как пара

мух, на секунду покинувшая кусок тухлого мяса.

— В таком длинном путешествии, — продолжал Капитан, — проблема в том, что в конце концов начинаешь слишком много разговаривать сам с собой, и это очень утомительно, потому что в половине случаев уже знаешь, что будет дальше.

— Только в половине случаев? — изумился Артур.

Капитан подумал минуту-другую.

— Да, примерно в половине, по моим подсчетам. Так — а где же мыло?

Он пощупал рукой и нашел.

— Так вот, — возобновил он свой рассказ, — было решено, что на первом корабле, корабле «А», полетит весь цвет общества, ученые, артисты, знаете, все, кто чего-то достиг в жизни; а в третий корабль, «С», погрузят всех рабочих, которые умеют производить различные предметы; а уж на корабле «В» — это мы — полетят все остальные, средний класс, понимаете?

Он улыбнулся улыбкой абсолютно счастливого человека.

— Нас отправили первыми, — закончил он и стал напевать тихую песенку.

Тихая песенка, сочиненная специально для него одним из самых популярных и плодовитых

сочинителей вверенного ему ковчега (в настоящий момент сочинитель спал в отсеке тридцать шесть примерно на девятьсот метров ниже) заполнила то, что иначе рисковало стать затянувшейся паузой. Форд и Артур переминались с ноги на ногу и тщательно избегали смотреть друг другу в глаза.

— А что, — спросил Артур чуть погодя, — собственно, должно было произойти с вашей планетой?

— О, она была обречена, как я уже говорил, — ответил Капитан. — Кажется, она должна была врезаться в солнце или что-то вроде того. А может, наоборот, луна должна была упасть на нас. Что-то в этом роде. Но в любом случае, должно было произойти что-то ужасное.

— А я, — внезапно вмешался первый помощник, — слышал, что на планету ожидается вторжение огромного роя двенадцатиметровых пираньевых пчел. Разве нет?

Второй помощник рывком отвернулся от зеркала, с глазами, полными такого холодного стального блеска, которого можно достичь, лишь посвятив этому годы тренировок.

— Это не совпадает с полученной мною информацией! — прорычал он. — Мой командир

говорил мне, что нашу планету скоро проглотит гигантский звездный козел-мутант!

— Да что вы… — без выражения сказал Форд Префект.

— Да-да! Ужасное чудовище с острейшими зубами длиной в десять тысяч миль, дыханием, от которого вскипают океаны, когтями, которые могут с корнем вырвать континенты, тысячью глаз, горящих как солнце, слюнявой пастью в миллион миль шириной, монстр, которого вы никогда… никогда…

— И вас послали первыми, так? — спросил Артур.

— Конечно, — заверил Капитан, — нам сказали, и это так мило с их стороны, что они считают чрезвычайно важным для морального состояния общества, чтобы все были уверены, что прибудут на планету, где им будет обеспечена модная стрижка и гигиенически-чистые телефоны.

— Разумеется, — согласился Форд, — это действительно очень важно. А что, другие корабли… они вылетели вслед за вами, да?

Некоторое время Капитан не отвечал. Он насколько мог развернулся в ванне и поверх тяжеловесной хвостовой части корабля долго смотрел назад, в сияющий центр Галактики. Он

сощурился, вглядываясь в непостижимо необъятную даль.

— Ох. Странно, что вы об этом спросили, — он позволил себе слегка нахмуриться, глядя на Форда Префекта, — потому что, как это ни удивительно, мы не имели от них ни одного сигнала, ни единой весточки, с тех пор, как вылетели пять лет назад… Но они должны быть где-то сзади.

Он снова всмотрелся в необъятную даль.

Форд всмотрелся туда же и задумчиво нахмурился.

— Если только, — пробормотал он тихо, — их не съел козел…

— Конечно… — в голосе Капитана сквозило еле заметное сомнение, — козел…

Он провел глазами по солидным очертаниям приборов и компьютеров, заполнивших капитанский мостик. Все они невинно помаргивали. Капитан взглянул на звезды, но звезды не дали никакого ответа. Он посмотрел на своего первого и второго помощников, но они в этот момент были поглощены собственными мыслями. Он перевел взгляд на Форда Префекта, который в ответ поднял брови.

— Забавно, знаете, — признался Капитан, — теперь, когда я рассказал все это постороннему

человеку… я хочу сказать, вам это не кажется странным, Первый?

— Э-э-э-э-э-э… — затянул Первый.

— Что ж, — вмешался Форд Префект, — я вижу, что вам надо о многом поговорить, многое обсудить, поэтому благодарим за радушный прием и были бы крайне признательны, если бы вы высадили нас на ближайшей удобной для вас планете…

— Это будет слегка затруднительно, — сказал Капитан. — Видите ли, наш… ну, эта штучка, которая отслеживает траекторию, была настроена заранее, потому что я не очень хорошо разбираюсь в цифрах…

— Значит, мы здесь заперты, на этом корабле? — вскричал Форд Префект, внезапно потеряв терпение. — Когда вы должны долететь до этой самой планеты, где вы собираетесь основать колонию?

— Мы почти прилетели, по-моему, — сообщил Капитан, — осталось совсем чуть-чуть. Мне, наверное, уже пора вылезать из ванны…А с другой стороны, почему я должен вылезать сейчас, как раз когда вода стала такой приятной?

— Мы действительно приземлимся с минуты на минуту? — спросил Артур.

— Ну, мы не то чтобы *приземлимся*, на самом деле, мы не приземлимся, а…

— А что? — спросил Форд резко.

— Ну, — сказал Капитан, тщательно подбирая слова, — по-моему, насколько я помню, наш корабль запрограммирован так, чтобы врезаться в эту планету.

— Врезаться?! — закричали Форд с Артуром.

— Ммм, да, — ответил Капитан, — так было запланировано. По-моему. На это была какая-то очень веская причина. Я сейчас что-то не припомню. Что-то связанное с… ммм…

Форд взорвался.

— Да вы все придурки! И кретины! — заорал он.

— Точно! Причина была именно в этом! — обрадовался Капитан.

Глава 25

В путеводителе «Автостопом по Галактике» о планете Голгафринчем говорится следующее: это планета, древняя история которой опутана тайнами и легендами, красные земли которой обильно политы зеленой кровью тех, кто во времена оны пытался завоевать ее; почвы здесь опалены солнцем и неплодородны, знойный воздух напоен душистым ароматом родников, журчащих по горячим, пыльным горным уступам и питающих темные, пахнущие мускусом, мшистые земли у подножья; это страна нахмуренных бровей и воспаленных воображений, особенно у тех, кто обкурился мхом; это, кроме того, страна невозмутимых спокойных размышлений, которым предаются те, кто отрекся от мхов и нашел дерево, в тени которого укрыться; это страна крови, стали и героизма; страна единства тела и духа. Такова история.

Самыми таинственными фигурами в древней и загадочной мифологии этой планеты являются, без всякого сомнения, члены Ариума, Великого окружного общества поэтов. Они, согласно леген-

дам, селились в отдаленных горных расщелинах, где имели обыкновение часами сидеть в засаде в ожидании небольших групп неосторожных путешественников, которых поэты окружали кольцом и в которых швырялись камнями.

Потом, когда испуганные путешественники не выдерживали и начинали плача вопрошать, отчего это поэты не отстанут от них и не вернутся к своим стихам, вместо того, чтобы докучать добрым людям своими камнями, поэты внезапно прекращали кидаться и разражались одной из семиста девяносто четырех Вазилианских Песен. Эти песни все как одна отличались необыкновенной красотой и необыкновенной же продолжительностью, и были все до единой построены по единому образцу.

В первой части каждой песни рассказывалось о том, как однажды из города Вазилиана отправился в поход отряд из пяти ученых принцев на четырех конях. Принцы, каждый из которых был необыкновенно храбр, благороден и мудр, много путешествовали в далеких землях, сражались с великанами-людоедами, изучали разные экзотические учения, пили чай со странными богами и сражались, защищая красивых монстров от злодейских принцесс, после чего вдруг объяв-

ляли, что достигли просветления и что время странствий, таким образом, подошло к концу.

Во второй, гораздо более длинной, части песни в подробностях рассказывалось об их пререканиях по поводу того, кто именно должен отправится домой.

Это — далекое-далекое прошлое планеты. Однако, именно потомок одного из поэтов сочинил лживую байку о надвигающейся неизбежной катастрофе, которая позволила населению Голгафринчема избавиться от бесполезной своей трети. Оставшиеся две трети преспокойненько остались дома и зажили полноценной, богатой и счастливой жизнью, и жили так до тех пор, пока в один злополучный день всех их не унесла заразная болезнь, источником которой явился не обработанный гигиенически телефон.

Глава 26

Ночью корабль благополучно врезался в ничтожнейшую зелено-голубую планету, вращавшуюся вокруг маленького невзрачного желтого солнца, лежавшего на неизведанных, да и никому не интересных, задворках западного спирального рукава Галактики.

В часы, предшествовавшие крушению, Форд Префект отчаянно, но безуспешно пытался переключить управление корабля на другую траекторию полета. Очень скоро ему стало очевидно, что корабль был запрограммирован таким образом, чтобы доставить груз к месту назначения, если и не слишком комфортабельным манером, но в целости и сохранности, и при этом повредить самое себя так, чтобы не оставалось никакой надежды на возможность починки.

Ослепительный визгливый спуск через атмосферу практически лишил корабль обшивки и всех внешних сооружений, а его финальное неграциозное падение на брюхо в затянутое ряской болото оставило команде всего несколько ночных часов на то, чтобы выгрузить и оживить

свое глубокозамороженное нежеланное карго, поскольку корабль почти сразу начал тонуть, постепенно поднимая громоздкую задницу над застойными склизкими водами болота. Пару раз ночью его силуэт резко высвечивался на фоне неба, освещаемый вспышками метеоритов — обломками собственного спуска.

В серой предрассветной мгле корабль издал неприличный булькающий звук и навеки скрылся в вонючих глубинах.

Когда на следующее утро взошло солнце, его жиденький свет пролился на огромное заболоченное пространство, усеянное всхлипывающими парикмахершами, рыдающими специалистами по связям с общественностью, заплаканными разносчиками анкет по опросу населения и прочими специалистами, отчаянно сражающимися за место на сухой земле.

Менее целеустремленное солнце, возможно, немедленно бы село обратно, но это упрямо карабкалось вверх по небосводу и, спустя некоторое время, его теплые лучи начали оказывать живительное воздействие на слабо копошащиеся внизу создания.

Бесчисленное множество народу было, что неудивительно, потеряно прошедшей ночью на

болоте, миллионы других ушли под воду вместе с кораблем, но тех, кто выжил, все равно можно было считать сотнями тысяч и, по мере того, как воцарялся день, они все выползали и выползали на окрестные земли, каждый в мечте о нескольких квадратных футах твердой земли, где можно упасть без сил и прийти в себя после выпавшего на их долю ночного испытания.

Две фигуры отошли в сторону дальше остальных.

С ближайшего холма Форд Префект и Артур Дент взирали на кошмар, к которому не могли не чувствовать свою принадлежность.

— Кто решился сыграть с ними такую грязную шутку, — пробормотал Артур.

Форд, рисуя палочкой на земле, пожал плечами.

— Зато очень остроумное решение проблемы, — заметил он.

— Почему люди не могут жить в мире и гармонии? — патетически вопросил Артур.

Форд издал громкий, зловещий гогот.

— Сорок два! — выкрикнул он с недоброй ухмылкой. — Нет, не подходит. Не обращай внимания.

Артур посмотрел на Форда так, будто тот сошел

с ума и, не видя ничего, что могло бы доказать обратное, осознал, что наиболее разумно будет предположить, что именно это и произошло.

— Что, по твоему мнению, с ними будет? — спросил он по прошествии некоторого времени.

— В бесконечно сложной Вселенной может случиться все что угодно, — ответил Форд, — они даже могут выжить. Невероятно, но правда.

Он обвел взором окружающее пространство, и странное выражение появилось в его глазах. Он снова остановил взгляд на трагедии, разыгрывающейся под холмами.

— Кажется, некоторое время они протянут, — проговорил он.

Артур вскинул на него глаза.

— Почему ты так говоришь? — спросил он.

Форд пожал плечами.

— Мне так кажется, — только и ответил он и не дал вовлечь себя в дальнейшие обсуждения.

— Смотри! — воскликнул вдруг Форд.

Артур проследил за указывавшим вдаль пальцем. Внизу над копошашимися массами двигалась фигура — или, точнее сказать, шаталась фигура. Этот человек нес что-то на плече. Валко продвигаясь от одной простертой фигуры к другой простертой фигуре, он, казалось махал в их

сторону тем, что было у него на плече, производя впечатление сильно пьяного. В конце концов он устал бороться и свалился в общую кучу.

Артур не имел ни малейшего представления, как ему следует воспринимать увиденное.

— Видеокамера, — объяснил Форд. — Съемка исторического момента.

— Ну, все, — добавил он после минутного молчания, — не знаю, как ты, а я — пасс.

И замолчал.

Через некоторое время Артур почувствовал, что должен как-то отреагировать.

— Когда ты сказал, что ты — пасс, что конкретно ты хотел этим сказать? — поинтересовался он.

— Хороший вопрос, — одобрил Форд. — Я хотел сказать, что я умолкаю.

Заглянув ему через плечо, Артур увидел, что Форд нажимает какие-то кнопочки на передней панели маленького черного ящичка. Форд как-то раз уже объяснял Артуру, что этот ящичек называется Субэфирный Сенс-О-Матик, но Артур тогда только покивал из вежливости и не стал выяснять подробностей. В его сознании Вселенная все еще делилась на две части, одна из них — Земля, а другая — все остальное. Уничтожение Земли с целью освобождения места под гипер-

космический экспресс-маршрут делало такой взгляд на вещи несколько однобоким, но Артур держался за эту однобокость как за последнюю ниточку, связывавшую его с домом. В любом случае, Субэфирный Сенс-О-Матик подпадал строго под категорию «все остальное».

— Ни сосиски, — Форд встряхнул приборчик.

Сосиска, подумал Артур про себя, безмолвно взирая на примитивный мир вокруг, чего бы я не дал за хорошую земную сосиску.

— Можешь ли себе представить, — сказал Форд в отчаянии, — что на сотни световых лет от этого благодатного места нет никаких сигналов? Ты слышишь?

— Что? — переспросил Артур.

— Мы в беде, — коротко сообщил Форд.

— А, — сказал Артур. Новость явно не была свежей.

— Пока этот прибор не поймает чего-нибудь, — продолжил Форд, — наши шансы выбраться отсюда равны нулю. Дай бог, чтобы это был какой-нибудь застойный эффект в магнитном поле — тогда нам просто надо двигаться до тех пор, пока не найдем зоны чистого приема. Пошли?

Он подобрал свои вещички и двинулся прочь.

Артур посмотрел вниз. У подножия холма че-

ловек с камерой сумел встать на ноги как раз вовремя, чтобы заснять, как один из его товарищей в изнеможении свалился.

Артур сорвал травинку и пошел вслед за Фордом.

Глава 27

— Как поужинали? — спросил Зарнивуп у Зафода и Триллиан, как только они прошли рематериализацию и, тяжело отдуваясь, появились на полу капитанского мостика звездолета «Сердца золота».

Зафод открыл сколько-то глаз и злобно посмотрел на Зарнивупа.

— Ты, — как бы выплюнул он. Он с трудом встал и на негнущихся ногах отправился искать кресло, чтобы упасть в него. Нашел и упал.

— Я ввел в компьютер нужные невероятностные координаты, — поведал Зарнивуп. — Вскоре мы прибудем на место. А пока, почему бы вам не расслабиться и не подготовиться к встрече?

Зафод ничего не ответил. Вместо этого, он снова поднялся и тяжелым маршем двинулся к шкафчику, откуда вытащил бутылку «Олд Джанкс Спирита». И длинно отхлебнул.

— А когда все закончится, — сказал Зафод свирепо, — мы будем считать, что все закончено, ясно? Я буду свободен и пойду куда хочу, на пляж и все такое?

— Это зависит от результатов встречи, — неопределенно ответил Зарнивуп.

— Зафод, кто это? — спросила Триллиан слабым голосом, вставая на подгибающиеся ноги. — Что он тут делает? Как он оказался на нашем корабле?

— Это настоящий идиот, — ответил Зафод, — он хочет встретиться с человеком, который правит Вселенной.

— А, — догадалась Триллиан, забирая бутылку у Зафода и отхлебывая, — карьерист.

Глава 28

Главная проблема — одна из главных проблем, ибо таковых несколько — одна из многих главных проблем управления людьми заключается в том, *кто* ими управляет; или, скорее, кому удается заставить людей разрешить управлять ими.

Суммируя сказанное: широко известно, что те люди, которые *хотят* править людьми, являются, ipso facto, менее всего пригодными для этой роли. Суммируя суммируемое: любой, кто способен дойти до поста Президента, ни в коем случае не должен быть допущен ко вступлению в должность. Суммируя сумму суммируемого: люди — это проблема.

Таким образом, мы оказываемся перед следующей ситуацией: длинный ряд Президентов Галактики, так сильно наслаждавшихся счастьем и тяготами власти, очень редко замечали отсутствие данной власти.

А где-то в тени, вдалеке от них — кто?

Кто может всем этим управлять, если никто из тех, кто хочет этим заниматься, не должен быть допущен до этого?

Глава 29

На маленькой потаенной планете где-то посреди неизвестно чего — это место невозможно обнаружить, поскольку оно защищено невероятностным полем, ключ к которому есть всего лишь у шести человек в Галактике — шел дождь.

Лило как из ведра, и лило уже много часов. Дождь превратил морскую гладь в туман, он барабанил по листьям деревьев, он поливал и размывал полоску земли вдоль моря уже так долго, что она превратилась в грязевую ванну.

Дождь подпрыгивал и пританцовывал на ржавой железной крыше маленькой хибарки, одиноко жавшейся на берегу. Дорожку, которая вела от хибарки к морю, совершенно развезло, а аккуратные кучки красивых ракушек, сложенные кем-то на берегу, оказались разрушены.

Шум дождя по крыше внутри хибарки казался оглушительным, и тем не менее ее обитатель абсолютно не замечал его, поскольку внимание его было отвлечено на совсем другие вещи.

Обитатель был высокий нескладный человек с жесткими волосами цвета соломы, влажными

из-за протекающей крыши. Одежда на нем была поношена, спина сутулая, а глаза, хоть и были открыты, все равно казались закрытыми.

Все внутреннее убранство состояло из древнего истертого кресла, древнего кривоногого столика, старого грязного матраца с парой-тройкой подушек на нем и печки, маленькой, но теплой.

Кроме того, в комнате находился старый и тоже некоторым образом поношенный кот, который в данную минуту и являлся центром внимания. Человек неуклюже склонился над котом и разговаривал с ним.

— Киска-киска, — говорил он, — кис-кис-кис… киска хочет рыбку? Хорошая рыбка… киска хочет?

Кот, казалось, никак не мог принять решение. Он довольно снисходительно потрогал лапкой кусок рыбы, предлагаемый человеком, но тут же отвлекся на пролетавшую мимо пылинку.

— Киска не ест рыбка, киска худеет и исчезает. Так я думаю, — сказал человек. В его голосе появилось сомнение.

— Моя голова думает, что случится именно это, — сказал он, — но как можно знать наверняка?

Он мелко потряс кусочком рыбы перед коша-

чьей мордой.

— Киска думает, — сказал он, — съесть рыбку — не съесть рыбку. Я думаю, лучше я не вмешиваюсь.

Он вздохнул.

— Я думаю, рыбка — вкусно, но ведь еще я думаю — дождь мокрый. Кто я, чтобы судить?

Он оставил рыбу на полу и вернулся на свое место.

— Ага, кажется, я вижу, ты ешь рыбку, — сказал он наконец, когда кот исчерпал все развлекательные возможности, предоставленные ему пылинкой, и принялся за рыбу.

— Мне нравится, когда я вижу, как ты ешь рыбку, — продолжал человек, — потому что в моем воображении ты исчезнешь, если не будешь есть рыбку.

Он взял со стола листок бумаги и огрызок карандаша. Он взял первое в одну руку, а второе — в другую, и принялся экспериментировать, отыскивая различные способы соединения первого со вторым. Он попробовал держать карандаш под бумагой, а затем — рядом с бумагой. Он попробовал оборачивать карандаш бумагой, попробовал тереть тупым концом карандаша по бумаге, а затем попробовал потереть заточенным концом

по бумаге. В результате на бумаге остался след карандаша, и человек был счастлив обнаружить это, как, впрочем, и всегда. Он взял со стола другой листок. На листке был кроссворд. Человек недолго подумал и вписал пару слов, после чего полностью потерял интерес.

Он попробовал сидеть на руке и был поражен ощущениями, происходящими в ладони от давления тазовых костей.

— Рыба приходит издалека, — бормотал он, — так мне сказали. Или в моем воображении так сказали. Послушай, киска, а когда прилетели шесть человек, или моя голова подумала, что прилетели шесть человек на шести черных блестящих кораблях, в твоей голове они тоже прилетели? Что ты видишь, киска?

Он посмотрел на кота, которого совершенно не волновали дурацкие вопросы, а волновало, как поскорее заглотить рыбу

— И когда я слышу их вопросы, ты тоже слышишь вопросы? Что для тебя значат их голоса? Может быть, ты думаешь, что они поют тебе песни?

Он поразмыслил и разглядел неточность своих рассуждений.

— Может быть, они поют тебе песни, — сказал

он, — а я думаю, что они задают мне вопросы.

Он помолчал. Иногда он молчал по нескольку дней, просто чтобы посмотреть, что из этого выйдет.

— Думаешь, сегодня они приходили? — спросил он. — Я думаю. На полу грязь, на столе — виски и сигареты, у тебя на тарелке рыба, а память о них — в моей голове. Не очень логичное доказательство, я знаю, но доказательства все необъективны. И смотри, что еще они мне оставили.

Он потянулся к столу и стянул с его поверхности несколько предметов.

— Кроссворды, словари и калькулятор.

Он возился с калькулятором около часа. Кот тем временем уснул, а дождь продолжал лить. Потом калькулятор наскучил ему, и он отложил его в сторону.

— Я думаю, я прав, если думаешь, что они задают мне вопросы. — решил он. — Проделать весь этот путь и привезти все эти вещи ради удовольствия спеть тебе песню — очень странное поведение. Так мне кажется. Но кто знает, кто знает.

Он достал сигарету и прикурил ее от огня, пылавшего в печке, с помощью длинной лучины. Он глубоко затянулся и откинулся на спинку

кресла.

— Я думаю, я сегодня видел еще один корабль в небе, — поведал он, — большой белый корабль. Никогда раньше не видел большого белого, только шесть черных. И шесть зеленых. И еще другие, которые говорили, что прилетели издалека. Но никогда не было большого белого. Может быть, шесть маленьких черных иногда кажутся одним большим белым? Возможно, я хочу стаканчик виски. Да, очень на то похоже.

Он встал и разыскал стакан, валявшийся на полу подле матраца. Налил туда немного из бутылки. Сел на место.

— Возможно, меня идут навестить еще какие-то люди, — сказал он.

В ста метрах от хибарки, побиваемый ливнем, стоял звездолет «Сердце золота».

Из открывшегося люка вышли три фигуры, ежась и пряча лица от дождя.

— Туда? — спросила Триллиан, стараясь перекричать шум дождя.

— Да, — коротко ответил Зарнивуп.

— В такую хибару?

— Да.

— Странно, — сказал Зафод.

— Но это же неизвестно что, — воскликнула

Триллиан. — Мы куда-то не туда прилетели. Нельзя править Вселенной из хибарки!

Они торопливо пошли сквозь дождь и прибыли, насквозь промокшие, к двери. Постучали. Подрожали.

Дверь открылась.

— Да? — сказал человек.

— Ээ… извините меня, — начал Зарнивуп, — у меня есть основания полагать…

— Это вы правите Вселенной? — без обиняков спросил Зафод.

Человек улыбнулся ему.

— Стараюсь этого не делать, — ответил он. — Вы промокли?

Зафод посмотрел на него в крайнем изумлении.

— А что, — вызывающе спросил он, — по нам не видно, что мы промокли?

— Так это выглядит для меня, — невозмутимо ответил человек, — но то, что чувствуете вы по этому поводу, может оказаться совершенно другой историей. Если вы считаете, что тепло помогает высохнуть, зайдите внутрь.

Они зашли внутрь.

Огляделись, Зарнивуп с легкой брезгливостью, Триллиан с интересом, Зафод с восхищением.

— А как… эээ… ваше имя? — спросил Зафод.

Человек с сомнением посмотрел на него.

— Не знаю…А что, вы думаете, у меня должно быть имя? Странно как-то, давать имя обыкновенной совокупности невнятных сенсорных реакций.

Он предложил Триллиан сесть в кресло. Сам он сел на ручку этого кресла, Зарнивуп неловко облокотился на стол, а Зафод завалился на матрац.

— У-ух ты! — воскликнул Зафод. — Королевский трон!

Он пощекотал кота.

— Послушайте, — приступил к делу Зарнивуп, — я должен задать вам несколько вопросов.

— Хорошо, — с готовностью разрешил человек, — если хотите, можете спеть моему коту.

— Ему это надо? — спросил Зафод.

— Об этом лучше спросить у него, — ответил человек.

— А он разговаривает? — спросил Зафод.

— У меня нет воспоминаний о том, что он разговаривает, — ответил человек, — но мои воспоминания ненадежны.

Зарнивуп вытащил из кармана какие-то записки.

— Итак, — начал он, — вы правите Вселенной,

не так ли?

— Откуда я знаю? — сказал человек.

Зарнивуп пометил что-то на бумажке.

— Как долго вы этим занимаетесь?

— А, — сказал человек, — это вопрос о прошлом, да?

Зарнивуп посмотрел на него озадаченно. Разговор пошел как-то не по плану.

— Да, — подтвердил он.

— А откуда я могу знать, — спросил человек, — что прошлое не есть фикция, призванная создать ощущение несоответствия между моими сиюминутными ощущениями и состоянием моего сознания?

Зарнивуп взглянул недобро. От его мокрой одежды начал подниматься пар.

— Вы на все вопросы так отвечаете? — спросил он.

Человек ответил очень быстро.

— Я говорю то, что приходит мне в голову, когда мне кажется, что люди говорят какие-то слова. Большего я не могу сказать.

Зафод радостно рассмеялся.

— За это надо выпить, — сказал он и достал бутылку «Джанкс Спирита». Он вскочил на ноги и протянул бутылку правителю Вселенной, кото-

рый принял ее с явным удовольствием.

— Отлично, великий правитель, — сказал Зафод, — скажи все как есть.

— Нет, подождите, — прервал Зарнивуп, — люди-то к вам прилетают? Да? В кораблях?...

— Думаю, да, — ответил человек. Он передал бутылку Триллиан.

— А они просят вас, — продолжал допрос Зарнивуп, — помочь им принять решения? Решения, касающиеся человеческих жизней, экономики, войны, мира, всего, что происходит во Вселенной? Везде?

— Везде? — удивился человек. — Где везде?

— Где-где? Там! — Зарнивуп раздраженно указал на дверь.

— А откуда вы знаете, что там вообще что-то есть? — вежливо поинтересовался человек. — Дверь-то закрыта.

Дождь по-прежнему усердно барабанил по крыше. В хижине было тепло и уютно.

— Но вы же знаете, что там повсюду — Вселенная! — закричал Зарнивуп. — Вы не можете снять с себя ответственность, попросту заявив, что ее не существует!

Правитель Вселенной долго размышлял над этим утверждением, а Зарнивупа между тем

сотрясал гнев.

— Вы что-то чересчур уж уверены в том, что говорите, — произнес наконец правитель, — а я не могу доверять мнению человека, принимающего Вселенную — если таковая существует — на веру.

Зарнивуп злился, но молчал.

— Я могу с уверенностью говорить только о моей собственной Вселенной, — спокойно продолжал человек. — Моя Вселенная — это мои глаза и уши. Остальное — домыслы.

— Но разве вы ни во что не верите?

Человек пожал плечами и взял кота на руки.

— Не понимаю, что вы имеете в виду, — сказал он.

— Вы что, не понимаете, что то, что вы решаете в этой своей идиотской халупе, влияет на жизни и судьбы миллионов людей? Неслыханная беспечность!

— Не знаю. Я никогда не видел людей, о которых вы говорите. Так же, как и вы, впрочем. Они существуют только в словах, которые мы слышим. Глупо утверждать, будто вы знаете, что происходит с другими людьми. Только они сами это знают, если они существуют, конечно. И у них свои собственные Вселенные — глаза и уши.

Триллиан сказала:

— Я выйду на минуточку.

Она встала и вышла под дождь.

— А вы верите, что другие люди существуют? — настаивал Зарнивуп.

— У меня нет мнения на этот счет. Откуда я могу знать?

— Я, пожалуй, посмотрю, что там с Триллиан, — сказал Зафод и выскользнул в дверь.

Очутившись снаружи, он сказал:

— Думаю, Вселенная в надежных руках. Что скажешь?

— Очень надежных, — сказала Триллиан. И они скрылись за пеленой дождя.

Внутри, Зарнивуп все еще пытался взыскать правды.

— Вы что, не понимаете, что жизнь и смерть людей зависят от одного вашего слова?

Правитель Вселенной ждал столько, сколько мог. Услышав слабый звук запускаемых двигателей, он заговорил громко, чтобы заглушить его.

— Меня это не касается, — сказал он. — Я с людьми дела не имею. Богу известно, что я не злой человек.

— Ага! — торжествующе рявкнул Зарнивуп. — Значит, «Богу». Все-таки вы верите во что-то!

— Это мой кот. — мягко объяснил человек, почесывая и поглаживая животное. — Его зовут Бог. И я к нему добр.

— Ладно, — не унимался Зарнивуп, — а откуда вы знаете, что он существует? Откуда вы знаете, что ему известно, что вы не злой человек? Или что ему нравится то, что вы называете добротой?

— Не знаю, — согласился человек с улыбкой, — просто понятия не имею. Мне доставляет удовольствие вести себя определенным образом по отношению к тому, что мне кажется котом. Разве вы ведете себя по-другому? Простите, мне кажется, я очень устал.

Зарнивуп тяжко и неудовлетворенно вздохнул и осмотрелся.

— А где же остальные? — спохватился он.

— Какие остальные? — не понял правитель Вселенной, откидываясь в кресле и доливая себе виски.

— Библброкс и девица! Те, что были со мной!

— Я никого не помню. Прошлое — это фикция, призванная создать…

— К черту! — взревел Зарнивуп и выбежал под дождь. Корабля не было. Дождь месил глину. Не осталось и следа, свидетельствовавшего бы о том, что только что тут стоял корабль. Зарнивуп

заорал в бушующую стихию. Потом повернулся и помчался назад, в хижину. Хижина оказалась заперта.

Правитель Вселенной славно вздремнул в кресле. Потом немного поиграл с карандашом и листком бумаги и пришел в восторг, когда обнаружил способ оставить след от первого на последнем. Снаружи доносился какой-то шум, но нельзя было с уверенностью сказать, реален ли он. Потом Правитель заговорил со своим столом и проговорил с ним целую неделю, чтобы посмотреть, как тот будет реагировать.

Глава 30

Ночью в небе появились звезды, безжалостные в своем ослепительном чистом сиянии. Форд с Артуром к этому времени прошли так много, что уже ни за что не сказали бы, сколько именно, и в конце концов остановились отдохнуть. Ночь была прохладной и душистой, воздух свеж, суб-эфирный Сенс-О-Матик безмолвен.

Прекрасное спокойствие владело миром, волшебное безмолвие в сочетании с нежными ароматами леса, согласным гудением насекомых и невозмутимым спокойствием звездного света утешало мятущиеся души. Даже Форд Префект, которому вряд ли хватило бы суток на то, чтобы посчитать, в скольких мирах он уже побывал, был так восхищен, что начал раздумывать, не эта ли планета самая красивая из всех. Целый день они шли по прекрасным холмам и долинам, густо покрытым травами, душистыми полевыми цветами и высокими пышными деревьями; солнце согревало, легкий ветерок снимал усталость, и Форд Префект все реже и реже проверял Сенс-О-Матик и выказывал все меньше раздражения по

поводу неумолимого молчания последнего. Форд начал думать, что ему здесь нравится.

Хотя ночной воздух и был прохладен, они уютно устроились на ночлег под открытым небом, спали крепко и проснулись через несколько часов с первыми каплями росы, чувствуя себя отдохнувшими, но страшно голодными. У Форда в рюкзаке нашлась пара булочек, которые он прихватил в «Милливэйз», и они позавтракали прежде чем снова тронуться в путь.

До этого они шли наугад, но теперь решили твердо держаться направления на восток, рассудив, что, если уж они хотят исследовать эту планету, то должны иметь четкое представление о том, с какой стороны пришли и куда направляются.

Незадолго до полудня пришло первое подтверждение того, что планета, на которую они приземлились, не является необитаемой: между деревьями на секунду мелькнуло чье-то лицо, с интересом за ними наблюдавшее. Оно исчезло в ту же секунду, как они заметили его, но у обоих осталось впечатление, что это было создание гуманоидного типа, любопытное, но не напуганное. Через полчаса они заметили точно такое же лицо, и еще одно десять минут спустя.

Еще через минуту они вышли на широкую поляну и остановились как вкопанные.

Перед ними стояла группа, состоявшая из пары десятков мужчин и женщин. Они стояли неподвижно и спокойно глядели на Форда и Артура. Некоторые из женщин держали на руках или прижимали к себе маленьких детей, а позади стояло несколько полуразвалившихся хижин из веток и глины.

Форд и Артур затаили дыхание.

Самый высокий из мужчин был чуть выше пяти футов ростом. Все люди держались слегка наклонившись вперед, имели длинные руки, низкие лбы и яркие глаза, неотступно следившие за незнакомцами.

Видя, что у туземцев нет оружия и они не делают никаких угрожающих движений, Форд с Артуром немного успокоились.

Некоторе время обе группы людей просто смотрели друг на друга, ни одна из сторон не решалась сделать первый шаг. Аборигены казались озадаченными и, хотя не выказывали никакой агрессии, все же не были излишне приветливы.

Ничего не происходило.

Прошло две минуты, и все еще ничего не произошло.

Еще через две минуты Форд решился — пора, чтобы что-нибудь наконец произошло.

— Привет, — сказал он.

Женщины теснее прижали к себе детей.

Мужчины не сделали ни одного определенного движения, и все же ясно дали понять, что приветствие нежелательно — без обид, просто нежелательно.

Один из мужчин, стоявший немного впереди остальных и, возможно, являвшийся вожаком, выступил вперед. Его лицо было спокойно и невозмутимо, почти безмятежно.

— Угхугхррр у ух рух ургх, — сказал он тихо.

Это застало Артура врасплох. Он настолько привык к синхронному переводу, производимому вавилонской рыбкой у него в ухе, что давно забыл об ее существовании и вспомнил только теперь, когда она впервые не сработала. Какие-то смутные обрывки слов промелькнули в его сознании, но среди них не было ничего, за что можно было бы ухватиться. Он предположил, и вполне справедливо, что у этих людей развились пока лишь рудиментарные зачатки речи, и потому вавилонская рыбка в данном случае ничем не могла помочь. Артур посмотрел на Форда, который безусловно должен был быть лучше

осведомлен в подобных вопросах.

— Мне кажется, — сказал Форд уголком рта, — что он спрашивает нас, не могли бы обойти его деревню стороной.

В ту же секунду жест со стороны мужчины (или самца) подтвердил это предположение.

— Рррруургх уургх; ургх ургх (у рух) ррууррруу угх, — продолжал самец.

— В общих чертах, — перевел Форд, — насколько я могу понять, он говорит, что мы можем спокойно продолжать наше путешествие, но, если мы обойдем их деревню, а не пойдем насквозь, они будут более чем счастливы.

— И что мы будем делать?

— Почему бы не сделать их счастливыми, — сказал Форд.

Медленно и осторожно они обошли поляну по периметру. Это очень порадовало аборигенов, которые покланялись в их сторону и стали заниматься своими делами.

Артур с Фордом отправились дальше через лес. Через несколько сотен метров за поляной они вдруг наткнулись на сложенные горкой фрукты — ягоды, очень сильно похожие на малину и землянику, а также сочные зеленокожие фрукты, очень сильно похожие на груши.

До сих пор путешественники избегали ягод и фруктов, хотя все деревья и кусты были увешаны ими.

— Смотри на это так, — говорил Форд, — ягоды и фрукты на незнакомой планете могут помочь тебе жить или помочь тебе умереть. Следовательно, пробовать их допустимо лишь в тот момент, когда чувствуешь, что умрешь, если не попробуешь. Таким образом остаешься на плаву. Секрет здорового хайкерства в умении обходиться без витаминов.

Они внимательно осмотрели лежащие на тропинке фрукты. Фрукты были такие красивые и аппетитные, что у них просто рассудок помутился от голода.

— Давай смотреть на это так, — сказал Форд, — ммм…

— Да? — сказал Артур.

— Я стараюсь придумать точку зрения, согласно которой мы должны были бы съесть это, — признался Форд.

Сквозь листву яркое солнце бросало ажурные тени на пухлые щеки того, что было так сильно похоже на груши. То, что было сильно похоже на малину и землянику, было таким большим, сочным и спелым, какого Артур никогда в жизни

не видел, разве что в рекламных роликах.

— Может быть, мы съедим это, а потом придумаем, почему мы это сделали? — предложил Артур.

— Может быть, именно этого от нас и ждут.

— Хорошо, смотри на это так…

— Пока твоя теория меня и так устраивает.

— Это лежит здесь для нас. Это или хорошее, или плохое. Они или хотят угостить нас, или отравить. Если это отравленное, а мы его не съедим, то на нас нападут другим способом. То есть, если мы не съедим этого, мы проиграем в любом случае.

— Красиво говоришь, — сказал Форд, — ладно, съешь одну штучку.

Нерешительно, Артур выбрал одну штуку из похожих на груши.

— Это мне напоминает историю про Эдем, — сказал Форд.

— А?

— Эдем. Дерево. Яблоко. Помнишь?

— А, да, конечно. Помню.

— Этот ваш Бог! Посадил дерево на самом видном месте посреди сада, а потом говорит, вы, ребята, делайте что хотите, только яблок не ешьте. А они, ну надо же, какая неожиданность, съели. Тут Бог выскакивает из-за дерева с кри-

ками: «Попались!». А ведь если бы они не съели яблока, ничего бы не изменилось.

— Почему?

— Потому что когда имеешь дело с любителем положить на тротуаре кирпич и прикрыть его шляпой — можешь быть уверен, он уж как-нибудь тебя обязательно достанет.

— К чему это ты?

— Да неважно, ешь свой фрукт.

— Знаешь, а ведь это место и вправду очень похоже на Эдем.

— Ешь фрукт.

— Я же говорю, похоже.

Артур откусил кусочек от того, что напоминало грушу.

— Это груша, — объявил он.

Через пару секунд, когда они доели все подчистую, Форд обернулся к лесу и прокричал:

— Спасибо вам! Огромное спасибо! Вы очень добры!

И они пошли дальше.

В продолжение следующих пятидесяти миль своего путешествия на восток они время от времени находили на дороге фруктовые дары и, хотя иногда меж деревьев мелькали лица аборигенов, они ни разу больше не вступали в непосредствен-

ный контакт. Форду и Артуру очень понравились люди, столь благодарные просто за то, что их оставили в покое.

Через пятьдесят миль фрукты закончились, зато началось море.

Не имея никаких ограничений по времени, они не торопясь построили плот и переплыли море. Море было относительно спокойным, шириной всего в шестьдесят миль, благодаря чему плавание было вполне приятным, к тому же место, куда они попали, оказалось ничуть не хуже того, откуда они прибыли.

Короче, жизнь была до смешного проста, и на некоторое время они смогли забыть о бесцельности существования и одиночестве. Собственно говоря, они знали, где найти компанию, если уж очень захочется, но пока что их только радовал тот факт, что голгафринчемцы находятся на расстоянии многих сотен миль.

И все же Форд Префект снова начал часто проверять Сенс-О-Матик. Один раз он поймал какой-то сигнал, но тот был столь слаб и шел с такого далекого расстояния, что расстроил Форда куда больше, чем неизменное молчание до того.

Повинуясь внезапному порыву, они повернули на север. Через несколько недель подошли к

еще одному морю, которое переплыли, построив еще один плот. На этот раз путешествие было не таким легким, да и климат становился все суровее. Артур заподозрил Форда в мазохизме — возрастающие трудности давали ему ощущение цели, которую иначе сложно было найти. Форд неуклонно двигался вперед.

Путешествие на север привело их в гористую местность необыкновенной красоты. Огромные зазубренные, покрытые снегом вершины взбудоражили их чувства. Холод начал проникать под кожу.

Они оделись в звериные шкуры и меха, изготовленные Фордом с использованием технологии, которую он перенял у бывших монахов-пралитов, владельцев мыслинг-центра в горах Хуньяна.

Галактика кишит бывшими монахами-пралитами, и все они востребованы, поскольку техника ментального контроля, разработанная Орденом как форма послушничества на самом деле потрясающая — и невероятное количество монахов покидает Орден непосредственно по завершении срока послушания как раз перед тем как дать окончательный обет провести остаток жизни в крепко запертом металлическом ящике.

Технология Форда заключалась в том, что на-

до было некоторое время стоять неподвижно и улыбаться.

Вскоре животное — например, олень — появлялось из-за деревьев и начинало внимательно следить за Фордом. Форд продолжал улыбаться, глаза его становились все мягче и лучистее, и в конце концов начинали распространять глубокую вселенскую любовь, любовь, способную объять все сущее вокруг. В природе воцарялись удивительный покой и безмятежность, центром которых являлся чудесно преобразившийся человек. Олень медленно, шаг за шагом, подходил к нему, пока наконец не утыкался доброй мордой прямо в лицо Форду, который быстро протягивал руки и ломал животному шею.

— Феромонный контроль, — объяснял Форд, — нужно только научиться генерировать нужный запах.

Глава 31

Через несколько дней после прибытия в гористую местность они увидели береговую линию, простиравшуюся по диагонали с юго-запада на северо-восток, береговую линию монументального величия: сияющие ледяные вершины, великолепные глубокие ущелья — фьорды.

Два следующих дня они взбирались, карабкаясь, по горам и ледникам, до немоты восхищенные непередаваемой красотой.

— Артур! — вдруг завопил Форд.

Это было на второй день восхождения после полудня. Артур сидел на скале, глядя на бушующее внизу море, на бурные волны, бьющиеся о скалистые уступы.

— Артур! — завопил Форд снова.

Артур взглянул в ту сторону, откуда, подхваченный ветром, слабо доносился голос Форда.

Форд отошел в сторону исследовать ледник, и Артур увидел его вдалеке сидящим на корточках перед отвесной стеной голубого льда. Он был напряжен и возбужен — его глаза стрельнули навстречу взгляду Артура.

— Смотри! — показывал он. — Смотри!

Артур посмотрел. Он увидел отвесную стену голубого льда.

— Да, — сказал он. — Ледник. Я уже видел.

— Ты смотрел, — сказал Форд, — но ты не видел. Взгляни!

Форд показывал куда-то в самое сердце льдины.

Артур всмотрелся — и не увидел ничего, кроме неясных теней.

— Отойди чуть подальше, — посоветовал Форд, — и посмотри еще.

Артур отошел чуть подальше и посмотрел еще.

— Нет, — сказал он и пожал плечами, — я ничего не вижу. Что я там должен увидеть?

И вдруг он увидел.

— Ты видишь?

Он видел.

Он открыл рот и попытался заговорить, но его мозг, не родив ни единой ясной фразы, дал рту сигнал закрыться. После этого мозг попытался было примирить Артура с мыслью, что то, что видят его глаза — правда, но тут же потерял контроль над мышцами рта, который немедленно раскрылся снова. Разбираясь с челюстью, мозг утерял управление мышцами левой руки, кото-

рая совершенно невозможным манером поплыла в сторону. Секунду-другую мозг Артура пытался контролировать левую руку, не теряя связи с мышцами лица, и при этом еще думать о том, что спрятано в леднике. Видимо, поэтому у Артура отказали ноги, и он бессильно опустился на землю.

То, что вызвало такое неврологическое расстройство, было странным узором, вмерзшим в льдину на глубине восемнадцати дюймов от поверхности. При взгляде под нужным углом узор образовывал буквы иноземного алфавита, каждая высотой фута в три. Для тех, кто, подобно Артуру, не знал магратеанского, над буквами имелось также очертание лица.

Это было немолодое, худое и благородное лицо, изможденное, но не злое.

Это было лицо человека, получившего приз за разработку той самой береговой линии, на которой они, как до них только что дошло, сейчас стояли.

Глава 32

Пронзительный вой наполнил воздух. Он понесся, крутясь между деревьями, пугая белок. Птицы с возмущением разлетелись в стороны. Шум заплясал-запрыгал по поляне. Он выл, визжал, бил по ушам.

Капитан, однако, смотрел на одинокого волынщика с выражением полного всепрощения. Мало что могло нарушить его спокойствие; действительно, с тех пор как он оправился после потери своей великолепной ванны во время неприятностей на болоте много месяцев назад, он начал снова радоваться жизни, находя ее вполне удовлетворительной. В большом камне, стоявшем посреди поляны, выдолбили продолговатую полость, и там он купался ежедневно с помощью помощников, которые плескали на него воду. Не слишком теплую, надо сказать, потому что они еще не придумали способа подогревать ее. Но ничего, всему свое время, а пока вглубь континента одна за другой отправлялись поисковые экспедиции с заданием найти горячие источники, желательно на солнечной поляне в окружении

красивых лиственных деревьев, а уж если рядом окажутся мыльные месторождения — идеально! Тем, кто говорил, что они не уверены, что мыло добывают на мыльных месторождениях, капитан отвечал, что, возможно, это оттого, что никто не удосужился как следует поискать, и такую возможность все были вынуждены признать, хотя и неохотно.

Нет, жизнь была прекрасна, а самое прекрасное в ней было то, что, как только будет найден подходящий горячий источник, в комплекте с солнечной поляной и прочим, и в надлежащий срок со стороны холмов раскатисто донесется крик, возвещающий об обнаружении мыльного месторождения, производящего уже пятьсот кусков в день, жизнь станет еще краше. Очень важно иметь что-то хорошее впереди, чего можно ждать и на что надеятся.

Вой, вой, визг, вой, вопль, хрюк, скрип — волынка улучшала и без того прекрасное настроение Капитана сознанием того, что теперь уже в любой момент эти звуки могут прекратиться. Это тоже давало надежду.

Что еще есть приятного в этой жизни, спрашивал он себя? Очень и очень многое: багряные и золотые листья на деревьях, теперь, когда не за

горами осень; веселая трескотня ножниц неподалеку от ванны — это два парикмахера оттачивали свое мастерство на дремлющих художественном руководителе и его помощнике; солнечные лучи, отражающиеся от поверхностей шести до блеска начищенных телефонов, выстроившихся по краю выдолбленной в камне ванны. Что может быть прекраснее телефона, который не звонит постоянно? Только шесть телефонов, которые не звонят постоянно.

А прекраснее всего было слушать счастливый гомон сотен людей, не торопясь собиравшихся вокруг него на поляне, чтобы присутствовать на послеобеденном собрании правления.

Капитан весело тюкнул резиновую уточку по носу. Больше всего он любил послеобеденные собрания.

За собиравшейся толпой наблюдали еще одни глаза. Высоко на дереве, на краю поляны, притаился Форд Префект, недавно воротившийся из заграничных странствий. После шестимесячного путешествия он выглядел стройным и подтянутым, глаза его блестели, одет он был в куртку из шкуры северного оленя; борода была густой, а загар бронзовым, совсем как у солиста кантри-рокгруппы.

Они с Артуром Дентом следили за голгафринчемцами уже почти неделю, и Форд решил, что настало время кое-что для них прояснить.

Поляна наполнилась людьми. Сотни мужчин и женщин расселись вокруг, болтая, жуя фрукты, играя в карты, словом, получая полное удовольствие от жизни. Их тренировочные костюмы к этому времени пришли в полную негодность, зато у каждого была безукоризненная модная стрижка. Форд с недоумением заметил, что многие из них набили свои костюмы листьями, и решил, что это форма защиты от надвигающихся холодов. Форд сощурился. Вряд ли они вдруг дружно заинтересовались ботаникой?

В его размышления ворвался голос Капитана, перекрывавший шум толпы.

— Итак, — сказал он. — Я бы хотел призвать собравшихся соблюдать хоть какой-то порядок, если это возможно, конечно. У всех все в порядке? — Он доброжелательно улыбнулся. — Начинаем через минуту. Когда все будут готовы.

Разговоры постепенно стихли, и на поляне воцарилось молчание, если, конечно, не принимать во внимание волынщика, который, казалось, полностью погрузился в собственный дикий необитаемый музыкальный мир. Некоторые из

сидящих в непосредственной близости от музыканта швырнули в него листьями. Если в этом действии и был какой-то смысл, то Форд его пока не уловил.

Небольшая группа людей сгрудилась вокруг Капитана, один из них явно собирался выступить с речью. Он встал, прочистил горло и затем уставился в пространство, как бы для того, чтобы показать толпе, что будет с ними через минуту.

Толпа, естественно, удостоила этот трюк вниманием, и все глаза обратились к будущему оратору.

Наступило затишье, которое Форд счел идеальным драматургическим моментом для собственного появления на сцене. Человек набрал воздух, чтобы заговорить.

Форд спрыгнул с дерева.

— Привет! — сказал он.

Все головы повернулись к нему.

— А, мой дорогой друг, — вскричал Капитан, — у вас, случайно, нет с собой спичек? А зажигалки? Чего-нибудь такого?

— Нет, — ответил Форд, немного сбитый с толку. Он не ожидал такого поворота. Он подумал, что надо будет потверже держаться намеченного курса.

— Нет, спичек у меня нет, — сказал он. — У меня новости…

— Жаль, — перебил Капитан, — у нас у всех тоже кончились. Я не принимал теплой ванны уже несколько недель.

Форд не дал сбить себя с курса.

— У меня новости, — сказал он, — об одном интересном открытии, которое может заинтересовать вас.

— А это входит в повестку дня? — резко спросил тот, чье выступление Форд прервал.

Форд улыбнулся широкой улыбкой солиста кантри-рокгруппы.

— Да ладно вам, — сказал он.

— Нет уж, извините, — сказал человек сварливо, — я, как консультант по управлению с многолетним стажем, настаиваю на важности рассмотрения вопроса о составе комитета.

Форд обвел толпу изумленно раскрытыми глазами.

— Этот человек сумасшедший, — сказал он, — это же доисторическая планета.

— Обращайтесь к сидящему в кресле председателя! — рявкнул консультант по управлению.

— Здесь нет кресла, — объяснил Форд, — здесь есть только камень.

Консультант по управлению подумал, что раздраженный тон — самый подходящий в данной ситуации.

— Ну и что же, будем называть это креслом, — сказал он раздраженным тоном.

— А почему бы с тем же успехом не называть это камнем? — спросил Форд.

— Вы, очевидно, не имеете ни малейшего представления, — сказал консультант по управлению, оставляя раздраженный тон и призывая на помощь старое доброе высокомерие, — о современных методах управления.

— А вы не имеете ни малейшего представления о том, где вы находитесь, — не остался в долгу Форд.

Девица с резким голосом вскочила на ноги и сказала:

— Замолчите, вы оба, я хочу вынести резолюцию!

— Ты ее не донесешь, — посочувствовала сидевшая рядом парикмахерша, глядя на «резолюцию».

— Соблюдайте регламент! — прикрикнул на них консультант по управлению.

— Ладно, — сказал Форд, — давайте посмотрим, что тут у вас.

Он сел на землю, гадая, сколько сможет вытерпеть.

Капитан издал невнятный примирительный звук.

— Я хотел бы призвать соблюдать регламент, — сказал он милым голосом, — пятьсот семьдесят третьего собрания комитета по колонизации Финтельвундельвикса…

Не больше десяти секунд, понял Форд и снова вскочил на ноги.

— Бред какой-то! — закричал он. — Пятьсот семьдесят третье собрание, а вы еще даже не умеете добывать огонь!

— Если бы вы потрудились, — сказала девица со скрипучим голосом, — изучить листок с повесткой…

— Валун с повесткой, — радостно уточнила парикмахерша.

— Спасибо, я понял, — пробормотал Форд.

— Вы… бы… знали, — решительно продолжала девица, — что сегодня у нас отчет парикмахерского подкомитета по добыче огня.

— Ах… огня… — сказала парикмахерша с благожелательно-тупым видом, знакомым каждому в Галактике и означающим: «Ммм, в следующий вторник вас устроит?».

— Так, — сказал Форд, обращаясь к парикмахерше, — и чего же вам удалось достичь? Что вы собираетесь делать? Какие идеи по поводу добычи огня?

— Я не знаю, — протянула парикмахерша, — мне дали только две деревяшки…

— И что вы с ними сделали?

Испуганно парикмахерша полезла в карман тренировочного костюма и протянула плоды своего труда Форду.

Форд поднял вверх руку, чтобы все увидели.

— Щипцы для завивки, — объявил он.

Толпа зааплодировала.

— Не стоит, не стоит, — поблагодарил Форд. — Что ж, Рим тоже не за один день сожгли.

Толпа не имела представления, о чем он говорит, но им все равно очень понравилось. Они зааплодировали.

— Вы все ужасно наивны, — вмешалась девица, — если бы вы занимались маркетингом столько, сколько им занималась я, вы бы знали, что, прежде чем разработать продукт, его нужно всесторонне исследовать. Нам нужно выяснить, какой у огня имидж, чего люди от него ждут, как они к нему относятся, что они собираются с ним делать.

Люди напряглись. Они ждали от Форда какого-нибудь потрясающего ответа.

— Засунуть его в задницу, — сказал он.

— Именно это мы и должны выяснить, — нимало не смутилась девица, — нужен ли людям огонь, пригодный к анальному размещению?

— Нужен? — обратился Форд к народу.

— Да! — закричали одни.

— Нет! — закричали другие.

Они не знали, им просто нравилось кричать.

— Еще колесо! — вспомнил Капитан. — Что у нас там с колесиками? Очень интересный проект.

— Ох, — сказала девица, — с этим вышли некоторые сложности.

— Сложности? — воскликнул Форд. — Сложности? Что вы имеете в виду, сложности? Это же простейшее приспособление во Вселенной!

Маркетинговая девица одарила его кислым взглядом.

— Хорошо, мистер Гений, — ядовито сказала она, — вы у нас такой умный, вы нам и скажите, какого цвета оно должно быть.

Толпа взбесилась от восторга. Один ноль в пользу наших, подумали они. Форд пожал плечами и сел.

— Заргон всемогущий, — пробормотал он, — кто-нибудь из вас хоть что-нибудь умеет делать?

Как бы в ответ на его вопрос со стороны леса вдруг послышался шум. Собравшиеся не могли поверить, что на сегодня им выпало такое огромное количество развлечений: на поляну маршем вышла бригада примерно из десяти человек, одетых в то, что осталось от формы 3-его голгафринчемского полка. У половины из них все еще имелись Килл-О-Заппы, остальные несли в руках копья, стукавшиеся друг об друга при марше. Гвардейцы выглядели здоровыми, загорелыми, но уставшими и замызганными. Дружно остановившись, они стукнули копьями о землю, прося внимания. Один из них упал и больше не шевелился.

— Капитан, сэр! — доложил Второй помощник, ибо именно он был командиром, — Разрешите доложить, сэр!

— Докладывайте, Второй, кстати, с возвращением и все такое прочее. Обнаружили горячие источники? — спросил Капитан с надеждой.

— Нет, сэр!

— Я так и думал.

Второй помощник, рассекая толпу, добрался до ванны.

— Мы обнаружили другой континент!

— Где же это?

— Он находится за морем, — объявил второй помощник, со значением сощурив глаза, — на востоке!

— А.

Второй помощник оборотился к народу. Он воздел над головой свое оружие. Вот здорово, подумали люди.

— Мы объявили им войну!

Со всех сторон понеслись экстатические выкрики — это было здорово сверх всяких ожиданий.

— Подождите, — закричал Форд Префект, — подождите!

Он вскочил на ноги и потребовал внимания. Через некоторое время он добился его, насколько позволяли обстоятельства. А обстоятельства были таковы, что волынщика посетила спонтанная идея сочинить национальный гимн.

— А что, волынщик здесь очень нужен? — раздраженно спросил Форд.

— А как же, — сказал Капитан, — он у нас на ставке.

Форд подумал было вынести вопрос о музыканте на повторное голосование, но быстро понял, что именно так и начинается безумие. Вместо

голосования он по тщательно рассчитанной траектории метнул в волынщика камень и повернулся лицом ко второму помощнику.

— Значит, войну? — переспросил он.

— Да! — второй помощник с вызовом смотрел на Форда.

— Другому континенту?

— Да! Беспощадную! До победного конца!

— Но тот континент пока необитаем!!!

Взгляд второго помощника не дрогнул ни на секунду. В этом смысле его глаза вообще напоминали пару комаров, которые висят перед носом и ничто не в силах этому помешать: ни размахивание руками, ни хлопание свернутой газетой или даже мухобойкой.

— Я знаю, — решительно сказал второй помощник, — но когда-нибудь кто-нибудь обязательно появится! Так что мы оставили им ультиматум с открытой датой.

— Чего?!

— И взорвали несколько военных объектов.

Капитан привстал в ванне.

— Военных объектов? — удивился он.

Глаза Второго на секунду метнулись в сторону.

— Потенциальных военных объектов, сэр. Ну… деревьев.

Его неуверенность сразу же прошла, и он хлестнул взглядом по толпе.

— И еще, — пророкотал он, — мы допросили газель!

Бравым движением он засунул Килл-О-Запп подмышку и пошел к своему отряду через ад кромешный, в который теперь превратилось собрание. Он успел сделать лишь несколько шагов — толпа подхватила его и понесла по поляне, решив сделать круг почета.

Форд сидел и лениво стукал камнем о камень.

— Ну, так чего же вы достигли? — осведомился он, когда вопли восторга улеглись.

— Мы основали культуру, — ответила маркетинговая девица.

— Неужели? — сказал Форд.

— Да. Один режисер уже начал снимать потрясающее документальное кино о местных туземцах — ну, о пещерных людях.

— Они не пещерные.

— Выглядят как пещерные.

— Разве они живут в пещерах?

— Ну…

— Они живут в хижинах.

— А может, у них в пещере ремонт! — выкрикнул придурок из толпы.

Форд смерил его сердитым взглядом.

— Очень смешно, — сказал он, — а вы заметили, что они вымирают?

На обратном пути ему и Артуру попались две покинутые деревни, а в лесу они нашли тела местных жителей, которые уползли умирать подальше от своих жилищ. Те же, что были еще живы, выглядели подавленными и несчастными, как будто страдали от болезни души, а не тела. Они двигались еле передвигая ноги и с бесконечным страданием. У них попросту отобрали будущее.

— Вы-ми-ра-ют! — повторил Форд. — Вы знаете, что это означает?

— Ммм… не следует ли продать им страховку? — снова подал голос придурок.

Форд проигнорировал это заявление и обратился к народу.

— Попробуйте понять, — призывал он, — они начали вымирать только с нашим появлением здесь!

— Этот момент очень интересно отражен в фильме, — вмешалась маркетинговая девица, — и это дает такое пикантное прочтение событий, которое является отличительной чертой по-настоящему качественного документального кино.

Наш продюсер — настоящий энтузиаст своего дела.

— Видимо, так, — пробурчал Форд.

— Я полагаю, — сказала девица, обращаясь к Капитану, который к этому времени уже клевал носом, — что свой следующий фильм он будет делать о вас, Капитан.

— Да что вы говорите? — вежливо удивился Капитан, встрепенувшись. — Как мило с его стороны.

— Он хочет придать фильму такой, знаете, поворот — груз ответственности, одиночество лидера…

Капитан поахал по этому поводу.

— Знаете, — сказал он наконец, — я бы не стал чересчур напирать на одиночество. Тот, у кого есть резиновая уточка, не может быть одинок.

Он поднял уточку повыше и позволил толпе ее поприветствовать.

Все это время консультант по управлению хранил гробовое молчание и только прижимал пальцы к вискам, чтобы показать, что он ждет и будет ждать весь день, если необходимо.

Но потом он вдруг решил, что не собирается ждать целый день, а лучше сделает вид, что последних тридцати минут просто не было.

Он встал.

— Если бы, — сказал он сухо, — мы могли бы перейти к вопросу о налоговой политике…

— Налоговой политике! — заулюлюкал Форд. — Налоговой политике!

Консультант по управлению посмотрел на Форда взглядом электрического ската.

— Налоговой политике, — повторил он, — именно так я и сказал.

— Откуда у вас деньги, — возмущенно спросил Форд, — если никто ничего не производит? Деньги, знаете ли, не растут на деревьях.

— Если мне позволено будет продолжить…

Форд обреченно кивнул.

— Спасибо. Поскольку несколько недель назад мы решили принять древесные листья в качестве официального денежного средства, то все мы, конечно, стали очень богаты.

Не веря своим ушам, Форд смотрел на одобрительно кивавших людей, которые одновременно ощупывали пачки листьев, набитые в тренировочные костюмы.

— Но мы также, — продолжал консультант по управлению, — столкнулись с проблемой инфляции в связи с высоким уровнем лиственной доступности, и это означает, насколько я пони-

маю, что текущий курс обмена равен трем рощам листопадных деревьев к одному мешку арахиса.

Ропот тревоги пробежал по толпе. Консультант по управлению утихомирил волнение взмахами руки.

— Поэтому, для решения возникшей проблемы, — продолжал он, — и проведения эффективной девальвации, мы собираемся начать кампанию по дефолиации и… ммм, сжечь имеющиеся леса. Я думаю, все согласятся с тем, что это разумный шаг, учитывая обстоятельства.

Минуту-другую собрание выражало некоторую неуверенность, пока кто-то не указал, что подобные действия существенно повысят ценность листьев, имеющихся в обращении. Тогда все с радостными криками повскакали с мест и устроили консультанту по управлению бурную овацию. Те же, кто обладал познаниями в бухгалтерии, начали предвкушать прибыльную осень.

— Вы все сумасшедшие, — сказал им Форд Префект.

— Вы все совершенно ненормальные, — добавил он.

— Вы все — куча недоделанных кретинов, — высказал он свое мнение.

Против него стало нарастать недовольство.

То, что началось как прекрасное развлечение, приобрело, по мнению людей, оскорбительный характер, и, поскольку оскорбления были направлены в их адрес, этого нельзя было дольше терпеть.

Чувствуя настроение толпы, маркетинговая девица постаралась повернуть дело против Форда.

— А позвольте узнать, — потребовала она, — чем вы вообще занимались последние несколько месяцев? Вы и еще этот, второй, пришелец — вас не было видно с того самого дня, как мы прибыли.

— Мы путешествовали, — объяснил Форд. — Мы хотели узнать что-нибудь об этой планете.

— Ах вот как, — сказала девица неодобрительно. — И много узнали? Что-то непохоже.

— Непохоже? Вот как? Ну, так у меня для тебя новость, любовь моя. Мы теперь знаем будущее этой планеты.

Форд подождал, пока это заявление дойдет до слушателей и возымеет должный эффект. Но никакого эффекта оно не возымело. Они не понимали, о чем он говорит.

Тогда Форд заговорил снова:

— Знайте, что, начиная с этого самого момента, абсолютно неважно, что вы все собираетесь

делать. Это не имеет ровно никакого значения. Жгите леса, делайте что хотите. Ваша будущая история уже написана. У вас впереди два миллиона лет — и все! По истечении этого срока ваша цивилизация умрет. Исчезнет. И слава Богу! Запомните, два миллиона лет!

Толпа раздраженно загалдела. Люди, разбогатевшие настолько, насколько все они внезапно разбогатели, не обязаны выслушивать всякую чепуху. Может быть, дать этому идиоту пару-тройку листьев, и тогда он отстанет?

Но им не пришлось беспокоиться. Форд уже шел прочь с поляны и остановился только лишь для того, чтобы покачать головой при виде второго помощника, в упор расстреливавшего близлежащие деревья.

Потом Форд обернулся назад.

— Два миллиона лет, — сказал он и рассмеялся.

— Что же, — откликнулся Капитан с умиротворяющей улыбкой, — еще есть время, чтобы спокойно принять ванну. Кто-нибудь, передайте мне, пожалуйста, мочалку. А то я ее уронил.

Глава 33

В миле от поляны, в лесу, Артур Дент был слишком занят своим делом, чтобы услышать приближающиеся шаги Форда Префекта.

Дело у Артура было довольно занятное: на широком плоском камне он начертил квадрат и разделил его на сто шестьдесят девять маленьких квадратиков, тринадцать по горизонтали и тринадцать по вертикали.

Потом он набрал кучу маленьких плоских камешков и на каждом нацарапал букву. За камнем угрюмо сидели двое еще не умерших местных обитателей. Им Артур пытался втолковать любопытную концепцию, заключавшуюся в камешках.

Пока что у него ничего не получалось. Туземцы сделали попытку часть камней съесть, часть — зарыть в землю, а оставшиеся — разбросать. В конце концов Артуру удалось вдохновить их настолько, что они уложили несколько камешков в квадратики, но накануне ему удавалось куда больше. Вместе с разрушением духа эти создания с каждым днем явно теряли в интеллекте.

Чтобы как-то приободрить их, Артур уложил пару буковок сам и попробовал поощрить аборигена добавить к ним следующие.

Получалось плохо.

Форд тихо наблюдал за происходящим из-за дерева.

— Нет, — сказал Артур тому из местных, который только что смешал буквы на доске в припадке безысходного уныния. — за «Щ» дается десять очков, а она стоит на утроении, поэтому… послушайте, ну я же объяснял вам правила… нет, нет, пожалуйста, положите берцовую кость… Ладно, начнем сначала. И постарайтесь сосредоточиться.

Форд подпер голову ладонью, а локтем — дерево.

— Чем ты занимаешься, Артур? — спросил он спокойно.

Артур испуганно вскинул на него глаза. Он вдруг понял, что выглядит, вероятно, очень глупо. Он очень любил эту игру, когда был ребенком. Но тогда все было иначе. Точнее, будет иначе.

— Я хотел научить пещерных людей играть в крестословицу, — сказал он.

— Они не пещерные, — сказал Форд.

— Выглядят как пещерные.

Форд не стал развивать эту тему.

— Понятно, — сказал он.

— Адский труд, — пожаловался Артур. — Они знают только слово «хук», да и его не могут правильно написать.

Он вздохнул и прислонился к камню.

— А чего ты, собственно, хочешь достичь? — спросил Форд.

— Мы должны поощрять их развитие! — сердито выкрикнул Артур в надежде, что усталый вздох, а затем бурный гнев помогут побороть непереносимое ощущение собственного идиотизма. Но они не помогли. Тогда Артур вскочил на ноги.

— Ты можешь себе представить, на что будет похож мир, произошедший от этих… кретинов, с которыми мы сюда прибыли?

— Представить? — переспросил Форд, поднимая брови. — Зачем представлять, мы его видели.

— Но… — Артур беспомощно развел руками.

— Мы его видели, — повторил Форд. — Этого нельзя отменить.

Артур пхнул ногой камень.

— Ты сказал им, что мы обнаружили? — спросил он.

— Ммммм? — переспросил Форд, не особенно

прислушивавшийся.

— Про Норвегию, — пояснил Артур. — Про подпись Слартибартфаста в леднике. Сказал?

— А смысл? — спросил Форд. — Какая им разница?

— Разница? — поразился Артур. — Разница? Ты прекрасно знаешь, какая разница! Эта планета — Земля, вот какая разница! Мой дом! Здесь я жил!

— Жил?

— Ну, буду жить.

— Совершенно верно, через пару миллионов лет. Почему бы тебе им и об этом не рассказать? Иди и скажи: «Извините, но я хочу вам сказать, что через два миллиона лет я буду иметь счастье родиться в нескольких милях отсюда». И посмотришь, что они сделают. Они загонят тебя на дерево и подожгут его.

Артур слушал с несчастным видом.

— Смотри фактам в лицо, — сказал Форд. — Твои предки — прилетевшие вместе с нами притырки, а вовсе не эти несчастные создания.

Форд подошел к обезьяноподобным существам, которые бессмысленно рылись в каменных буквах. Он покачал головой.

— Убери крестословицу, Артур, — посоветовал он, — это не спасет человеческую расу, потому

что этим ребятам не суждено стать ею. Будущая человеческая раса в настоящее время сидит на скале с другой стороны холма и снимает о себе документальные фильмы.

Артур болезненно скривился.

— Должно же быть что-то, что мы можем сделать, — упавшим голосом сказал он. Ужасное чувство одиночества пронзило его. Зачем он снова оказался здесь, на Земле, которая лишилась будущего в космической катастрофе, а теперь вот на его глазах лишалась и прошлого.

— Нет, — сказал Форд. — Мы ничего не можем сделать. Мы не можем изменить историю Земли, это уже свершившаяся история. Нравится тебе или нет, но голгафринчемцы — это те люди, от которых ты произошел. Через два миллиона лет их уничтожат вогоны. История не меняется, понимаешь, просто отдельные ее части входят друг в друга, как элементы пазла. Старо как мир и глупо как мир, правда?

Он подобрал букву «Щ» и зашвырнул ее в растущие поодаль заросли бирючины. Буква попала в молодого кролика. Кролик в ужасе бросился бежать и не останавливался до тех пор, пока его не поймала лиса. Лиса не доела кролика, подавившись его костью, и вскоре умерла на берегу

ручья, который унес тело.

В течение нескольких следующих недель Форд, засунув подальше свою гордость, крутил любовь с девушкой, в свое время работавшей на Голгафринчеме менеджером по персоналу. Он был немало огорчен, когда девушка внезапно скончалась, попив воды из пруда, зараженного трупным ядом лисицы. Единственная мораль, которую можно извлечь из всей этой истории, такова: никогда не следует швырять букву «Щ» в заросли бирючины, но, к несчастью, бывают моменты, когда это неизбежно.

Как и многие другие действительно важные события в жизни, эта цепь событий осталась совершенно незамеченной Фордом и Артуром. Они грустно смотрели на одного из аборигенов, мрачно перебиравшего буквы.

— Несчастные пещерные люди, — сказал Артур.

— Они не…

— Что?

— Ах, да ничего! — воскликнул Форд.

Бедное создание издало жалобный вопль и застучало по большому камню.

— Кажется, я зря стараюсь, да? — расстроенно произнес Артур.

— Ух ух ургхххх, — проворчал абориген и постучал по камню снова.

— Их вытеснят санобработчики.

— Урх, грр грр, грух! — настаивал местный житель, продолжая стучать по камню.

— Чего он все стучит? — недоумевающе спросил Артур.

— Наверное, хочет еще поиграть, — предположил Форд. — Он все время показывает на буквы.

— Опять написал «ррруиохщхгрр», идиот несчастный. Я все говорю ему, что в слове «ррруиохщхгрр» только одно «г».

Абориген еще раз постучал по камню.

Они посмотрели на камень из-за его плеча.

Их глаза выкатились из орбит.

Из кучки камешков были выбраны и выложены рядком восемь.

Они прочитали два образовавшихся слова.

Слова оказались такие:

«Сорок два».

— Гррррууурх гух гух, — объяснил абориген. Он сердито смел буквы с камня и вместе со своим товарищем удалился под ближайшее дерево.

Артур с Фордом долго смотрели на него. Потом долго смотрели друг на друга.

— Там написано то, что я подумал? — хором

спросили они друг у друга.

— Да, — ответили они вместе.

— Сорок два, — сказал Артур.

— Сорок два, — сказал Форд.

Артур побежал к аборигенам.

— Что вы пытаетесь нам сказать? — закричал он. — Что все это значит?

Один из аборигенов перевернулся на спину, побрыкал ногами в воздухе, потом повернулся на бок и заснул.

Второй залез на дерево и оттуда принялся швырять в Форда конскими каштанами. Все, что они хотели сказать, они уже сказали.

— Ты и так знаешь, что это значит, — сказал Форд.

— Не совсем.

— «Сорок два» — число, о котором «Глубокий Мыслитель» сказал, что это ответ на Великий Вопрос.

— Да.

— А Земля — это компьютер, разработанный и построенный «Глубоким Мыслителем», чтобы вычислить Вопрос к Великому Ответу.

— В это нам пришлось поверить.

— А органическая жизнь — это часть матрицы компьютера.

— Как скажешь.

— Я именно это и говорю. Поэтому аборигены, эти мартышки, являются интегральной частью компьютерной программы, а мы и голгафринчемцы — нет.

— Но пещерные люди вымирают, а голгафринчемцы, очевидно, их заменят.

— Совершенно верно. Так что ты понимаешь, что все это значит.

— Что?

— Напрягись.

Артур огляделся.

— Эту планету ждут трудные времена, — сказал он.

Форд размышлял.

— И все же, что-то должно из этого получиться, — сказал он в конце концов, — потому что Марвин говорил, что видит Вопрос в излучениях твоего мозга.

— Но…

— Может быть, неправильный вопрос, или искаженный. Это могло бы нам помочь в поисках. Однако, я совершенно не понимаю, как искать и где.

Они призадумались. Артур сел на землю и принялся по одной рвать травинки, но это занятие

как-то не увлекло его. Он не мог всерьез воспринимать эту траву, деревья казались ненастоящими, холмы живописно уходили в никуда, а будущее представлялось не более чем темным тоннелем, сквозь который предстоит пробираться.

Форд повозился со Сенс-О-Матиком. Тот молчал. Форд вздохнул и убрал его.

Артур вытащил букву из самодельного набора крестословицы. Буква оказалась «Н». Он вздохнул и положил ее на камень. Следующей выпала буква «И». Получилось: «ИН». Слегка перемешав буквы, он вытащил еще две, «Б» и «Л». По случайному совпадению, получившееся слово полностью соответствовало реакции Артура на происходящее. Артур смотрел на это слово и думал о том, что оно сложилось не нарочно, просто так получилось. В его мозгу медленно включилась первая передача.

— Форд, — сказал он вдруг, — послушай, если Вопрос виден в излучениях моего мозга, а я про него ничего не знаю, то, получается, он скрыт у меня в подсознании.

— Видимо, так.

— Значит, должен быть способ вытащить его оттуда.

— Неужели?

— Конечно! Путем внесения элемента случайности, который мог бы выразить бессознательное.

Форд так и подскочил.

— Великолепно! — вскричал он. Он вытащил из рюкзака полотенце и, связав его в нескольких местах, изготовил импровизированный мешок.

— Безумие, — сказал он, — полнейшая чушь. Но у нас все получится, потому что это — гениальная чушь.

Солнце деликатно скрылось за тучей. Упало несколько маленьких печальных капелек дождя.

Они собрали все имевшиеся буквы в мешок. Потрясли их хорошенько.

— Так, — сказал Форд. — Закрой глаза. Тяни. Давай, давай, давай.

Артур закрыл глаза и засунул руку в полотенце. Он перемешал камни, вытащил четыре и протянул Форду. Форд выложил их в ряд на большом камне.

— «Ч», — читал Форд, — «Т», «О»… ЧТО!

Он удивленно моргнул.

— Кажется, получается! — воскликнул он.

Артур вытащил еще три.

— «Б», «У», «Д»… БУД?… Чушь какая-то.

Артур вытащил еще две буквы.

— «Е», «Т», БУДЕТ… ЧТО БУДЕТ! Получается!

— Вот еще. — Артур вытаскивал буквы так быстро, как только мог.

— «Е», «С», «Л», «И», — читал Форд, — УМНОЖИТЬ… Что будет, если умножить… ШЕСТЬ НА… что будет, если умножить шесть на… ДЕВЯТЬ… — Он замолчал. — Ну, что там дальше?

— Боюсь, это все, — сказал Артур. — Больше ничего нет.

Он сел, озадаченный. Порылся еще в мешке, но букв действительно больше не было.

— Так это что, всё?

— Да.

— Шесть на девять. Сорок два.

— Всё.

Глава 34

Солнце вышло из-за тучи и весело засияло сверху. Запела птичка. Между деревьев пробежал теплый ветерок, который поднял поникшие головки цветов, чей нежный аромат разлился по лесу. Насекомое промчалось по какому-то важному делу из тех, коими насекомые занимаются во второй половине дня. Из-за деревьев донеслись звонкие голоса, а через секунду появились две девушки, остановившиеся в изумлении при виде Форда Префекта и Артура Дента, которые, казалось, в агонии лежали на земле, а на самом деле сотрясались от беззвучного хохота.

— Нет, не уходите, — выговорил Форд в промежутках между спазмами, — мы сейчас.

— Что случилось? — спросила одна из девушек. Она была выше и стройнее второй. На Голгафринчеме она работала младшим менеджером по персоналу, но ее это не вполне удовлетворяло.

Форд взял себя в руки.

— Простите, — сказал он. — Здравствуйте. Мы с другом как раз обсуждали смысл жизни. Так, размышления на свободную тему.

— Ах, так это вы, — вспомнила девушка, — это вы работали клоуном сегодня на собрании. Пожалуй, вы немного перестарались, а?

— Разве? Впрочем, пожалуй.

— А зачем вам это все? — спросила вторая девушка, пониже. У нее было круглое лицо, и она в свое время была художником в маленькой рекламной фирме. Что бы ни происходило сейчас в ее жизни, она каждый день ложилась спать с чувством глубокой благодарности за то, что утром может увидеть все что угодно, но только не сотню практически идентичных фотографий тюбиков зубной пасты.

— Зачем? Да низачем. Ничто низачем, — счастливым голосом произнес Форд. — Пойдемте с нами. Я — Форд, а это — Артур. Мы, правда, собирались весь вечер ничем не заниматься, но это подождет.

Девушки оглядели их с сомнением.

— Меня зовут Агда, — сказала высокая, — а это — Мелла.

— Очень приятно, Агда, очень приятно, Мелла, — сказал Форд.

— А вы вообще разговариваете? — спросила Мелла у Артура.

— Вообще да, но не сразу, — улыбнулся Ар-

тур, — и не так много, как Форд.

— Прекрасно.

Все помолчали.

— А что вы имели в виду, — спросила Агда, — когда говорили про два миллиона лет? Я так ничего и не поняла.

— Неважно, — сказал Форд, — не обращайте внимания.

— Просто мир будет уничтожен, чтобы освободить место под гиперкосмический экспресс-маршрут, — пожал плечами Артур. — Но это еще через два миллиона лет, и вообще, это же вогоны, чего вы хотите.

— Вогоны? — не поняла Мелла.

— Да, вы их не знаете.

— Откуда вы все это взяли?

— Да неважно, правда. Это как сон из прошлого. Или из будущего. — Артур улыбнулся и отвел глаза.

— А вас не волнует, что вы все время несете чушь? — спросила Агда.

— Послушайте, давайте забудем об этом, — предложил Форд, — совсем забудем. Посмотрите, какой чудесный день. Давайте наслаждаться природой. Солнце, зеленые холмы, река течет, деревья горят.

— Даже если это только сон, все равно, это совершенно ужасно, — сказала Мелла, — уничтожать планету, чтобы проложить экспресс-маршрут.

— Я слышал о вещах похуже, — сказал Форд. — Я читал об одной планете где-то в седьмом измерении, которую использовали в качестве шара при игре в интергалактический биллиард. Ее зашвырнули прямо в черную дыру. Погибло десять миллионов людей.

— Но это же безумие!

— Да, к тому же принесло всего тридцать очков.

Агда переглянулась с Меллой.

— Знаете, — сказала Агла, — сегодня после собрания будут танцы. Хотите пойти?

— Да, конечно, — сказал Форд.

— С удовольствием, — сказал Артур.

Много часов спустя Артур и Мелла сидели и наблюдали за луной, поднимавшейся над тусклокрасными деревьями.

— А эта история про то, что мир будет разрушен… — начала Мелла.

— Через два миллиона лет, да.

— Ты говоришь так, как будто уверен, что это правда.

— Да, я уверен. Кажется, я там был.

Она недоуменно потрясла головой.

— Ты очень странный, — сказала она.

— Да нет, я обыкновенный, — ответил Артур, — просто со мной случились всякие странные вещи. Я бы сказал, что это не я отличаюсь от других, а, скорее, меня отличили от других.

— А тот, другой мир, о котором говорил твой друг, который столкнули в черную дыру?

— Про это я ничего не знаю. Похоже на историю из книги.

— Какой книги?

Артур помолчал.

— Путеводитель «Автостопом по Галактике», — сказал он наконец.

— А что это?

— Так, кое-что, что я сегодня вечером выбросил в реку. Думаю, это мне больше не понадобится, — ответил Артур Дент.

Конец